

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования  
«Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины»

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ  
РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ  
ОБЩЕСТВА**

Сборник научных статей

В трех частях

Часть 2

Гомель  
ГГУ им. Ф. Скорины  
2016

УДК 340.116

**Теоретико-прикладные аспекты развития правовой системы общества** : сборник научных статей : в 3 ч. Ч. 2 / редкол. : И. И. Эсмантович [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 189 с.  
ISBN 978-985-577-156-3 (Ч. 2)  
ISBN 978-985-577-154-9

Сборник содержит научные статьи ученых и практических работников Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины, посвященные приоритетным направлениям развития правовой системы общества, тенденциям взаимодействия национальных правовых систем государств-членов СНГ и мирового сообщества, теоретическим и прикладным основам эффективного функционирования национальной правовой системы в контексте приоритетов социально-экономического развития.

Издание адресовано ученым, практическим работникам, обучающимся на юридических специальностях.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

И. И. Эсмантович (гл. ред.), Е. Г. Абраменко, С. Л. Емельянов,  
Н. В. Копыткова, Л. А. Краснобаева, Е. И. Усова

Рецензенты:

кандидат юридических наук А. В. Солтанович,  
кандидат юридических наук О. Я. Потехина,  
кандидат юридических наук А. П. Грахоцкий

**ISBN 978-985-577-156-3 (Ч. 2)** © Учреждение образования «Гомельский  
**ISBN 978-985-577-154-9** государственный университет  
имени Франциска Скорины, 2016

**А. Н. Антонов**

*канд. юрид. наук*

*Секретариат Правозащитной консультативной группы Миссии ООН в Косово (Executive Officer, UNMIK Human Rights Advisory Panel)*

## **НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НА ПОСТКОНФЛИКТНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Автор затрагивает вопрос о «процедурных обязательствах» властей по расследованию преступлений, вытекающих из требований норм прав человека, а также их применимости в ситуациях, связанных с вооружёнными конфликтами. Опираясь, в частности, на практику Правозащитной консультативной коллегии при Миссии ООН в Косове, он анализирует отдельные деятельности международных следственных групп; отдельное внимание уделено особенностям и трудностям использования переводчиков.

The article touches upon a question of “procedural obligations” stemming from the human rights standards, which bind the authorities to investigate crimes, as well as applicability of those to the investigations conducted in the context of armed conflicts. Relying upon the experience of the Human Rights Advisory Panel in Kosovo, the article discusses certain legal and practical problems faced by international investigative teams; separately discussed are problems related to participation of interpreters in the investigation.

Обязанность государства расследовать преступления вытекает из общей обязанности государств защищать своих граждан от противоправных посягательств, тем самым гарантируя фундаментальные права человека на своей территории. Общие стандарты расследования, сформулированные на базе международных стандартов Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский Суд) [1], применимы к расследованию преступлений и в особых условиях постконфликтных территорий [2]. Это такие требования как независимость, быстрота и всесторонность, доступность для потерпевшего, а также открытость для общественного контроля [3]. Кроме того, для признания его эффективным расследование должно обеспечивать принципиальную возможность определения причин и правомерности наступления смерти и установления и наказания виновных [4].

В виду того, что расследования не всегда приводят к установлению виновных, а порой и признаков преступления вообще, Европейский

Суд признал, что обязательность расследования – это «не обязанность “результата”, а обязанность “средств”». Уполномоченные органы должны без задержки предпринять все резонные шаги по сбору доказательств [5], осуществить объективный, полный и всесторонний анализ собранной информации и на этой основе сделать взвешенное заключение [6]. Отдельные недостатки расследования могут повлечь нарушение этого стандарта [7]. При выполнении перечисленных требований расследование может быть признано эффективным [8], даже если в результате виновные не привлечены к ответственности [9].

Вспомним ситуацию, сложившуюся в южной сербской «*покрајине*» Косово летом 1999 года. Тогда, после достижения соглашения о прекращении огня, принятии Резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 оттуда были полностью выведены сербские государственные структуры. Сложившийся «правовой вакуум», необходимо было немедленно заполнять, поскольку новые «местные судебные и правовые структуры ... не работали или находились под контролем вооружённых формирований» [10]. Генеральный секретарь ООН докладывал по этому поводу Совету Безопасности: «ОАК [Освободительная армия Косова] [11] быстро вернулась во все части [провинции, вынудив] большое количество косовских сербов выехать ... в другие части Сербии ... [из-за] постоянно возрастающего количества преступлений, совершаемых против них косовскими албанцами ... [что] является по большей части результатом отсутствия правоохранительных органов и других институтов власти. ... Используя эту ситуацию, банды уголовников начали борьбу за контроль над ограниченными ресурсами ... Разрешение проблемы отсутствия законной полиции является безусловным приоритетом» [12].

Особые условия, в которых приходится действовать правоохранительным органам в связи с вооружённым конфликтом диктуют необходимость выработки и внедрения особых процедур проведения расследований. Процессуальные требования, вытекающие из норм прав человека, применимы, но отступления от них возможны при определённых обстоятельствах, связанных как представляется в первую очередь с безопасностью вовлечённых в процесс лиц (как полицейского персонала, так и свидетелей и т. д.). Ясно, что последние тоже имеют право на жизнь, подлежащее государственной защите. Очевидна необходимость нахождения определённого баланса между правами и законными интересами граждан, с одной стороны, и правами работников правоохранительных органов – с другой, а также и интересов государства.

Очевидно, что если обычный способ организации охраны общественного порядка вообще и следствия в частности не работает, необходимо включать альтернативный механизм. Какие же варианты решения могут быть? Если отвечать на вопрос «кем», то вариантов не очень много: местными или приглашёнными специалистами (в том числе зарубежными), а также смешанными группами. Отвечая на вопрос «как?», представляются возможными следующие варианты:

1) отказ от проведения следствия вообще или ограничение действий консервацией места происшествия до «лучших времён»;

2) оперативная фиксация обстановки места происшествия и сбор объектов для исследования, поиск возможных свидетелей, очевидцев и фиксация их показаний с проведением дальнейшей работы за пределами конфликта;

3) организация и проведение возможных следственных действий непосредственно на месте происшествия с обеспечением необходимой охраны следственно-оперативной группы.

Для определения того, какие следственные действия проводить, а какие пока отложить, возможно применение простого двухшагового «теста»: «должен/может». В первую очередь сконцентрировать усилия необходимо на тех действиях, которые «должны» быть произведены, в частности не фиксацию обстановки места происшествия и материальных следов с целью обеспечения возможности использования этих сведений в дальнейшем. Однако даже необходимые неотложные действия необходимо выполнять «с оглядкой» на реальную ситуацию, то есть с учётом того, «могут» ли конкретные действия/ОРМ быть выполнены без серьёзного риска, либо они могут подождать своего часа.

Одновременно возможна расстановка и некоторых «параллельных» приоритетов, например связанных с тяжестью преступлений, когда внимание уделяется только наиболее тяжким преступлениям, когда заявления и сообщения об иных преступлениях только регистрируются. Мы не говорим об «экстремальных случаях», когда органы охраны правопорядка не работают вообще и подать заявление или даже просто сообщить о происшествии некуда. В таких ситуациях, как правило, вопрос стоит в первую очередь о сохранении жизни граждан, то есть о соблюдении материального требования статьи 2 ЕКПЧ (*право на жизнь*), а заботиться о процедурной её части нет смысла.

Высказываясь по данному вопросу, ЕСПЧ признаёт, что применительно к сложным послевоенным ситуациям совокупность всех вышеуказанных обязательств по расследованию преступлений «не должна возлагать невозможную или несоразмерную нагрузку» на государственные органы, а при рассмотрении жалоб оценка должна

даваться только после анализа всех особенностей конкретной обстановки и контекста [13]. Однако даже в непростых условиях от государственных органов, ответственных за проведение расследования, требуется соблюдение «минимальных гарантий оперативности, эффективности и беспристрастности» [14].

Вспомним ситуацию, сложившуюся в 2014 году вокруг расследования катастрофы самолёта рейса МН-17 Малазийских авиалиний на востоке Украины, оставив в стороне всю политическую подоплёку и рассматривая его исключительно как серьёзное происшествие, повлёкшее человеческие жертвы и подлежащее расследованию. Во-первых, милиции/полиции, работники которой должны были первыми прибыть на место происшествия как минимум для обеспечения его неприкосновенности, в зоне падения обломков просто не было по причине вооружённого конфликта. Во-вторых, наблюдатели Миссии ОБСЕ (которые не были ни следователями, ни криминалистами) некоторое время не могли прибыть на место, поскольку просто не были уверены в своей безопасности и просто не знали, с кем же надо о ней договариваться. Когда же зарубежные специалисты прибыли на Украину, возник вопрос обеспечения их беспрепятственного доступа на место и их физической безопасности. Несмотря на то что обе конфликтующие стороны гарантировали все «удобства», жалобы на помехи и вмешательство в работу поступали в отношении обеих [15].

Расследование недавней катастрофы на Синайском полуострове, также в зоне вооружённого конфликта, российского «борта» А-321 «Когалымавиа», следовавшего в Санкт-Петербург, также проводился международной следственной группой. В её состав входили российские и египетские специалисты, а также представители компании «Airbus» [16].

В более далёком прошлом, в июне 1999 года, для восстановления правопорядка в Косово ООН приняла решение ввести туда более 4000 международных гражданских полицейских, как части международного гражданского присутствия в Косово, или Миссии ООН в Косово (англ.: *United Nations Interim Administration Mission in Kosovo [UNMIK]*, далее – МООНК). Впервые в истории Организации, гражданская полиция ООН получила исполнительные функции. Формирование «Полиции МООНК» (англ.: *UNMIK Police*) было завершено к декабрю 2000. Однако даже развёртывание международной полиции не стало решением проблемы. Как отметила в связи с этим Правозащитная консультативная коллегия МООНК [17] (далее – ПКК или Коллегия), процедурные обязательства, связанные, в частности, с организацией расследования «нельзя считать исполненными с созданием

надлежащей структуры, а только тогда, когда она становится скоординированной и функционирующей системой, способной проводить адекватное и эффективное расследование» [18].

Действительно, прибывшим иностранным следователям необходимо изучить нормы действующего права на уровне, достаточном для обеспечения сбора доказательств в соответствии с процессуальными требованиями. Кроме других, в том числе и материальных, трудностей огромную проблему представляет языковой барьер. «Роскоши» изучать язык долгие месяцы нет из-за временного характера международных следственных подразделений, персонал которых регулярно заменяется (так называемые «ротации персонала»), особенно при работе в трудных условиях. Существуют различные способы решения подобных проблемных вопросов. Ниже остановимся на отдельных аспекты деятельности по преодолению «языкового барьера».

Один из важных вопросов, подлежащих первичному разрешению – это определение языка делопроизводства. В Косово например, международная администрация ООН, в том числе и правоохранительные структуры, использовала английский; в Восточном Тиморе наравне использовались английский и португальский, на Гаити - французский. Если язык делопроизводства не совпадает с местным, то властям необходимо обеспечить участникам процесса возможность говорить на своём языке, чем одновременно выполняются и процессуальные требования, и требования, предъявляемые ст. 6 ЕКПЧ (*Право на справедливое судебное разбирательство*). Оптимальным вариантом, конечно, представляется привлечение к работе специалистов, свободно владеющих местными языком.

Так, в последнее время пользуются популярностью так называемые «группы быстрого развёртывания» (англ.: *Rapid Reaction Teams/Units*, далее – ГБР), оперативно направляемые для проведения предварительного расследования сообщений о военных преступлениях и серьёзных нарушениях прав человека на территориях вооружённых конфликтов или на постконфликтных территориях. Комплекуются такие международные ГБР с помощью предварительно сформированных списков специалистов, имеющих необходимый опыт и прошедших соответствующую подготовку. Уже сейчас в «Реестре специалистов по расследованию сообщений о сексуальном насилии и насилии по признаку пола», формируемом организацией «Женщины ООН» [19] совместно с «Правосудием быстрого реагирования» [20] имеется более 480 специалистов из 95 стран, «перекрывающих» потребности в 75 языках [21].

При таком подходе в принципе возможно формирование следственной группы, владеющей необходимыми местными языками

для полноценной работы «напрямую», без переводчиков. Однако, на практике такие случаи очень редки, например из-за того, что многие кандидаты в анкетах указывают «слегка» завышенный уровень владения языком, просто чтобы повысить свои шансы пройти отбор. Когда дело доходит до работы, то зачастую необходимого свободного владения и тем более знания специальной правовой лексики не оказывается. Поэтому в большинстве случаев для обеспечения нормальной работы приходится набирать штат переводчиков.

С момента начала работы в штате МООНК было предусмотрено 5567 позиций для международного персонала (военных, полиции и гражданских) и 3282 позиции для местного персонала [22], то есть на трёх международных специалистов приходилось двое местных. В 2000 году на контракте с МООНК уже в общем состояло 4,111 работников из числа местного населения, в 2001 – 5,242, в 2002 – 4,777 [23]; как минимум трети из них приходилось регулярно помогать в общении международных специалистов с местным населением.

В связи с постоянной необходимостью правоохранительными органами переводчиков возникает ряд серьёзных проблем, рассмотрению которых посвятим завершающую часть статьи.

В первую очередь, налицо трудности с проведением оперативно-розыскных мероприятий с участием переводчика. На постконфликтной территории и так очень высок уровень недоверия и подозрительности по отношению к властям, а особенно когда последние пытаются установить и привлечь к ответственности виновных в совершении военных преступлений. В таких условиях о том, чтобы выйти на «источник информации» с участием местного переводчика, а тем более получить нужную оперативную информацию, можно просто забыть, т.к. разговаривать с вами просто никто не станет. Причина проста – многие переводчики добровольно или вынужденно сотрудничают с «параллельными» разведывательными структурами, состоящими из бывших участников конфликта, одна из задач которых состоит в противодействии правосудию.

Известная немецкая пословица гласит «*Was wissen zwei, wisst Schwein*», что значит «Что знают двое, знает и свинья». Информация, полученная при посредничестве переводчика, во-первых становится известна преступникам. Во-вторых, часто встречались ситуации, когда осуществлялся осознанно неверный перевод, когда часть информации или «терялась» или фиксировалась в искажённом виде; были случаи, когда в процессе следственного действия или оперативного мероприятия свидетель/осведомитель просто запугивался. Помимо этого, происходили информации о свидетелях, которые впоследствии

или запугивались[24] или погибали при подозрительных обстоятельствах[25]. Исследователи не раз отмечали, что уровень защиты свидетелей в Косово «был и остаётся одной из наиболее значительных проблем органов правосудия» [26].

Частично эта проблема решалась с помощью профессиональных переводчиков – иностранцев, не связанных с Косово, как правило выпускников языковых ВУЗов других стран, однако их услуг не хватало. С сербским языком было проще из-за его схожести с другими славянскими языками. Поэтому во многих случаях следователи и оперативные работники из Болгарии, России, Украины общались со свидетелями и информаторами напрямую, что значительно облегчало получение необходимых сведений. С албанским языком, вследствие его уникальности, проблем было гораздо больше. Кроме того, в жёстко поделённом на кланы обществе косовских албанцев скрыть личность анонимного свидетеля крайне тяжело. После удаления из показаний всей информации, которая могла бы прямо или косвенно идентифицировать свидетеля, показания представляли собой практически бесполезную бумагу, на которую было затрачено много времени.

В любом случае, полностью избежать использования услуг местных переводчиков невозможно. Поэтому, особое внимание необходимо уделять не только их образованию и опыту работы (порой «переводчики» не могли нормально связать двух слов на английском), но и проверке их прошлых и нынешних связей с конфликтующими сторонами и криминальным миром. Однако, для проведения соответствующих проверок опять же необходимо знание языка, наличие баз данных и оперативных контактов – то есть налицо «порочный круг». Поэтому, вопрос языковой поддержки необходимо тщательно образом изучать до направления международных ГБР на места.

Другой очень важный момент при работе «через переводчика», который необходимо иметь в виду – это невозможность использования всего арсенала тактических приёмов, рекомендуемых криминалистикой и ОРД, то есть «ограниченной тактической свободой» следователя. Дело здесь не столько в непонимании переводчиком таких приёмов, которое может породить обвинения в их неэтичности процесса. Для того, чтобы многие приёмы «сработали», следователю или оперативному работнику необходимо быть уверенным в абсолютно точном переводе, с сохранением нужных смысловых акцентов и оттенков речи, что под силу только очень опытным переводчикам-синхронистам. Кроме того, тон голоса и другие элементы невербальной коммуникации порой также очень важны, а переводчик в принципе не может их передать. Наконец, отдельные тактические приёмы,

следственные действия/ОРМ могут быть достаточно длительными, и/или связанными с активными действиями, в том числе на месте происшествия, и принудить участвовать в них переводчиков, являющихся как правило гражданскими вольнонаёмными лицами, порой не получается.

Также упомянем необходимость учёта этнической принадлежности переводчика при подготовке к проведению следственного действия или ОРМ и это не только и не столько из-за возможного незнания отдельных речевых оборотов. В большинстве случаев в напряжённом постконфликтном пространстве переводчик, даже прекрасно знающий язык, но принадлежащий «по крови» к недавней вражеской стороне, вызывает недоверие и может поставить под вопрос достижение целей мероприятия. Эта проблема была обозначена с самого начала работы Полиции МООНК. При поездках в албанские сёла, переводчики были албанцы, в сербских сёлах – сербы. Делалось это также и из соображений безопасности самих переводчиков, особенно в первые месяцы работы Миссии.

Помимо вышеуказанных, имеются и сугубо технические трудности. Так, из-за неизбежного повторения всего сказанного следователем и свидетелем при переводе, на допрос уходит как минимум в два раза больше времени. Возможности использовать оборудования для «синхронного перевода» есть далеко не везде (а в полевых условиях его нет никогда!), а стоят услуги переводчиков-синхронистов на порядок выше. Поэтому необходимо сразу учитывать то, что простое действие может затянуться надолго. Также нельзя забывать, что необходима будет ещё одна встреча с допрашиваемым для подписания переведённого протокола допроса и во избежание осложнений, об этом нужно поставить его в известность заранее. В постконфликтном обществе свидетели всегда находятся в опасности, поэтому лишний раз привлекать к ним внимание их не стоит.

Например, убийство свидетеля, в одном из процессов расследования военных преступлений в Косово, произошло в 10 октября 2005 года. Тогда Х.Р. был застрелен, а его брат Н.Р., тяжело ранен из огнестрельного оружия в дневное время посреди рынка в селе Зрзе. По несчастливой случайности, 1 октября началось слушание в суде по делу, где убийство отца Х.Р. и Н.Р. было одним из эпизодов обвинительного заключения, а Н.Р. был одним из очевидцев. Несмотря на то, что Х.Р. много знал о деятельности ОАК, он не был свидетелем в деле и приехал из Италии 8 октября только навестить родных. Однако, преступники посчитали, что он прибыл давать показания, и решили на всякий случай устранить обоих братьев [27].

Также, при использовании переводчиков, необходимо осуществлять контроль качества перевода. Скорее всего, постоянно делать это не получится, т. к. для этого нужен был бы отдельный штат «контролёров», но периодический контроль необходим. Проверка на анонимной основе, когда проверяющий не знает, чью работу он оценивает, повышает её объективность и эффективность.

С учётом вышеизложенного, можно предложить некоторые рекомендации, которых целесообразно придерживаться при выборе тактических приёмов, проведении следственных действий/ОРМ, в условиях «ограниченной тактической свободы» по причине участия в них переводчика:

1) выбирать следственные действия/ОРМ, участие в которых переводчика, а соответствие возможные негативные последствия его недобросовестной работы (неправильного перевода и т. д.) минимальны;

2) не использовать сложные многоходовые оперативные комбинации, так как участие в них переводчика значительно повысит шанс неудачи;

3) обязательно принимать во внимание национальность свидетеля / осведомителя и переводчика;

4) пользоваться переводчиками, прошедшими проверку и доказавшими, что им можно доверять;

5) перепроверять качество перевода у «третьих» незаинтересованных специалистов.

Как правило, решение проблемы языкового барьера между правосудием и сторонами оговорено в законодательстве, чем обеспечивается выполнение стандартов прав человека в этой области. Однако, практического опыта работы с использованием переводчика вообще, а тем более на постконфликтной территории, есть далеко не у многих следователей или оперативных работников. Поэтому, представляется необходимым начать уделять больше внимания сбору и обобщению опыта, накопленного за время участия офицеров МВД и МО в различных миротворческих операциях. Подготовленные на основе этого материалы могут в дальнейшем использоваться в специализированной подготовке работников, направляемых для работы в особых условиях постконфликтного времени.

### **Список использованных источников**

1. Англ.: European Court of Human Rights (ECtHR). Официальная интернет-страница: <http://www.echr.coe.int>.

2. Антонов А. Н. Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооружёнными конфликтами // *Международное правосудие*, № 2(14) – 2015, С. 99–113.

3. ECtHR [GC], *Finogenov and Others v. Russia*, nos 18299/03 and 27311/03, § 270–272; см. также: Чернышова О. Защита права на жизнь: обзор практики Европейского Суда по правам человека по жалобам против Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*, 2013, № 5(35), С. 10; Русинова В.Н. Обязанность государств расследовать случаи гибели людей во время вооружённых конфликтов // *Международное уголовное право и международная юстиция*, 2014, № 4, С. 23–26.

4. ECtHR [GC], *Varnava and Others v. Turkey*, nos 16064/90 and others, judgment of 18 September 2009, § 191; ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, no. 4704/04, judgment of 15 February 2011, § 63.

5. ECtHR, *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, no. 21689/93, judgment of 6 April 2004, § 312; and *Isayeva v. Russia*, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005, § 212.

6. ECtHR, *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, no. 21689/93, judgment of 6 April 2004, § 312; and *Isayeva v. Russia*, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005, § 212.

7. *Isayeva v. Russia*, вышеук. ссылка; сравнить: ECHR, *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, judgment of 4 April 2000, § 144.

8. ECtHR, Grand Chamber (GC), *Varnava and Others v. Turkey*, nos 16064/90 and others, judgment of 18 September 2009, § 191; ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, no. 4704/04, judgment of 15 February 2011, § 63.

9. ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, cited above, § 65; ECtHR [GC], *Giuliani and Gaggio v. Italy*, no 23458/02, judgment of 24 March 2011, § 301 and 326.

10. Comprehensive review of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects. Report of the Panel on United Nations Peace Operations, 21 August 2000 (“Brahimi Report”). UN Document A/55/305–S/2000/809, § 79.

11. Англ.: Kosovo Liberation Army (KLA).

12. Report of the Secretary-General on the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo, 12 July 1999, UN document no. S/1999/799, §§ 5 and 6.

13. ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, no. 4704/04, judgment of 15 February 2011, § 70; ECtHR, *Brecknell v. The United Kingdom*, no. 32457/04, judgment of 27 November 2007, § 62.

14. Чернышова О. Защита права на жизнь: обзор практики Европейского Суда по правам человека по жалобам против Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*, 2013, № 5(35).

15. ОБСЕ обвинила ДНР в ограничении доступа к месту крушения "Боинга 777" // Интерфакс [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/386643> (дата обращения: 16.02.2015).

16. Бастрыкин дал указания следователям за два дня завершить работы на месте крушения А321 // Спринт Ньюс [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sprintnews.ru/a/247985> (дата обращения: 11.11.2015).
17. Report of the Secretary-General on the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo, 12 July 1999, UN document no. S/1999/799, §§ 5 and 6.
18. НРАР, *Stojković*, no. 87/09, opinion of 14 December 2013, § 164.
19. Англ.: UN Women // Официальная интернет-страница: <http://www.unwomen.org>.
20. Англ.: Justice Rapid Response (JRR) // Официальная интернет-страница: <http://www.justicerapidresponse.org>
21. Англ.: Sexual and Gender-based Violence (SGBV) Justice Experts Roster // JRR [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.justicerapidresponse.org/what-we-do/jrr-roster> (дата обращения: 19.02.2015).
22. Report of the UN Secretary-General *Financial performance report of the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo*. UN Document no. A/55/724 of 2 January 2001, § 10, Table 2.
23. *Report submitted by the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo to the Committee on Economic, Social and Cultural Rights on the Human Rights Situation in Kosovo since June 1999* [September 2007], UN Document no. E/C.12/UNK/1, с. 125.
24. ПКК, *Mladenović*, № 99/09, решение от 26 June 2014, § 200; *Nikolić et al*, № 72/09 и другие, решение 14 декабря 2014, § 201 - 202.
25. *Death of War Crimes Witness Casts Cloud on Kosovo* // NYTimes.com, 6 октября 2011 [электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.nytimes.com/2011/10/07/world/europe/death-of-war-crimes-witness-casts-cloud-on-kosovo.html?\\_r=0](http://www.nytimes.com/2011/10/07/world/europe/death-of-war-crimes-witness-casts-cloud-on-kosovo.html?_r=0) (дата обращения: 15.01.2015); *Daily on Witness Intimidation in Haradinaj Case* // B92.net [электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.b92.net/eng/news/crimes.php?yyyy=2011&mm=09&dd=15&nav\\_id=76403](http://www.b92.net/eng/news/crimes.php?yyyy=2011&mm=09&dd=15&nav_id=76403) (дата обращения: 15.01.2015).
26. *Witness Security and Protection in Kosovo: Assessment and Recommendations*, a report by the OSCE Mission in Kosovo and the US State Department, November 2007, p. 5 // EULEX official website [электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.eulex-kosovo.eu/training/justice/docs/OSCE-USoffice\\_witness-Security\\_and\\_Protection.pdf](http://www.eulex-kosovo.eu/training/justice/docs/OSCE-USoffice_witness-Security_and_Protection.pdf) (дата обращения: 24.06.2015); см. также: *Kosovo War Crimes Trials: An Assessment Ten Years On 1999 – 2009*, a report by the OSCE Mission in Kosovo, May 2010, p. 5 // Официальный сайт ОБСЕ [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.osce.org/kosovo/68569> (дата обращения: 24.06.2015).
27. *County reports on Human Rights Practices for 2008, Volume I* // Издание Госдепартамента США, 111-ое заседание Конгресса, 2 сессия, № *S.Prt.111-60*, Вашингтон, декабрь 2010, Р. 1424.

***Е. Г. Абраменко***

*канд. полит. наук,*

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Данная статья посвящается освещению вопросов, связанных функционированием институтов гражданского общества в Республике Беларусь: политических партий, общественных организаций, органов местного самоуправления. Определяется влияние политической культуры на развитие гражданского общества.

This article is dedicated to the coverage of issues related to the functioning of the institutions of civil society in Belarus : political parties , public organizations , bodies of local self-government. To determine the influence of political culture on the development of civil society.

На сегодняшний день идея гражданского общества претерпевает значительные изменения, она дополняется новым содержанием на основе опыта гражданского строительства во многих странах. В Республике Беларусь, осуществившей социально-политические и экономические преобразования в исторически сжатые сроки, существует потребность осмысления процесса взаимодействия институтов гражданского общества и государства. Гражданское общество с разветвленной структурой инициативных групп, необходимо для активизации участия граждан в процессе выработки и принятия политических решений. Развитое гражданское общество представляет собой одновременно и источник и следствие политической и гражданской активности общества.

В структуру гражданского общества входят экономические институты (бизнес-ассоциации, кооперативы, банки), политические организации, которые не входят в государственную систему (органы местного самоуправления, общественные палаты, группы давления, политические партии, не обладающие властными функциями), социальные ассоциации (профсоюзы, товарищества, экологические движения, благотворительные фонды), социокультурные ассоциации (церковь, независимые СМИ, научные и культурные общества).

Необходимо отметить, что политические партии, как один из ключевых элементов структуры гражданского общества в Республике Беларусь развит достаточно слабо.

На сегодняшний день в республике зарегистрировано 15 политических партий [1]. Их деятельность регламентируется и регулируется Конституцией Республики Беларусь, законом «О политических партиях и общественных организациях», Избирательным кодексом.

✓ 6 партий поддерживают официальную власть, либо настроены по отношению к ней лояльно: Белорусская аграрная партия; Белорусская патриотическая партия; Белорусская социально-спортивная партия; Коммунистическая партия Беларуси; Республиканская партия; Республиканская партия труда и справедливости.

✓ 8 – представляют оппозицию: Белорусская социал-демократическая партия (Грамада); Консервативно-христианская партия – БНФ; Объединенная гражданская партия; Партия «Белорусская социал-демократическая Грамада»; Партия БНФ; Партия коммунистов Белорусская; Социал-демократическая партия Народного Согласия; Белорусская партия «Зеленые».

✓ Либерально-демократическую партию (ЛДП) можно отнести к конструктивной оппозиции [2, с.82].

Их деятельность регламентируется и регулируется Конституцией Республики Беларусь, законом «О политических партиях и общественных организациях», Избирательным кодексом.

Однако, необходимо отметить что одной из белорусских политических партий является их малочисленность.

Самой многочисленной партией в Республике Беларусь является Либерально-демократическая партия, насчитывающая 45 866 человек. Вторая по величине – Республиканская партия – более 9 000 человек, третья – Белорусская аграрная партия – около 8 000 членов. Коммунистическая партия Беларуси насчитывает – 5 699 человек, более 3 тыс. состоят в Республиканской партии труда и справедливости, Объединенной гражданской партии, более 2 тыс. – в Партии «Белорусская социал-демократическая Грамада» и Социал-демократической партии Народного Согласия, остальные партии насчитывают более 1 тыс. человек. Среди граждан республики общий процент членов политических партий составляет 0,81 %, что свидетельствует о том, что политические партии на сегодняшний день не являются значительной политической силой [2, с. 82].

Еще одной особенностью является низкая популярность и снижение авторитета политических партий в обществе.

В 2013 г. политическим партиям доверяли 14,8 % населения Республики Беларусь, скорее не доверяли – 35,9 %. На вопрос «Если бы были выборы, за какую политическую партию Вы бы проголосовали?» ответы респондентов в декабре 2013 года распределились

следующим образом: Коммунистическая партия Беларуси – 1, 4 %, Белорусская аграрная партия – 1, 2 %, Либерально – демократическая партия – 1, 2 %, Белорусская партия «Зеленые» – 1, 0 %, партия БНФ – 0, 8 %, Республиканская партия труда и справедливости – 0, 8 %, Белорусская социал – демократическая партия (Громада) – 0, 7 %, Партия «Белорусская социал – демократическая Громада» – 0, 6 %, Белорусская партия левых «Справедливый мир» – 0, 6 %, Белорусская социально – спортивная партия – 0, 5 %, Объединенная гражданская партия – 0, 5 %, Белорусская патриотическая партия – 0, 4 %, Консервативно – христианская партия – БНФ – 0, 4 %, Республиканская партия – 0, 3 %, Социал – демократическая партия Народного согласия – 0, 3 % [3, с. 67].

Свобода учреждения общественных организаций имеет немало важное значение для становления сильного гражданского общества и является одним из основных компонентов демократии наряду со свободными и конкурентоспособными выборами, свободой слова и верховенством закона. Особенное значение развитие общественных объединений приобретает в условиях, когда партии теряют доверие, так как они агрегируют и артикулируют нужды и требования населения.

Наиболее значимыми общественными организациями являются профессиональные союзы Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ) включает в себя 28 отраслевых профсоюза, а ее численность превышает 4 млн. человек.

Одним из ключевых направлений деятельности Федерации профсоюзов Беларуси по защите прав и интересов трудящихся является социальное партнерство (взаимодействие органов государственного управления, объединений нанимателей, профессиональных союзов). Профсоюзы вправе вносить в установленном порядке в органы государственного управления предложения о принятии, изменении или отмене актов законодательства Республики Беларусь по трудовым и социально-экономическим вопросам [4]. Представители профсоюзных организаций, входящих в ФПБ, включены в состав Национального совета по трудовым и социальным вопросам, в коллегии министерств и ведомств.

Социальная база профсоюзов составляет 72, 2% взрослого населения республики. Однако необходимо отметить, что большинство: 49,9 %, являются пассивными членами этой общественной организации [5, с. 107].

Социальная база сегментов гражданского общества (по результатам социологического опроса проведенного в Могилевской области) распределяется следующим образом: профессиональные союзы –

58,2 %, (66,5 вместе с сочувствующими), общественные организации ветеранов и инвалидов – 5,7 %, (64,8 %), общественные организации по защите прав потребителей – 16,0 % (56,0), благотворительные организации – 11,1 % (54,3), физкультурно-спортивные общественные организации – 22,5% (54,2 %), общественные объединения любителей природы – 14,0 % (54,7 %), экологическое общественное движение – 11,2 % (53,3 %), правозащитные общественные объединения – 13,3 % (51,6 %), молодежные общественные организации – 18,9 % (49,6 %), жилищно-строительные кооперативы – 14,5 % (45,7 %), женское движение – 9,6 % (39,4 %), общественные организации нанимателей и предпринимателей – 7,6 % (33,2 %), религиозные общественные организации – 7,6 % (32,7 %), национальные общественные организации – 6,6 % (28,1 %), политические партии – 7,6 % (24,6 %) [5, с. 107–108].

Немаловажное значение для развития и функционирования гражданского общества имеют органы местного самоуправления.

Система органов самоуправления включает местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления. Важность роли органов местного самоуправления обусловлено его надполитическим характером, так как в отличие от политических партий и общественных организаций, которые отражают интересы отдельных социальных групп, данные структуры объединяют все население данной территории.

В Республике Беларусь устанавливаются три территориальных уровня Советов:

*первичный* – сельские, поселковые Советы и Советы городов районного подчинения;

*базовый* – Советы городов областного подчинения и районные Советы;

*областной* – областные Советы. Минский городской Совет обладает правами базового и областного Совета.

В своей деятельности местные органы самоуправления опираются на Конституцию Республики Беларусь, закон «О местном управлении и самоуправлении» и др. нормативно-правовые акты. Основными принципами самоуправления являются: народовластие, разграничение компетенций представительных и исполнительных структур, выборность местных Советов и их подконтрольность населению, сочетание местных интересов с общегосударственными, самостоятельность и независимость местных органов управления и самоуправления в пределах своих полномочий и др. Претворение этих принципов в жизнь, с одной стороны, способствует решению задач общественно-политического и экономического развития конкретных территорий,

а с другой – содействует формированию прогрессивных норм и моделей поведения в условиях представительной демократии и осознанию гражданами ценностей политического парламентаризма [6].

Деятельность местных органов самоуправления не бесконтрольна: местные Советы могут быть распущены Советом Республики в случае систематического или грубого нарушения законодательства.

Помимо прочего, органы местного самоуправления имеют немаловажное значение в осуществлении обратной связи граждан с Парламентом, в частности, местные советы производят учет общественного мнения и, участвуя в обсуждении вопросов государственного значения, вносят свои предложения в соответствии с интересами граждан подведомственных им территорий.

Для развития взаимосвязей между Советом Республики и местными Советами, совершенствования законодательства, соблюдения и реализации республиканских и региональных интересов при разработке программ социально-экономического развития при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь в 2007 г. Совета по взаимодействию органов местного самоуправления.

Таким образом, местные органы самоуправления имеют возможность влиять на условия работы субъектов хозяйствования, особенно негосударственных форм собственности, структур гражданского общества и на качество жизни людей.

Однако, не смотря на такие важные функции областные советы, не пользуются большим доверием граждан. Так полностью доверяют Совету депутатов 22,6 % жителей Могилевской области, доверяют частично – 48,9 %, не доверяют – 17,7 %, затруднились ответить – 10,8 %. Также необходимо отметить, что уровень доверия местным органам самоуправления зависит от типа поселений. Например, среди жителей таких городов как Могилев и Бобруйск городским Советам депутатам доверяют полностью 17,3 % опрошенных, совсем не доверяют 18,9 %, в то время среди жителей районных центров уровень доверия районным Советам увеличивается до 32,8 %, а среди жителей сел доверие Сельским советам – до 55,5 % [5, с. 136, 137, 140].

Согласно социологическим опросам 40, 4% респондентов в Могилевской области ответили, что общество нуждается в различных организациях, 16,8 – не нуждается, но большинство – 42,8% не смогли определиться. Стоит отметить, что 77,1 % респондентов не смогли конкретизировать формы возможной активности граждан [5, 101].

Данную ситуацию можно объяснить тем, что в психологии народа утвердился, согласно классификации Г. Алмонда и С. Вербы,

подданнический тип политической культуры, характеризующейся и закрепляющей политическую пассивность. Разница в оценке местных органов власти жителями разных населенных пунктов (крупных городов, районных центров и сел) также объясняется типом политической культуры. Сельский образ жизни воспроизводит патриархально-подданнический тип, который характеризуется некритичным отношением к власти, стоящей над гражданским обществом. В крупных городах больше представителей активистской культуры, поэтому отношение к органам самоуправления более рационально-прагматическое.

Таким образом, можно сказать, что в белорусском обществе в итоге политики патернализма, осуществлявшейся на протяжении долгого времени, выработалось персонифицированное отношение к власти, на первый план выходили политические лидеры, а не политические институты. Вследствие данных процессов гражданское общество и демократическая политическая культура практически не развивались. Данный фактор оказывает влияние на развитие институтов гражданского общества на современном этапе.

#### **Список использованных источников**

1. Общество // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : [http://president.gov.by/ru/society\\_ru/](http://president.gov.by/ru/society_ru/) – Дата доступа : 28.10.2015.
2. Котляров, И. В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. – Минск : ФУАинформ, 2009. – 320 с.
3. Котляров, И. В. Симулякры политического пространства. Белорусские партии: социологические тренды / И. В. Котляров // Беларуская думка. – 2014. – № 1. – С. 64–71.
4. О профессиональных союзах : Закон Респ. Беларусь, 22 апр. 1992г., № 1605-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.05.2007 г. // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
5. Гражданское общество и государство / Е.М. Бабосов [и др.] – Могилев : МГУП, 2014. – 293 с.
6. О местном управлении и самоуправлении : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 17 дек. 2009 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 17. – 2/1660.

**Я. Р. Белоножко**

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **ЗАПРОС ЦЕНОВЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ПРОЦЕДУР ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Автором предпринята попытка привести в соответствие нормы Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)». Предложена редакция дополнений в п. 11 ст. 49 вышеназванного закона, согласно которой заказчику предоставляется возможность при проведении процедуры государственной закупки в форме запроса ценовых предложений устанавливать наряду с критерием «цена предложения» и иные критерии оценки предложений. Кроме того, предложено закрепить за Государственным комитетом по стандартизации Республики Беларусь обязанности по оказанию помощи на безвозмездной основе по подбору кодов соответствующих Общегосударственному классификатору Республики Беларусь ОКРБ 007-2007 «Промышленная и сельскохозяйственная продукция», дополнив п. 5.22 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 года № 981 «Вопросы Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь».

The author has made an attempt to bring into accord provisions of the law of Republic of Belarus of July 13, 2012 No. 419-Z "About government procurement of goods (works, services)".

Edition of additions in item 11 of Art. 49 of the above-named law according to which the customer is given an opportunity when carrying out procedure of government procurement in the form of request of price offers to establish along with criterion "offer price" and other criteria for evaluation of offers is offered. Besides, it is offered to assign to the State committee on standardization of Republic of Belarus obligations for assistance on a grant basis for selection of codes of OKRB 007-2007 "Industrial and agricultural output" corresponding to the Nation-wide qualifier of Republic of Belarus, having added item 5.22 of the Resolution of Council of ministers of Republic of Belarus of July 31, 2006 with No. 981 "Questions of the State committee on standardization of Republic of Belarus".

**Введение.** Практически во всех странах государство на рынке является важнейшим закупщиком продукции. Мировой опыт показывает, что наиболее рациональным способом организации закупок для государственных нужд является осуществление закупок посредством проведения конкурсных торгов, которые способствуют здоровой конкуренции и, значит, являясь чисто экономическим инструментом поддержки наиболее перспективных предприятий, формируют рынок не только государственных закупок (далее – госзакупок), но и в целом

экономику страны. Рынок государственных закупок является важнейшим элементом социально-экономического развития страны, а сама система государственных заказов становится одним из основополагающих институтов государственного регулирования экономики, оказывающего существенное влияние на ее динамику и структуру. Наряду с тем обстоятельством, что процедура закупок экономически значима, она представляет собой одну из значительных коррупционных сфер, так как именно в рамках процедуры государственных закупок наиболее вероятно сращивание интересов частного капитала и государственных чиновников. Одним из главных барьеров для недопущения реализации этого явления является детальное и продуманное законодательство, которое не позволяет конкретным служащим принять решение не в интересах государства, а в своих личных корыстных целях.

Одним из видов процедур государственных закупок, на который стоит обратить внимание, является запрос ценовых предложений.

Основная часть. Согласно закону Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон о госзакупках) процедура запроса ценовых предложений – это вид процедуры госзакупки, представляющий собой конкурентный способ выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) при осуществлении госзакупок, победителем которого признается участник, предложивший наименьшую цену предложения. С применением этой процедуры получатели бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов приобретают товары (работы, услуги) полностью или частично за счет таких средств.

Отметим, что процедуре запроса ценовых предложений присущи как черты, характерные для других видов процедур госзакупок, так и свои особенности. Рассмотрим более подробно особенности.

Процедура запроса ценовых предложений применяется в тех случаях, когда пороговое значение ориентировочной стоимости годовой потребности госзакупки составляет:

- товаров от 300 до 1000 базовых величин;
- работ (услуг) от 300 до 3000 базовых величин [1].

Процедура запроса ценовых предложений не применяется в случае госзакупки создания новых произведений художественной литературы, фильмов, театральных постановок и концертных программ, других результатов творческой деятельности, организации и проведения выставок, фестивалей, смотров, конкурсов, других культурных мероприятий, оказания услуг в сфере культуры.

Также с 2014 года данная процедура не применяется и в случае госзакупок научно-исследовательских и опытно-конструкторских

работ по созданию программного обеспечения, технических средств и (или) комплексов программно-технических средств в сферах информатизации, информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникаций [2].

Для организации и проведения процедуры запроса ценовых предложений заказчику (организатору) необходимо сформировать комиссию.

Процедура запроса ценовых предложений является конкурентной процедурой. Выбор участника-победителя осуществляется при наличии предложений не менее двух участников, соответствующих требованиям документов, представляемых участнику для подготовки предложения в целях участия в процедуре запроса ценовых предложений [3].

По общему правилу оценка и сравнение предложений участников процедуры запроса ценовых предложений проводится по единственному критерию – «цена предложения». Соответственно другие критерии заказчик (организатор) устанавливать не вправе. Этим процедура запроса ценовых предложений отличается от конкурса (открытого и закрытого), в котором помимо цены предложения критериями оценки и сравнения предложений являются срок поставки товаров, условия оплаты и другие.

При осуществлении госзакупок заказчик сталкивается с дилеммой прогнозирования и планирования бюджета закупки. Несмотря на применение ценового критерия при выборе победителя в процессе исполнения и заключения договора на закупку участник на основании законодательства может изменить цену предложения, что влияет на корректность информации, используемой участниками процедур и госорганами при анализе и формировании макроэкономических показателей.

Возможность корректировки цены допускает абз. третий п. 7 ст. 25 Закона о госзакупках в связи с изменением законодательства, а также если изменение стоимости приобретаемых сырья, материалов, комплектующих и иных товаров (работ, услуг) невозможно было предусмотреть в начале процедуры госзакупки [4, с. 47].

Для госзакупок в сфере информатизации, в том числе для процедуры запроса ценовых предложений, помимо критерия «цена предложения» предусмотрено применение иных критериев (например, наличие подтвержденного положительного опыта в сфере разработки и внедрения информационных ресурсов, информационных систем и информационных сетей), а также определена возможность установления дополнительных критериев.

Стоит отметить, что данный подход более целесообразен в рамках осуществления деятельности на рынке товаров (работ, услуг) различных хозяйствующих субъектов. Так, на практике может возникнуть

такая ситуация, что предложивший наиболее низкую цену предприниматель, который зависит от готовой продукции других производителей и в рамках повышения ими цены на необходимые товары в итоге сам может повысить цену по договору, чем поставит в невыгодные условия заказчика.

Таким образом, представляется необходимым внести изменения в п. 11 ст. 49 Закона о госзакупках, изложив его в следующей редакции: «11. Оценка и сравнение предложений проводятся комиссией в случае наличия предложений не менее двух участников, соответствующих требованиям документов, представляемых участнику для подготовки предложения в целях участия в процедуре запроса ценовых предложений, по критерию «цена предложения».

Наряду с критерием «цена предложение» заказчиком могут устанавливаться и другие критерии оценки предложений. Удельный вес каждого из критериев определяется путем установления процентного соотношения между ними.

О выборе участника-победителя извещаются все участники».

В частности к таким критериям можно отнести:

- а) Наличие положительного опыта в соответствующей сфере;
- б) Выполнение не менее определенного объема работ (услуг) без привлечения субподрядчиков (соисполнителей);
- в) Продолжительность периода работы в определенной отрасли и другие.

В качестве специальных средств минимизации рисков можно использовать и установление квалификационных и репутационных требований. Особенно актуально применение подобного критерия для заказов товаров (работ, услуг), требующих специальных навыков или оборудования. Это позволит не допустить к участию в закупках так называемых конкурсных рейдеров. Как правило, это юридические лица без истории, впервые пришедшие на рынок либо имеющие короткий срок существования, предлагающие цены более низкие, чем остальные участники, либо наиболее выгодные условия исполнения договора [5, с. 47].

Процедура запроса ценовых предложений проводится в электронном формате на ЭТП, за исключением случаев, когда сведения о госзакупке составляют госсекреты.

Процедура запроса ценовых предложений начинается со дня принятия заказчиком решения о ее проведении: издания приказа о проведении процедуры госзакупки либо утверждения заказчиком документов запроса ценовых предложений [6].

В приказе о проведении процедуры госзакупки целесообразно указать:

- вид процедуры госзакупки и обоснование его применения;
- описание предмета госзакупки;
- объем (количество) товаров (работ, услуг), составляющих предмет госзакупки (в натуральном и (или) денежном выражении);
- поручение работникам организации выполнить необходимые для проведения процедуры запроса ценовых предложений мероприятия;
- сроки выполнения указанных мероприятий;
- код предмета госзакупки (подвид, к которому относятся однородные товары (работы, услуги) согласно Общегосударственному классификатору Республики Беларусь ОКРБ 007-2007 «Промышленная и сельскохозяйственная продукция» [7].

Также следует отдельное внимание уделить данному нормативному акту. У многих заказчиков при определении кода по данному классификатору возникают сложности. Ведение классификатора осуществляет Белорусский государственный институт стандартизации и сертификации [8]. Отдел классификации и каталогизации продукции данного института подбирает коды на платной основе по письменному запросу. Однако, при наличии платы за данную услугу заказчики предпочитают скорее сами подбирать нужный код, нередко совершая при этом ошибки. Данные ошибки потом могут довести вплоть до отмены процедуры государственной закупки. Для предотвращения таких ситуаций предлагаем соответствующую обязанность возложить на Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь, закрепив в п. 5.22 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 года №981 «Вопросы Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь» следующее:

«5.22. осуществляет:

5.22.8 разъяснения технических регламентов, технических кодексов установившейся практики, государственных, межгосударственных (региональных) и международных стандартов и иных документов в области технического нормирования, стандартизации, метрологии и оценки соответствия.»

При составлении приглашения заказчику (организатору) необходимо учитывать законодательно установленные требования к содержанию приглашения.

Постановлением Министерства торговли Республики Беларусь № 14 от 26 июня 2013 г. «Об утверждении примерных форм документов по процедурам государственных закупок» (далее – Постановление №14) предусмотрены:

- а) примерная форма приглашения к участию в запросе ценовых предложений из одного лота (приложение 3 к Постановлению №14);

б) примерная форма приглашения к участию в запросе ценовых предложений из нескольких лотов (приложение 4 к Постановлению № 14).

Оценка и сравнение предложений осуществляются комиссией при наличии не менее 2 участников, представивших предложения, которые должны соответствовать требованиям документов запроса ценовых предложений. В случае когда для участия в процедуре запроса ценовых предложений подано только одно предложение, такая процедура госзакупки по истечении срока для подготовки и подачи предложений признается несостоявшейся [3].

Участником-победителем признается участник, предложение которого в соответствии с Законом о госзакупках выбрано наилучшим при оценке и сравнении предложений.

Сообщение о результате процедуры запроса ценовых предложений должно содержать следующую информацию:

- наименование вида процедуры госзакупки;
- описание предмета госзакупки, включая объем (количество);
- наименование (ФИО – для ИП), место нахождения и УНП заказчика, а также организатора и (или) оператора ЭТП в случае их участия в организации и проведении процедуры госзакупки;
- дату заключения договора либо дату принятия решения об отмене процедуры госзакупки или признании ее несостоявшейся;
- наименование (ФИО, данные документа, удостоверяющего личность, – для физического лица, в том числе ИП), место нахождения и УНП участника, с которым заключен договор, в случае, если такой договор заключен;
- цену заключенного договора в случае, если договор заключен;
- наименование (ФИО, данные документа, удостоверяющего личность, – для физического лица, в том числе ИП), место нахождения и УНП каждого из иных участников и цены их предложений.

При составлении сообщения можно воспользоваться формами, предусмотренными приложениями 22 и 23 к постановлению № 14.

Сообщение о результате процедуры запроса ценовых предложений размещается на официальном сайте и в открытом доступе на ЭТП после заключения договора либо принятия решения об отмене процедуры госзакупки или признании ее несостоявшейся.

Процедура госзакупки товаров (работ, услуг) считается завершенной с момента размещения заказчиком (организатором) в открытом доступе на официальном сайте сообщения о результате процедуры госзакупки.

Заключение. Таким образом, процедура запроса ценовых предложений – это вид процедуры госзакупки, представляющий собой

конкурентный способ выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) при осуществлении госзакупок, победителем которого признается участник, предложивший наименьшую цену предложения. Процедура запроса ценовых предложений применяется в тех случаях, когда пороговое значение ориентировочной стоимости годовой потребности госзакупки составляет от 300 до 1000 БВ (для товаров) и от 300 до 3000 БВ (для работ, услуг). Процедура запроса ценовых предложений является конкурентной процедурой. По общему правилу оценка и сравнение предложений участников процедуры запроса ценовых предложений проводится по единственному критерию – «цена предложения». Соответственно другие критерии заказчик (организатор) устанавливать не вправе.

### **Список использованных источников**

1. О государственных закупках: Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г., № 419-3// Бизнес-ИНФО: аналитическая правовая система [Электронный ресурс] / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2015.

2. Об осуществлении государственных закупок в сферах информатизации, информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникаций: Указ Президента Республики Беларусь, 22 декабря 2014 г., № 612 // Бизнес-ИНФО: аналитическая правовая система [Электронный ресурс] / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2015.

3. Путеводитель по закупкам государственные закупки: процедура запроса ценовых предложений // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр"., Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Зеленковский, А. М. Фиксированная цена договора на государственную закупку / А. М. Зеленковский // Промышленно-торговое право. – 2015. – № 7 (153). – С. 46–48.

5. Топорикова, О. О. Требования к участникам закупок как средство минимизации рисков / О. О. Топорикова // Промышленно-торговое право. – 2015. – № 8 (154). – С. 44–47.

6. Муравьев, А. В. Прямая линия / А. В. Муравьев // Тендер. – 2015. – № 13(738). – С. 2–6.

7. Об утверждении и введении в действие Общегосударственного классификатора Республики Беларусь 007-2007: постановление Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь, 28 июня 2007, № 36 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. Белорусский государственный институт стандартизации и сертификации // БелГИСС [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://belgiss.by/>. – Дата доступа: 01.12.2015.

***И. Л. Георгиева***

*канд. полит. наук, доц.*

*Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого*

## **ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Бурный процесс перехода к «постсоветской» действительности чрезвычайно негативно сказался на жизни женщин в Украине. Социальное и экономическое «исключение» женщин, их незначительное участие в процессе принятия политических решений, стало одной из главных проблем в современных дискурсах по данной проблематике. Согласно статистике, женщины остаются на периферии украинской политики, что противоречит международным обязательствам Украины, основанным на европейских принципах и ценностях. Понятно, что гендерные преобразования в политико-правовой системе – процесс сложный и длительный. В то же время, обеспечение равного доступа к процессу принятия решений для мужчин и женщин является одним из важных условий развития в Украине правового государства.

The rapid process of transition to the «post-Soviet» reality had an extremely negative impact on the women's lives in Ukraine. Social and economic «exclusion» of women, their small participation in political decision-making, has become a major problem in today's discourse on this issue. According to statistics, women remain on the periphery of the Ukrainian policy, which contradicts international obligations of Ukraine based on European principles and values. It is clear that gender transformation in the political and legal systems is a long and complicated process. At the same time, ensuring equal access to decision-making for men and women is one of the important conditions for the development of Ukrainian law.

Во всем мире женщины рассматриваются как новый, важный, творческий ресурс гуманистических преобразований и государственного управления. Уровень развитости и благосостояния стран находится в прямой зависимости от того, насколько женщина равна с мужчиной. Наиболее развитые государства доказали, что привлечение женского ресурса становится толчком в экономическом и социальном развитии, повышает качество жизни людей. Более того, это помогает решить другие социальные проблемы. Украинские женщины достойны, чтобы они воспользовались преимуществами равенства, от которых выигрывает все общество.

Основными причинами того, что проблема гендерного равенства все еще не получила первостепенное значение в Украине, являются следующие:

- среди отечественного социума отсутствует понимание того факта, что гендерное равенство является движущей силой поступательного развития украинского общества;
- государственное руководство Украины уделяет недостаточно внимания решению этого вопроса;
- отсутствует понимание того, что гендерное равенство является составной частью демократизации и реализации прав человека;
- тяжелое материальное положение женщин заставляет их много времени уделять домашнему хозяйству;
- общественную инициативу и желание женщин заниматься политической, общественной или иной деятельностью тормозит на общегосударственном уровне недостаточно развитая сфера предоставления семьям бытовых услуг;
- существование формальных и отсутствие реальных механизмов активизации роли женщин в украинском обществе;
- инертность действий подавляющего большинства отечественных женщин по подъему собственной деятельности в развитии украинского общества.

Бурный процесс перехода к «постсоветской» действительности чрезвычайно негативно сказался на жизни женщин в Украине. Социальное и экономическое «исключение» женщин, их незначительное участие в процессе принятия политических решений, стало одной из главных в современных дискурсах по данной проблематике. Согласно статистике, женщины остаются на периферии украинской политики, что противоречит международным обязательствам Украины, основанным на европейских принципах и ценностях.

Украина в лице ее руководства со времен обретения независимости, начала реформирование политической системы, развитие рыночной экономики и до сих пор постоянно демонстрирует практическую незаинтересованность в паритетном женском представительстве на высших руководящих должностях как общенационального, так и регионального уровня. В связи с этим сформирована и общая общественная атмосфера практического неприятия гендерного равенства, что не мешает появлению время от времени ее поддержки на уровне лозунгов, докладов и тому подобное. Даже на бытовом уровне чаще всего укореняется норма не только о неполноценности женщин в политике, а и о их якобы недостаточной подготовленности к «высокой политике» и вообще, что это не является женским делом. Хотя вопрос квалификационного уровня, компетенций, нравственных качеств мужчин, которые доминируют в украинской политике и на высших государственных должностях в Украине почти не поднимается.

Как известно, в Украине европейская интеграция определена главным направлением государственной политики. В то же время, стратегической целью Украины является достижение европейских стандартов во всех сферах жизни: политической, экономической, социальной и, в том числе, в сфере гендерного равенства. В Европе вопросу обеспечения равноправия женщин и мужчин уделено большое внимание.

Из-за ограниченных ресурсов Украинского государства, выделенных на поддержку женских организаций и их деятельности, направленной на обеспечение прав женщин, помощь европейских учреждений была и остается решающим ресурсом, как идеологической, так и финансовой поддержки гендерных проектов.

Гендерные исследования различных сфер жизнедеятельности украинского общества осуществляют многие специалисты такие, как Г. Галаганг [1], Л. Виноградова [2], Р. Ануфриева [3], Н. Болотина [4] и другие. Важная роль в изучении проблемы женского движения принадлежит таким исследовательским центрам, как Харьковский центр гендерных исследований [5]. Достижением Одесского научного центра женских исследований стали работы Л. Смоляр [6], которая впервые собрала и обобщила значительный фактический материал по истории женщин и сделала сравнительный анализ деятельности украинских женщин прошлого и настоящего с применением гендерного подхода.

Признавая все основные международно-правовые акты по обеспечению равенства мужчин и женщин, в том числе документы Совета Европы, государства – члены Европейского Союза сделали значительный шаг вперед в разработке единой, гендерной по сути, правовой политики. Гендерный анализ базовых документов ЕС дает возможность наблюдать значительный прогресс: если Договор об учреждении Европейского Экономического Сообщества 1957 г. только обязывал установить равную плату женщинам и мужчинам за равный труд (статья 119), то в Амстердамском договоре 1997 г., сохраняя нормы предыдущего договора в ст. 141, равенство женщин и мужчин признано одновременно целью (ст. 2) и принципом деятельности (ст. 3) Евросоюза. Кроме того, Амстердамский договор содержит ст. 13, которая дает возможность органам ЕС осуществлять мероприятия по предотвращению дискриминации, в том числе по признаку пола, а также ст. 137, которая позволяет сообществу поддерживать и дополнять деятельность государств-членов в направлении обеспечения равенства женщин и мужчин о возможностях на рынке труда и отношении к ним на работе [7, с. 53].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Считается наиболее совершенным и эффективным актом

в области прав человека. Каждая страна, которая вступает в Совет Европы, берет обязательство ратифицировать эту Конвенцию и неуклонно придерживаться ее норм. В ст. 14 документа определяется, что осуществление прав и свобод, изложенных в Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или других обстоятельств [8].

Сотрудничество Украины с Советом Европы началось практически сразу после провозглашения 24 августа 1991 г. Верховной Радой Украины независимости. 19 октября 1995 г. Комитет министров СЕ принял резолюцию о приглашении Украины стать 37-м членом этой международной организации. 9 ноября 1995 г. состоялась торжественная церемония вступления Украины в СЕ, в Страсбурге на площади перед Дворцом Европы был поднят Государственный Флаг Украины [9, с. 92].

В соответствии с Уставом СЕ, Украина представлена во всех главных ее органах: Парламентской ассамблеи, Комитете министров, Конгрессе местных и региональных властей СЕ, а также в Европейском суде по правам человека. Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает Парламентская ассамблея, поскольку именно этот орган определяет основные направления деятельности СЕ. Украина представлена в ПАСЕ Постоянной делегацией ВР Украины в составе 24 народных депутатов (12 основных членов и 12 их заместителей) [10, с. 22].

Резолюция Ассамблеи № 1079 (1996 г.) о повышении уровня представительства женщин в Парламентской Ассамблеи СЕ предусматривает, что когда определенная национальная делегация не включает ни одной женщины или включает более низкий процент женщин, чем представлено в ее национальном парламенте, такая ситуация несовместима с принципом равенства между мужчинами и женщинами [10, с. 24].

Однако практически все эти документы носят рекомендательный характер. Поэтому неудивительно, что изменения происходили очень медленно. По состоянию на середину 2003 г. в составе Ассамблеи было 19,4 % женщин (119 из 612 действующих членов). Около 45 % женщин-парламентариев Ассамблеи были постоянными членами, а 55 % – заместителями. В шести национальных парламентских делегациях, в том числе в украинской, женщины вообще отсутствовали. Следует отметить, что в Европе уже нет парламентов без единой женщины-депутата. Для сравнения: в Европейском парламенте – 35 % женщин-членов (17,5 % с 1979 г.), в Швеции – 47 %, Финляндии –

41,5 %, Болгарии – 21,7 %, Эстонии – 20,8 %, Польше – 20,2 %, Латвии – 20 %, Словакии – 19,3 % [11, с. 25].

Впоследствии в Регламент ПАСЕ были внесены изменения, которые обязывали национальные парламенты при избрании их делегатов обязательно включать женщин меньше в том же проценте, в котором они представлены в национальном парламенте. Политическим группам и комитетам предлагалось придерживаться принципа гендерного равенства при предоставлении их предложений по кандидатам в органы Ассамблеи. В случае, если постоянная делегация не выполнит требование представительства мужчин и женщин, ее мандат может быть признано недействительным. Целью этих изменений было достижение как минимум 30-процентного уровня представительства женщин, а в перспективе – повышение этого показателя [9, с. 94].

Постоянная делегация Украины в ПАСЕ состояла исключительно из мужчин. Лишь после того, как был поставлен вопрос о возможности в 2005г. Непризнания их мандатов, Верховная Рада Украины срочно ввела в состав Постоянной делегации Украины народных депутатов О. Билозир в качестве члена делегации и Е. Ващук в качестве заместителя члена. Сейчас постоянная делегация насчитывает 5 женщин, что составляет почти 20 % от всего состава [12]. Власть в Украине была и, к сожалению, до сих пор остается очень патриархальной. Статистические данные свидетельствуют о том, что в государственных органах Украины больше женщин работает на должностях низкого уровня. В то же время, чем выше должность – тем больше диспропорция в пользу мужчин. Яркой иллюстрацией этой закономерности есть состав высших органов государственной власти. Так, одна женщина сейчас является судьей Конституционного Суда, что составляет приблизительно 6 % от общего состава. В составе Верховного Суда тринадцать женщин (15,7 %). В целом среди государственных служащих высшего уровня (1–2 категории должностей) женщины составляют около 15 %, среди руководителей среднего уровня – 50 %, среди специалистов – 80 % [11, с. 28].

Понятно, что гендерные преобразования в политико-правовой системе – процесс сложный и длительный. Обеспечение равенства мужчин и женщин в избирательном процессе является одним из важнейших условий построения правового государства. Жаль, что до сих пор всерьез вопрос гендерных квот не поднимался ни одной из политических партий. Поэтому среди депутатов украинского парламента первых двух созывов женщины – скорее исключение, чем правило. Они попадали в Верховную Раду в исключительных случаях: или как дань традиции, сложившейся еще в предыдущие времена, или же

для реализации политических технологий, или же для того, чтобы привлечь присутствием женщин электорат. Так, например, среди народных депутатов Украины I созыва (1990–1994 гг.) – было всего 12 женщин и II (1994–1998 гг.) – 17 женщин. В парламенте III созыва (1998–2002 гг.) их количество становится рекордно значительным – 37 человек, IV (2002–2006 гг.) – 28. V созыва парламента (2006–2007 гг.) имело в своем составе уже 40 женщин, VI (2007–2012 гг.) – уже 42 человека, а VII (2012–2014 гг.) – 46 женщин-парламентариев [13].

В Верховной Раде Украины VIII созыва наибольшее за всю историю украинской независимости количество женщин-народных депутатов. Результатом внеочередных выборов в парламент Украины в 2015 стало вхождение в него 47 женщин. Кадровые ротации в исполнительной власти увеличили количество женщин-депутатов еще на 4 человека. Поэтому сегодня в украинском парламенте работает уже 51 женщина, что составляет 12 % от общего состава [14]. Но не смотря на это Украина стабильно занимает среди других стран практически последнее место по количеству женщин-парламентариев.

Мужское доминирование на руководящих должностях и правительственных структурах Украины свидетельствует, что государственная власть на глобальном и региональном уровнях остается мужским пространством деятельности, где мужчина самореализуется, строя свою карьеру. Источником формирования депутатского корпуса в значительной мере являются работники управленческих структур, которые выполняют решения, лучше других знают механизмы доступа к их созданию, к прохождению в органы законодательной власти. Поэтому основная масса избранных – бюрократия, которая имеет доступ к средствам массовой информации, свободное передвижение, широкое общение, доступ к властным рычагам. Женщина, которая долго была отстранена от публичной сферы, входит в нее без равной с мужчинами экономической опоры, когда мужчина уже освоил свою нишу. Женщина, которая стремится утвердиться в политике, должна с объекта контролируемой мужчинами действительности превратиться в субъекта политического пространства. Она должна отказаться от традиционных взглядов о «частной» женщине и «общественном» мужчине, практики пассивного одобрения мужских решений, а выработать собственную стратегию их инициирования. Сильная женщина, которая стремится выйти из круга частных интересов, должна искать доступ к мужскому миру и иметь четкую жизненную программу, политические идеалы женщины-политика, опыта активного диалога с женщинами-политиками. В свою очередь, государство, если оно стремится к демократическим социальным перспективам, должно

выработать механизм вхождения женщины в систему власти. Одним из действенных путей поддержки женского представительства в высших органах законодательной власти, как показывает европейский опыт, является гендерное квотирование.

Таким образом, несмотря на длительное сотрудничество в рамках Совета Европы и провозглашения курса на европейскую интеграцию, Украинское государство в сфере гендерного равенства еще не достигло уровня европейских требований. Гендерные преобразования в политико-правовой системе и в обществе в целом – процесс сложный и длительный. В то же время, обеспечение равного доступа к процессу принятия решений для мужчин и женщин является одним из важных условий развития в Украине правового государства.

### Список использованных источников

1. Галаган Г. Д. Рівність жінок і чоловіків в Україні: правові аспекти: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 20 – 21 листопада 2000 року. – К.: ПРООН, 2009. – 233 с.
2. Виноградова Л. М. Цивилизация Средневекового Запада. – М.: Прогресс – академия, 1972. – 345 с.
3. Ануфриєва Р. В. Гендерний аналіз ціннісних орієнтацій в українському суспільстві // Українське суспільство 1992 – 2006. – Соціальний моніторинг / за ред. Ворони В. – К. Ін-т соціології НАН України, 2006. – 430 с.
4. Болотіна Н. Б. Соціальне законодавство України. – К.: Логос, 2006. – 176 с.
5. Femina Postsovietika. Украинская женщина в переходной период: от соцдвижений к политике / За ред. И. Жеребкиной. – Х.: Харьк. центр гендер. исслед., 1999. – 335 с.
6. Смоляр Л. Жіночий рух України як чинник гендерної рівноваги та гендерної демократії в українському соціумі // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [www/vlada.kiev.ua/women/zhruk.htm](http://www.vlada.kiev.ua/women/zhruk.htm).
7. Збірка договорів Ради Європи: Українська версія / Під ред. Є.М. Вишневського. – К.: Парламентське видавництво, 2000. – 654 с.
8. Європейська конвенція про захист прав людини та основних свобод 1950 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995\\_004](http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_004).
9. Плотян С. Законодавче забезпечення участі жінок у процесі прийняття рішень: європейський досвід для України. // Жінки в політиці: міжнародний досвід для України / За заг. ред.: Яни Свердлюк та Світлани Оксамитної // За матеріалами міжнародного наукового

семінару «Жінки в політиці: міжнародний досвід для України», Київ – НаУКМА – 7 жовтня 2005 року.– К.:Атіка, 2006. – ст. 90–110.

10. Буроменський М. В. Міжнародне право. Гендерна експертиза.– К.: Прагма, 2001. – 219 с.

11. Грабовська І. Досвід становлення суспільства паритетної демократії в сучасній Україні: досягнення, проблеми, перспективи // Гендерна освіта – ресурс розвитку паритетної демократії / збірник матеріалів міжнародної науково-практичної конференції 27–29 квітня 2011 р. – Київ, 2011. – С. 25–35.

12. Постійна делегація у Парламентській асамблеї Ради Європи [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/mpz2/organizations.perm\\_delegation?delegation=75](http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/mpz2/organizations.perm_delegation?delegation=75).

13. Шевченко Н. В. Гендерний вимір світової політики у «пакті розвитку тисячоліття» (2000 – 2015 рр.) та завдання утвердження в Україні паритетної демократії. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/naukraci/politics/2007/69-56-29.pdf>.

14. Офіційний сайт Центральної виборчої комісії (ЦВК). – [Електронний ресурс]. – Режим доступу <http://www/cvk.gov.ua>.

УДК 94:341.485:341.231.14

***А. П. Грахоцкий***

*канд. юрид. наук*

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **ПАМ'ЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

В статье рассматривается влияние коллективной памяти о Холокосте на формирование современных представлений о правах человека. Автор анализирует взаимосвязанные процессы формирования культуры памяти о Шоа и становления системы международно-правовых норм, направленных на защиту прав человека, уважение достоинства личности, недопущение геноцидов, противодействие ксенофобии, расизму, межнациональной и межкультурной розни. В работе делается вывод о том, что Холокост служит тем негативным опытом, на основе которого создаётся фундамент единой Европы, базирующейся на принципах солидарности, терпимости и толерантности.

In the article the influence of Holocaust collective remembrance on the formation of modern vision of human rights is considered. The author analyzes the interrelated processes of formation of culture of Shoah remembrance and development of system of international legal norms aiming at human rights protection, human dignity respect,

non-genocide activities, struggle against xenophobia, racism, international and cross-cultural hatred. The article presents the conclusions that Holocaust is the negative experience which serves as the foundation for unified Europe based on the principles of sympathy, patience and tolerance.

Холокост (Шоа) является одной из крупнейших трагедий в истории человечества. Политика геноцида, проводившаяся нацистами и их пособниками по отношению к евреям, унесла жизни 6 млн. человек и искалечила миллионы судеб. Единственным основанием, по которому всё еврейское население Европы (11 млн. чел.) было приговорено нацистским тоталитарным режимом к смерти, был этнический признак, принадлежность лица к еврейской национальности. Стоит отметить, что Катастрофа евреев была не единственным проявлением политики геноцида в XX ст. В одном ряду с Шоа стоят геноцид армян в Османской империи (1915 г.), Голодомор в Украине (1932–1933 гг.), геноцид синти и рома (цыган) в годы Второй мировой войны. Эти события подорвали гуманистические основы мировой цивилизации: никогда ранее человечество не сталкивалось с такими масштабными актами насилия, жестокости, массового преследования и уничтожения людей, которые имели место в прошлом столетии. В этой статье поставлена цель изучить влияние коллективной памяти о Холокосте, как одном из наиболее масштабных проявлений политики геноцида, на формирование современных представлений о правах человека.

Изучение прав человека в увязке с Холокостом актуализировалось на рубеже XX–XXI ст. Этой тематике в своих работах уделили внимание И. Бауэр, М. Сильва, С. Синь, Б. Кирнан, Л. Вайцман (см. статьи этих авторов [1]). Однако рассмотрение взаимообусловленных процессов формирования культуры памяти о жертвах Шоа и рецепции прав человека является новой исследовательской перспективой, не получившей подробного освещения в науке. Существенный интерес в контексте этой проблемы вызывают разнообразные образовательные проекты, реализуемые международными и национальными неправительственными организациями в различных странах и направленные на изучение молодёжью прав человека через призму преступлений национал-социализма. Успешное осуществление подобного рода программ подтверждает прикладную значимость обращения к негативному опыту прошлого для воспитания будущих поколений на основе принципа уважения к правам и свободам человека.

Так, огромная роль во всесторонних исследованиях и реализации образовательных программ по Холокосту принадлежит Международной школе преподавания и изучения Катастрофы мемориального комплекса «Яд Вашем» [2]. Обращаясь к восточноевропейскому

опыту, необходимо отметить образовательный проект «Історія Голокосту та права людини», осуществлявшийся в 2011–2012 гг. в Украине специалистами Украинского центра изучения истории Холокоста совместно с Всеукраинской просветительской программой «Розуміємо права людини» [3]. Большой успех имела образовательная программа для польских школьников, проходившая в 2010–2012 г. в Международном доме встреч молодёжи в городе Освенциме. По задумке организаторов, проект «Права человека начинаются с прав детей и молодёжи» приобретал особый смысл при его проведении в месте памяти. Молодые люди имели возможность осмыслить Холокост и права человека, посетив концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц-Биркенау, где нацисты уничтожили около 1 млн. 100 тыс. узников, 960 тыс. из которых составили евреи [4]. Как отметила координатор проекта Э. Пастернак, в месте памяти школьники получили возможность осмыслить ценность прав человека, соприкоснувшись с документами, свидетельствами и личными вещами жертв Аушвица [4, с. 9].

После окончания Второй мировой войны и безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии мировое сообщество посчитало недостаточным ограничиться лишь осуждением нацистского режима и наказанием преступников. Перед создаваемой Организацией Объединённых Наций вставала более важная задача: реализовать все необходимые меры для предотвращения в будущем господства антигуманных тоталитарных идеологий, противопоставить последним современные идеи о правах человека, уважении достоинства личности, равенстве и справедливости.

В преамбуле к Всеобщей декларации прав человека отмечалось, что «... пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей...» Вне всякого сомнения, этот текст отсылает нас к негативному опыту Второй мировой войны. Господство тоталитаризма в Европе выявило абсолютное бесправие личности и всемогущество государства. Холокост начинался с принятия в Германии антиеврейских законов, направленных на сегрегацию евреев, лишение их социально-экономических прав, и заканчивался «окончательным решением еврейского вопроса», когда нацисты, опираясь на свою расовую идеологию, в январе 1942 г. во время Ванзейской конференции постановили уничтожить всё еврейское население Европы [5, с. 52–55, 126–131].

Нарративы жертв Холокоста показали беззащитность и уязвимость граждан, в том числе женщин, стариков, детей, перед лицом

преступного тоталитарного государства (см., например: [6], [7], [8]). Жизненные истории детей, переживших Шоа, позволяют судить о том, что гитлеровский режим целенаправленно применял насилие по отношению к детям. Среди 6 млн. еврейских жертв 1,5 млн. составили дети в возрасте до 15 лет [4, с. 12].

В многочисленных гетто, созданных нацистами и их пособниками в европейских городах, на глазах у детей осуществлялись убийства их родителей. Девочки и мальчики были вынуждены наблюдать трупы, брошенные на улицах. Дети испытывали чрезвычайный голод и нужду [9]. Нацисты принуждали их к насильственному труду. Эсэсовские врачи проводили над ними медицинские эксперименты [7, S. 21–101]; [10, S. 12–157]. Вместе со своими родителями дети отправлялись на верную смерть в Треблинку, Белжец, Собибор, Тростянец, Аушвиц и другие лагеря смерти [11, с. 332–362]. Еврейские дети были вынуждены скрываться от преследований нацистов. За сокрытие еврея представители других национальностей карались смертью. Поэтому частыми были ситуации, когда еврейские семьи, искавшие укрытия у своих соседей, не находили поддержки последних. Но не редкостью были и такие случаи, когда люди ценой собственной жизни спасали еврейских женщин и детей [8]; [12]. Сбор, публикация и использование в учебном процессе жизненных историй детей Холокоста являются неоценимым вкладом в процесс воспитания уважения к правам человека и достоинству личности.

Холокост стал символ общечеловеческой трагедии. Говоря о нём, необходимо помнить и о других жертвах национал-социализма: синти и рома, советских военнопленных, крестьянах из сожжённых деревень Беларуси и Украины, бывших узниках концлагерей, остарбайтерах, политических противниках национал-социализма, физически неполноценных и душевно больных, гомосексуалистах и многих других. Все эти категории жертв были лишены основных прав человека и достоинства личности. Поэтому после окончания войны в Уставе ООН была провозглашена магистральная цель мирового сообщества: «избавить грядущие поколения от бедствий войны» и «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности» [13]. Названная цель указывала на неразрывную связь между созданием ООН и той беспрецедентной трагедией, которой стала Вторая мировая война.

9 декабря 1948 г. Генеральная ассамблея ООН приняла «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Этот документ определил геноцид как действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную,

этническую, расовую или религиозную группу как таковую [14, ст. 2]. В статье 1 Конвенции геноцид объявлялся преступлением, нарушающим нормы международного права. Человек, совершивший такое преступление, подлежал наказанию, независимо от того, являлся ли он на момент совершения деяния должностным или частным лицом (статья 4).

10 декабря 1948 г. во Всеобщей декларации прав человека Генеральная ассамблея ООН провозгласила, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, указанными в Декларации, без различия по признаку расы, цвета кожи или национального происхождения (статья 1). О недопущении любых форм дискриминации говорилось и в принятой в 1950 г. Советом Европы «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (статья 14).

Основополагающие нормы, направленные на предотвращение межрасовой и межнациональной розни, были провозглашены в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25 декабря 1965 г. В конвенции отмечается, что дискриминация людей по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения является препятствием к дружественным и мирным отношениям между нациями и может привести к нарушению мира и безопасности среди народов. Документ даёт следующее определение понятия «расовая дискриминация» – это «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» [15, ст. 1].

Нужно отметить, что в указанных выше международных документов нет прямого упоминания о Холокосте и жертвах Второй мировой войны. По-нашему мнению, этот факт обусловлен эволюцией культуры памяти о войне и её жертвах. В первые послевоенные десятилетия, как на Западе, так и на Востоке Европы, в официальном и общественном дискурсе тематика жертв уступала место героико-патриотической риторике о Второй мировой войне (см. об этом подробнее [16]). Даже в молодом израильском государстве в первые послевоенные десятилетия предпочитали не говорить о Катастрофе, стремясь сконцентрировать формирование национальной идентичности на героических сюжетах из многовековой еврейской истории [17, с. 61]. Только в 1970–1980-ые годы, когда на арену истории вышли новые послевоенные

поколения европейцев, Шоа становится важнейшим элементом западноевропейской идентичности, центральным событием новейшей истории, цементирующим основу европейского мировоззрения и гуманистических ценностей [18, с. 127]. В этот период государства Западной Европы нашли в себе силы обратиться к наиболее болезненным для национального чувства сюжетам истории, связанным с признанием вины своих соотечественников за коллаборационизм и соучастие в массовом уничтожении евреев [19, с. 53, 55–59].

Однако по мере того, как Холокост укоренялся в коллективной памяти европейцев, активное распространение получали и противоположные идеи правозэкстремистской направленности. По сей день неонацистские организации, базирующиеся на догмах расовой идеологии, пропагандируют идеи расизма и антисемитизма (ненависти к евреям). В связи с этим с начала 1990-ых годов в Европейском союзе всё чаще стали подниматься вопросы о необходимости противодействия нарастающим угрозам расизма, антисемитизма и ксенофобии. Поэтому аккумуляция памяти о Холокосте должно служить предостережением от распространения различных антигуманных идеологий (см., например, [20]).

Центральное значение для просвещения в области прав человека на основе памяти о Шоа имеет Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/7 «Память о Холокосте». В документе Организация Объединённых Наций провозгласила 27 января Международным днём памяти жертв Холокоста. В резолюции содержится призыв к государствам-членам разработать просветительские программы по Холокосту, направленные на предотвращение будущих актов геноцида, отвергается любое отрицание Шоа, осуждаются все проявления религиозной нетерпимости, подстрекательства, преследования или насилия в отношении отдельных лиц или общин, обусловленные этническим происхождением или религиозными верованиями [21].

Особая роль в процессе противодействия антисемитизму и этнической нетерпимости отводится Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. В ряде Решений Совета министров ОБСЕ, принятых на встречах в Порту (декабрь 2002 г.) и Маастрихте (декабрь 2003 г.) отмечалось, что отрицание Холокоста и проявления антисемитизма необходимо трактовать как нарушения прав человека, угрозу для свободы и безопасности всего европейского общества. На Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ ОБСЕ) были возложены особые обязательства по распространению успешного опыта борьбы с нетерпимостью, дискриминацией и антисемитизмом. В процессе выполнения вышеперечисленных обязательств БДИПЧ уделяет

особое внимание разработке и реализации программ, направленных на сохранение памяти о Холокосте и просвещение в этой области [22, с. 9].

Усилиями ОБСЕ были проведены специальные конференции по антисемитизму: в 2003 в Вене, в 2004 г. в Берлине, в 2005 г. в Кордове. В ходе работы этих конференций государства-участники подтвердили свои обязательства сохранять память о Холокосте и бороться с проявлениями антисемитизма и нетерпимости [22, с. 9]. Так, на Берлинской конференции государства-участники договорились о реализации следующих намерений: стремиться к тому, чтобы их правовые системы обеспечивали безопасную среду, свободную от антисемитизма, насилия и дискриминации; способствовать реализации образовательных программ по противодействию антисемитизму и сохранению памяти о Шоа; бороться с преступлениями, совершаемыми на почве ненависти и спровоцированными пропагандой расизма, ксенофобии и антисемитизма [22, с. 201–203].

В решениях Совета Министров ОБСЕ «Борьба с нетерпимостью и дискриминаций и содействие взаимному уважению и пониманию» (Брюссель, 2006 г.) и «Терпимость и недискриминация: содействие взаимному уважению и пониманию» (Мадрид, 2007 г.) подчёркивалось, что преступления на почве ненависти представляют угрозу безопасности индивидов и сплочённости общества. Государства-участники принимали на себя обязательства по предотвращению таких преступлений и реагированию на них [23]. Продолжая обозначенную линию, на встрече в Базеле в декабре 2014 г. Совет Министров ОБСЕ выступил с Декларацией «О наращивании усилий по борьбе с антисемитизмом». В документе содержится призыв к политическим лидерам и общественным деятелям твёрдо реагировать на акты антисемитского характера, содействовать осуществлению образовательных программ по борьбе с антисемитизмом, предоставлять молодежи возможности для получения образования в области прав человека, проводить эффективное, незамедлительное и беспристрастное расследование актов насилия на почве антисемитизма и привлекать виновных к ответственности [24].

Таким образом, осмысление памяти о Холокосте послужило серьёзным основанием для решительных действий мирового сообщества по формированию системы международно-правовых норм и механизмов, направленных на реализацию и защиту прав человека и достоинства личности. Катастрофа европейских евреев и трагедии других жертв Второй мировой войны стали беспрецедентным примером попрания человеческого достоинства и бессилия личности перед лицом преступного тоталитарного государства. Холокост является тем

негативным опытом, на основе которого строится новый фундамент единой Европы, базирующийся на принципах солидарности, терпимости и толерантности. Противодействие антисемитизму, расизму и ксенофобии в современном обществе признаётся важнейшим условием для торжества прав человека, обеспечения свободы и безопасности.

### Список использованных источников

1. Программы просветительской деятельности «Холокост и ООН» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/holocaustremembrance/docs.shtml>. – Дата доступа: 27.12.2015.
2. Международная школа преподавания и изучения Катастрофы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yadvashem.org/yv/ru/education/index.asp>. – Дата доступа: 15.01.2016.
3. Проект «Історія Голокосту та права людини» триває // Уроки Голокосту. – 2012. – № 2 (30). – С. 1–4.
4. Prawa człowieka zaczynają się od praw dzieci i młodzieży / Red. E. Pasternak, M. Majewska. – Oś więćim: DIMOGRAF, 2013. – 113 s.
5. Justiz im Nationalsozialismus. Über Verbrechen im Namen des Deutschen Volkes. Beiträge und Katalog zur Ausstellung / Red.: S. Benzler, M. Gödecke. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2002. – 188 S.
6. Спасённая жизнь: жизнь и выживание в Минском гетто / сост.: Балакирев В.Ф. [и др.]. – Минск: ООО «Лимариус», 2010. – 100 с.
7. Kenkmann, A. «Vor Tieren hatten wir keine Angst, nur vor Menschen». Kinder über den Holocaust in Polen. Didaktische Materialien / A. Kenkmann, E. Kohlhaas, A. Wolters. – Südlohn: Oing Druck, 2011. – 112 S.
8. Kretz, H. Willst du meine Mutter sein? Eine Kindheit im Schatten der Schoah / H. Kretz. – Dresden: Hille, 2013. – 162 S.
9. Левина-Крапина, М.И. Трижды рождённая. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто / М.И. Левина-Крапина. – Минск: Изд. З. Колос, 2008. – 148 с.
10. «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft / Hg.: A. Hollender [und And.]. – Berlin: Association A, 2003. – 320 S.
11. Снайдер, Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Т. Снайдер. – Киев: Дуліби, 2015. – 584 с.
12. Wermuth, R. Im Mahlstrom der Zeiten. Die ungewöhnliche Geschichte eines jüdischen Geschwisterpaars / R. Wermuth. – Berlin: Pro-Busines, 2005. – 196 S.
13. Устав Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]: [принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г.] // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/introductory-note/index.html> – Дата доступа: 12.01.2016.

14. Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс]: [принята в г. Нью-Йорк 9.12.1948 г.] // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/genocide.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml) – Дата доступа: 19.01.2016.
15. Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс]: [принята в г. Нью-Йорк 21.12.1965 г.] // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/raceconv.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml). – Дата доступа: 19.12.2015.
16. Грахоцкі, А. П. Неад’емная частка нацыянальнай памяці / А. П. Грахоцкі // Гомельскі ўніверсітэт. – 2016. – 25 лютага. – С. 3.
17. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М.: НЛЮ, 2014. – 328 с.
18. Droit, E. Die europäische Erinnerung an die Shoah im Zeitalter der Opferkonkurrenz / E. Droit // Die Shoah in Geschichte und Erinnerung: Perspektiven medialer Vermittlung in Italien und Deutschland / C. Müller, P. Ostermann, K.-S. Rehberg (Hg.). – Bielefeld: Transcript, 2015. – S. 123–134.
19. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с.
20. Entschließung des Europäischen Parlaments zum Holocaust-Gedenktag vom 3.7.1995 // EUR-Lex. Access to European Union Law [Electronic resource]. – Mode of access: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=uriserv:OJ.C\\_.1999.098.01.0488.01.DEU](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.1999.098.01.0488.01.DEU). – Date of access: 11.12.2015.
21. Память о Холокосте: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 1 ноября 2005 г., № 60/7 [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/98/PDF/N0548798.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 14.12.2015.
22. Преподавание тем Холокоста и антисемитизма. Обзор и анализ образовательных подходов / БДИПЧ ОБСЕ; пер. с англ. С. Черфас. – Варшава: Sungraf, 2006. – 222 с.
23. Преступления на почве ненависти: предотвращение и реагирование. Методическое руководство для НПО в регионе ОБСЕ / БДИПЧ ОБСЕ. – Варшава: Sungraf, 2009. – 91 с.
24. О наращивании усилий по борьбе с антисемитизмом [Электронный ресурс]: Декларация Совета министров ОБСЕ, 5 декабря 2014 г. // TANDIS. – Режим доступа: <http://tandis.odihr.pl/?p=ki-hr,dec-sect&l=ru> – Дата доступа: 24.12.2015.

**Ж. А. Дробот**

*канд. юрид. наук, доц.*

*Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого*

## **ОТМЕНА СПЕЦИАЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УКРАИНЕ**

В Украине многие годы существовало специальное пенсионное обеспечение. Это была система пенсионного обеспечения отдельных категорий работающих. Сосредоточено внимание на анализе нормативно-правовых актов, касающихся специального пенсионного обеспечения. Принятым год назад законом система специальных пенсий была ликвидирована.

In Ukraine many years there was the special pension providing. This was the system of the pension providing of separate categories of workings. Attention is concentrated on the analysis of normative-legal acts, touching the special pension providing. The system of the special pensions was liquidated the law accepted a year ago.

В Украине многие годы существовала система специального пенсионного обеспечения, которая досталась ей еще с советских времен. Почти три десятка законов определяли право на пенсионное обеспечение граждан Украины. Основным нормативно-правовым актом в этой сфере был Закон Украины «Об всеобщем государственном пенсионном страховании», принятый 9 июля 2003 г. В то же время наряду с ним действовали и другие нормативные акты, которые устанавливали другие правила в сфере пенсионного обеспечения для определенного круга лиц. Такое положение в сфере пенсионного обеспечения вызывало неоднозначное восприятие и полемику ученых.

Следует отметить, что вопросам специального пенсионного обеспечения уделялось внимание на разных этапах формирования пенсионного законодательства Украины в работах многих украинских ученых. Эти вопросы были в центре внимания исследований Буряка В., Иншина М., Мельника К., Синчук С., Сироты И., Хуторян Н. и других.

В юридической литературе пенсионное обеспечение отдельных категорий работающих получило название «специальных пенсий» либо специального пенсионного обеспечения. Так, например, С. Синчук использует термин «специальные пенсии», но не дает их толкование [1, с. 150].

Н. Хуторян пользуется термином «специальное пенсионное обеспечение», не раскрывая его сущности [2, с. 36].

Нормативными актами в сфере специального пенсионного обеспечения, в частности, были Законы Украины «О государственной службе» от 16 декабря 1993 г., «О пенсионном обеспечении» от 5 ноября 1991 г., «О пенсионном обеспечении лиц, уволенных с военной службы, и некоторых других лиц» от 9 апреля 1992 г., «О Национальном банке Украины» от 20.05.1999 г., «О судоустройстве и статусе судей» от 7 июля 2010 г., «О прокуратуре» от 14 октября 2014 г., «О статусе народного депутата Украины» от 17 ноября 1992 г., «О научной и научно-технической деятельности» от 13 декабря 1991 г. и ряд других.

Как правило, вышеназванные акты устанавливали более высокие размеры пенсий, а также отличительные от общих условия их назначения. Так, например, на 01.01.2009 г. средний размер пенсии судей в 6, 27 раз был большим за размер трудовой пенсии, чиновников Кабинета Министров Украины – в 11, 24 раза, народного депутата – в 17, 19 раз [3, с. 10].

Как отмечал К. Мельник, можна говорить о функционировании в Украине смешаной многоуровневой пенсионной системы, где рядом с общей трехуровневой системой пенсионного обеспечения существовала система пенсионного обеспечения отдельных категорий работающих (государственных служащих, прокурорско-следственных работников, народных депутатов, судей, научно-педагогических работников, военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Украины, лиц начальствующего состава налоговой милиции, лиц начальствующего и рядового состава Государственной уголовно-исполнительной службы Украины, лиц начальствующего и рядового состава органов и подразделений гражданской защиты, лиц начальствующего и рядового состава государственной пожарной охраны и других лиц) [4, с. 81].

Существование института специальных пенсий вызывало много разных мнений по поводу их отмены, так как в большинстве случаев их размер был намного большим, чем размер обычных пенсий.

В то же время бытует и противоположное мнение, согласно которому размер таких пенсий меньше, чем пенсии других государственных служащих. Так, М. Иншин отмечает, что анализ и сравнение сумм пенсионного обеспечения, которые назначаются работникам органов внутренних дел, в зависимости от выслуги лет и страхового

стажа, а также соответствующих сумм, которые назначаются государственным служащим, дает возможность сделать вывод, что работники органов внутренних дел как государственные служащие получают пенсию, размер которой почти на 30 % меньше (лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел пенсии за выслугу лет назначаются в размере 50 % (при наличии выслуги 20 лет или при наличии страхового стажа 25 лет и более, из которых не меньше 12 календарных лет и 6 месяцев составляет служба в органах внутренних дел) и 55 % (при наличии 20 лет выслуги и увольнением в отставку по состоянию здоровья или по возрасту) соответствующих сумм денежного обеспечения, нежели другие категории государственных служащих, которые получают пенсию в соответствии с Законом Украины «О государственной службе» [5, с. 102].

02.03.2015 г. Верховная Рада Украины приняла Закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины о пенсионном обеспечении», в заключительных положениях которого Кабинету Министров Украины было дано поручение к 1.05.2015 г. подать в Верховную Раду проект закона о назначении пенсий, в том числе специальных, на общих основаниях.

Кроме того, было предусмотрено, что в случае непринятия до 01.06.2015 г. закона о назначении всех пенсий, в том числе специальных, на общих основаниях с 1 июня 2015 года отменяются нормы о пенсионном обеспечении лиц по законам «О государственной службе», «О прокуратуре», «О судоустройстве и статусе судей», «О статусе народного депутата Украины», «О Кабинете Министров Украины», «О судебной экспертизе», «О Национальном банке Украины», «О службе в органах местного самоуправления», «О дипломатической службе», Налогового и Таможенного кодексов Украины, Положения о помощнике-консультанте народного депутата Украины [6, п. 5 заключительных положений].

Факт непринятия законопроектов Верховной Радой Украины дало Пенсионному фонду Украины все юридические основания прекратить назначение спецпенсий с 1 июня 2015 года. Таким образом, с 1 июня 2015 г. все пенсии народным депутатам, министрам, судьям, прокурорам, таможенникам, налоговикам и другим чиновникам назначаются в соответствии с законом Украины «О всеобщем государственном пенсионном страховании», как всем обычным людям.

Для реализации положений Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины о пенсионном

обеспечении» в сфере пенсионного обеспечения государственных служащих в Украине принят Закон «О государственной службе», который вступает в силу с 1.05.2016 г. Он предусматривает, что пенсионное обеспечение государственных служащих осуществляется в соответствии с Законом Украины «О всеобщем государственном пенсионном страховании» [7, ст. 90], то есть для государственных служащих специальное пенсионное обеспечение уже отменено.

Такая отмена коснулась всех тех лиц, которым специальная пенсия назначалась в соответствии с вышеназванным законом, а именно: судей, прокуроров, должностных лиц таможенной службы, Национального банка Украины, налоговиков, народных депутатов Украины, министров и других лиц.

Это можно продемонстрировать положением статьи Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей», согласно которой судье, который вышел в отставку, пенсия выплачивается на условиях, предусмотренных Законом Украины «О государственной службе», или за его выбором ежемесячное пожизненное денежное обеспечение. Ежемесячное пожизненное денежное обеспечение выплачивается судье в размере 60 процентов денежного содержания судьи, который работает на соответствующей должности [8, ч. 3 ст. 141].

Таким образом, можно констатировать факт отмены специальных пенсий в Украине как свершившийся факт, о котором речь шла многие годы.

#### **Список использованных источников**

1. Синчук С. М., Бурак В. Я. Право соціального забезпечення України: Навч. посіб. / За ред. С. М. Синчук. – 2-ге вид., перероб. і доп. – К.: Знання, 2006. – 318 с.
2. Право на пенсію та його реалізація за сучасним законодавством України: Довідник / Н. М. Хуторян, М. М. Шумило, Я. В. Сімутіна та ін.; Наук. ред. Н. М. Хуторян, М. М. Шумило. – К.: Вид-во «Юридична думка», 2012. – 208 с.
3. 10 Перед законом усі рівні // Урядовий кур'єр. – 23.01.2010. – № 13. – С. 10.
4. Мельник К. Пенсійне забезпечення осіб рядового та начальницького складу органів внутрішніх справ: окремі аспекти реформування // Право України. – 2012. – № 6. – С. 81–85.
5. Іншин М. Удосконалення пенсійного забезпечення працівників органів внутрішніх справ // Право України. – 2012. – № 6. – С. 100–106.
6. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо пенсійного забезпечення: Закон України від 02.03.2015 р. № 213-VIII: станом

на 29.12.2015 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/213-19>.

7. Про державну службу: Закон України від 10.12.2015 № 889-VIII [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/889-19>.

8. Про судоустрій і статус суддів: Закон України від 07.07.2010 № 2453-VI: станом на 01.01.2016 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2453-17>.

УДК 340.112

**Ю. И. Иванова**

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **МЕЖДУНАРОДНОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО КАК ОТРАСЛЬ ПРАВА**

Статья посвящена проблеме формирования отрасли международного трудового права. В рамках общей теории права и теории международного права автор исследует подходы и критерии выделения отраслей права из всего массива правовых норм, устанавливает соответствие комплекса международных норм, регулирующих трудовые отношения, данным критериям. Автор определяет место международного трудового права в системе международного публичного права в качестве отрасли международного права.

The article is devoted to a problem of formation of the international labour law as a branch of international public law. Within the framework of the theory of law and theory of international law the author researches approaches and criteria which allow to allocate branches of the law, establishes conformity of a complex of the international norms regulating labour relations to the given criteria. The author defines a place of the international labour law in system of the international public law as formed branch of international law.

Система межгосударственных отношений по мере эволюционного развития общества претерпевает определенные изменения, включая в свой состав отношения и проблемы, подлежащие разрешению в ее рамках. Наряду с политическими и экономическими отношениями государств находят свое регулирование нормами международного права многообразные вопросы социального, культурного, гуманитарного сотрудничества.

Определенное место в системе международного права занимает комплекс норм, осуществляющих международно-правовое регулирование трудовых отношений.

На наш взгляд, существование целого комплекса международно-правовых норм, регулирующих, посредством сотрудничества государств, трудовые отношения, является объективной действительностью международного публичного права. Формирование данного комплекса обусловлено целым рядом факторов, которые можно классифицировать, выделив четыре основные группы: 1) предпосылки объективного экономического характера; предпосылки гуманитарного характера; предпосылки глобализационного характера; предпосылки демографического характера.

Следует отметить, что функционирование этого комплекса осуществляется не обособленно от всей нормативной системы, а в ее составе в тесном взаимодействии с другими подсистемами.

Анализ внутренней организации международного трудового права как целостной системы, выявление составляющих ее элементов и связей, установление способов взаимодействия с «внешней средой» – более сложным образованием, где эта конкретная система выступает в качестве одного из элементов, позволяет определить место международного трудового права в системе юридических наук, а также его природу.

В целом, определение роли и места данного комплекса норм в системе международного права связано с уяснением закономерностей построения системы современного права, критериев, позволяющих вычленять среди комплексов норм институты и отрасли.

Далеко не каждый комплекс норм образует институт или отрасль права, в том числе международного. Он приобретает качество института или отрасли, когда в ходе своего развития превращается из простой суммативной системы в сложную целостную структуру.

Анализ системы международного права нуждается в определенном инструментарии, т. е. основой выделения подсистем (отраслей и институтов) международного права должен являться комплекс критериев, отражающий их качественное своеобразие и позволяющий провести между ними различия.

В этой области наблюдается довольно широкий спектр комбинаций данных критериев. Так, Левин Д. Б. предлагал применять к систематизации правовых норм внутри каждой области права (в том числе и международного) критерии построения системы права в целом [1, с. 91]. В общей теории права к ним традиционно относят предмет и метод правового регулирования, которые одно время составляли конструкцию «особый предмет – особый метод правового регулирования». Однако, так как методов правового регулирования гораздо меньше существующих видов общественных отношений и наличие собственного «чистого» метода у каждой отрасли права

маловероятно, самым надежным критерием отрасли права оказался предмет правового регулирования. Именно он является «объективным, лежащим вне права критерием» [2, с. 184]. Т. е. объединение правовых норм в отрасль права происходит не в силу причин, зависящих от усмотрения правотворческих органов, а сообразно специфике и существующим связям между общественными отношениями. Такие отношения довольно своеобразны и отличаются друг от друга своей целенаправленностью, содержанием и формой. Метод же правового регулирования представляет отрасль права с точки зрения «юридических признаков» [3, с. 70], как особый юридический режим, который последовательно проводится через институты и нормы отрасли и с помощью которого осуществляется регулирование соответствующей сферы общественных отношений.

В дополнение к предмету и методу правового регулирования рядом авторов выдвигаются и иные критерии. Такие, например, как общественная значимость регулируемых отношений и обширный объем нормативного материала (Райхер В. К.), качественное своеобразие общественных отношений и особенности юридических норм, которыми они регулируются (Васильев А. М.), юридическая целостность или юридическое своеобразие, проявляющееся в методе правового регулирования (Алексеев С. С.). Кроме этого среди критериев выделяются цель, принципы регулирования, функции права, правовой режим, наличие кодификационного акта и т. д.

Тем не менее, основными критериями выделения отрасли права признаются предмет и метод правового регулирования. Последний применительно к выделению подсистем международного права вызывает определенные сомнения у юристов-международников. Так, Галенская Л. Н., констатируя наличие лишь одного способа правового регулирования – международно-правового – при наличии различных предметов регулирования, отрицает и само существование отдельных отраслей международного права [4, с. 256]. Однако эта точка зрения представляется несостоятельной, что было признано большинством юристов-международников. Представители доктрины международного права предложили ряд критериев выделения отраслей международного права применительно к его специфике. Проанализировав их, Усенко Е. Т. констатировал необходимость деления критериев на основные и вспомогательные. К основным, по его мнению, следует относить специфику объекта регулирования, наличие специальных отраслевых принципов и автономность группы норм. Вспомогательные включают – большой массив нормативного материала и заинтересованность международного сообщества [5, с. 213]. Подобное выделение

основных и дополнительных критериев представляется целесообразным, так как позволяет более точно и системно определить комплекс данных критериев.

Однако изучение системы международного права требует не только выделение критериев, но и одновременное определение места и роли отдельных институтов и отраслей в международном праве.

Общая теория права рассматривает отрасль права основным элементом системы права. Отрасль права – это наиболее широкое объединение правовых норм, регулирующих все разнообразие определенного вида общественных отношений [6, с. 292]. Алексеев С. С. в своей характеристике отрасли права указывал, что каждая отрасль права есть относительно автономное образование, которое опосредует не отдельный участок общественных отношений, а их специфический, качественно особый вид, охватывающий множество разновидностей и разветвлений, и, что основная функция отраслей в правовой системе состоит в том, чтобы обеспечивать определенный юридический режим правового регулирования [7, с. 162]. Кроме того, по мнению Хропанюка В. Н., «в отличие от других структурных элементов системы права отрасль, не порывая системной связи, обладает относительной автономией: способна к самостоятельному функционированию в общей системе права» [6, с. 292].

В международном праве отрасль права представляет собой крупный и стабильный комплекс международно-правовых норм, которые регулируют обширную сферу однородных межгосударственных отношений, составляющими которой являются внутриотраслевые институты и подотрасли [5, с. 220].

Объектом норм, образующих определенную отрасль международного права, являются однородные отношения, детерминированные несколькими классами предметов, независимо от целей данных отношений. Благодаря этому, комплекс норм, образующих ту или иную отрасль международного права, подразделяется на внутриотраслевые институты и подотрасли.

Кроме того, комплекс норм может претендовать на образование отрасли (или института), если он обладает качеством системного целого. По мнению Василенко В. А. такие качества придают нормы *ergo omnes* многократного действия и такая их особая категория как нормы-принципы [5, с. 221].

Таким образом, можно определить комплекс критериев, позволяющих выделить среди массива норм отрасли международного права.

Главными критериями отрасли являются: специфичность объектно-предметной сферы действия норм, составляющих данный нормативный комплекс; автономность нормативного комплекса, а также делимость

его на институты и подотрасли; наличие в нормативном комплексе норм *ergo omnes* многократного действия; наличие среди норм *ergo omnes* специальных отраслевых норм-принципов.

Дополнительными критериями могут служить наличие одного или нескольких кодифицирующих актов; значительное количество нормативного материала; заинтересованность международного сообщества.

Как международное право в целом, международное трудовое право имеет объектом своего регулирования общественные отношения, выходящие за пределы государственных границ (т. е. международные отношения). Исходя из теории международного права к таким отношениям относятся: 1) отношения между государствами, в том числе, государствами, находящимися в стадии своего становления, а также между государствами и международными организациями, и отношения последних между собой; 2) отношения, не имеющие межгосударственного характера (отношения между отдельными лицами, предприятиями и т. д.) [8, с. 257].

Согласно Маэму Э., Трокле Л. международное трудовое право регулирует отношения между государствами [9, с. 99]. Это утверждение исходит из того, что участниками соглашений, содержащих трудовые нормы, всегда являются государства. Именно они берут на себя правовые обязательства по выполнению соглашений о труде и несут ответственность за их несоблюдение. Осуществление трудовых прав, декларированных в международных нормах, зависит от государства, которое ратифицирует ту или иную конвенцию и берет на себя обязательство имплементировать ее нормы в национальное законодательство, либо денонсирует конвенцию и, тем самым, снимает с себя международное обязательство по регулированию трудовых отношений. Таким образом, основными субъектами международно-правового регулирования труда являются государства, которые наряду с международными организациями, разрабатывают и принимают международно-правовые акты. Обширная группа таких актов, образующих комплекс международного трудового права, объединены общим предметом регулирования. Этим предметом является сотрудничество государств по вопросам регулирования отдельных аспектов трудовых отношений, защиты трудовых и социальных прав.

Несомненно, что регулирование трудовых отношений в целом является сферой внутренней компетенции государства. Основой такого порядка вещей является сложившаяся еще в 19 веке национальная организация труда.

Однако реалии экономической и политической жизни мирового сообщества второй половины 20 – начала 21 веков постепенно придают

международный характер некоторым аспектам организации труда. Достаточно привести пример расширяющейся сети международных организаций, включающих в штат своих сотрудников все больше и больше представителей различных государств; возрастающей политико-экономической интеграции; рост числа мультинациональных предприятий. Все это обуславливает необходимость принятия международным сообществом норм, устанавливающих унифицированные правила организации труда в определенных областях и для определенных категорий работников, а также введения минимальных стандартов в сфере труда для защиты трудовых и социальных прав человека.

Следующим критерием выделения отрасли международного права является делимость нормативного комплекса на институты и подотрасли. Нормативный комплекс международного трудового права составляет огромное число международных актов. Еще в 60-х годах 20 века было признано, что международные конвенции о труде составляют примерно пятую часть всех многосторонних договоров [9, с. 101]. За прошедшее время их количество значительно возросло. Поэтому вполне естественно, что вся совокупность нормативного материала в этой области не может отличаться каким-то особым качественным единообразием предметной сферы.

Институт как группа взаимосвязанных норм, как нормативный блок в международном праве является элементом, характерным для всей системы права. И любая отрасль международного права предполагает существование в ней этих институтов [8, с. 262]. Данные общесистемные институты (такие, например, как институт международного нормотворчества, институт международно-правовой ответственности и др.) присущи и международному трудовому праву.

Как структурный элемент определенной отрасли институт имеет объектом регулирования определенные участки, виды, подвиды или разновидности международных отношений, охватываемые данной отраслью. По мнению авторов «Курса международного права», для международного права характерно попредметное формирование таких институтов [8, с. 267]. Они являются частью отрасли.

Можно ли выделить в системе международного трудового права подобные институты? По мнению Мингазова Л. Х. «как и всякая развитая система права, нормы международного трудового права логически объединены внутренним единством и общей целью, систематизированы по отдельным институтам» [3, с. 78]. Если взять за основу определение института системы международного права, данное Василенко В. А., то институтом международного права является относительно обособленный комплекс международно-правовых норм, которым

присуща специальная регулятивная направленность и которые входят в рамки какой-либо одной отрасли либо обладают межотраслевым характером [5, с. 219].

Нормы института характеризуются интегративной целостностью, а также направленностью на объект, детерминированный одним классом целей. Таким образом, исходя из вышесказанного и существующего в сфере международного трудового права нормативного материала, можно выделить группы норм, регулирующие, на наш взгляд, качественно однородные отношения, и образующие институты международного права.

К ним относятся: институт основных прав в сфере труда (право на недискриминацию, отмена принудительного труда, право на свободу ассоциации и т. д.), институт минимальных стандартов в различных сферах труда (занятости, общих условий труда и условий труда отдельных категорий работников, заработной платы, охраны труда); институт детского труда; институт правового положения трудящихся-мигрантов и иностранных работников, институт международной службы.

Следующим критерием выделения отрасли является наличие в нормативном комплексе норм *ergo omnes* многократного действия, т. е. императивных норм «*jus cogens*», порождающих универсальные правоотношения.

Характерной чертой императивных норм, по мнению Лукашука И. И., является не отсутствие исключений из общего правила, а то, что такие исключения не могут устанавливаться соглашением отдельных государств, как двусторонними, так и многосторонними [10, с.162]. Императивные нормы выражают интересы мирового сообщества в целом и им же принимаются. Это означает признание или принятие нормы большинством государств, представляющих главнейшие формы цивилизации и основные системы мира.

Наличие императивной нормы определяется не характером акта, в котором она содержится, а природой и содержанием самой нормы [10, с. 168–169]. Так, Комиссия международного права отметила: «не форма общей нормы международного права, а особая природа предмета, которому она посвящена, может, по мнению Комиссии, придать ей характер «*jus cogens*» [11, р. 248]. Таким образом, к императивным нормам помимо прочих относятся принципы и нормы, закрепляющие исторически достигнутый нравственный стандарт мирового сообщества и международного права.

Документы, касающиеся проблем труда, содержат наряду с диспозитивными нормами императивные нормы. Этот факт констатируется

также в работе Аметистова Э. М. «Международное право и труд: факторы имплементации международных норм о труде». Данные нормы характерны в первую очередь для документов, посвященных защите основных прав человека. По мнению Аметистова Э. М. это особенно верно в отношении тех положений, «где формулируется цель, ради достижения которой вводится данная норма» [12, с. 33].

Таким образом, к императивным нормам в международном трудовом праве следует относить следующие: 1) свобода ассоциации и эффективное признание права на коллективные переговоры; 2) устранение всех форм принудительного труда; 3) эффективное упразднение детского труда; 4) устранение дискриминации в отношении осуществления труда. Именно эти нормы закреплены в восьми фундаментальных конвенциях Международной организации труда (далее МОТ), а также принятой в 1998 году Декларации фундаментальных принципов и прав на труд [13].

Еще одним критерием является наличие среди норм *ergo omnes* специальных отраслевых норм-принципов. Такие принципы содержатся в первую очередь в Уставе Международной организации труда.

Определяя общее направление деятельности МОТ, пределы и содержание международно-правового регулирования труда, они выполняют определенную регулирующую функцию. По мнению Мингазова Л. Х. эти принципы следует рассматривать как нормы-принципы, выступающие по отношению к конкретным нормам в области труда как принципы *lex generalis* [3, с. 75]. Аметистов Э. М. указывает на то, что данные принципы в очень большой степени определяют принципы, цели и сферу регулирования всего международного трудового права [14, с. 38]. По мнению Вальतिकоса Н., принципы, изложенные в Уставе МОТ, являются не просто директивами, адресованными органам МОТ, но выступают в качестве непосредственного источника международного права [15].

Декларация о целях и задачах Международной организации труда содержит следующие принципы: труд не является товаром, свобода слова и свобода объединения являются необходимым условием постоянного прогресса, нищета в любом месте является угрозой для общего благосостояния, все люди, независимо от расы. Веры, пола имеют право осуществлять свое материальное благосостояние и духовное развитие в условиях свободы и достоинства, экономической свободы и равных возможностей и др. [16, п.1-2].

Кроме того, из содержания международного трудового права можно выделить указанные ранее нормы-принципы: свобода ассоциации и эффективное признание права на коллективные переговоры;

устранение всех форм принудительного труда; эффективное упразднение детского труда; устранение дискриминации в отношении осуществления труда. Данные принципы были выдвинуты в докладе Генерального директора Международной организации труда на 87 сессии в июле 1999 года [17].

Что касается дополнительных критериев выделения отрасли, то, международное трудовое право характеризуется наличием значительного количества нормативного материала. Помимо актов, принятых в рамках ООН и ее организаций, в настоящее время только Международной организацией труда принято 189 Конвенции. Обширный нормативный материал принимается в рамках региональных организаций: Совета Европы, Европейского союза, Содружества независимых государств и др.

Таким образом, можно констатировать существование международного трудового права как отрасли международного права, предметом которой является сотрудничество государств в сфере защиты трудовых и социальных прав трудящихся, установления минимальных трудовых стандартов, а также создания благоприятных условий для развития национальных производственных отношений и производительных сил взаимодействующих государств.

#### **Список использованных источников**

1. Левин, Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права / Д. Б. Левин. – М.: Наука, 1974. – 264 с.
2. Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Ю. А. Дмитриев [и др.]; под общ. ред. А. С. Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1996. – 343 с.
3. Мингазов, Л. Х. К вопросу о понятии отрасли современного международного права (на примере международного трудового права) / Л. Х. Мингазов // Советский ежегодник международного права, 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 69–78.
4. Галенская, Л. Н. О понятии международного уголовного права / Л. Н. Галенская // Советский ежегодник международного права, 1969. – М.: Наука, 1970. – С. 247–258.
5. Василенко, В. А. Основы теории международного права / В. А. Василенко– Киев: Вища шк., 1988. – 288 с.
6. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк; под ред. В. Г. Стрекозова. – 2-е изд., доп., испр. – М.: ДТД, 1995. – 377с.
7. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев– М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.
8. Курс международного права: в 7 т. / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. – М.: Наука, 1989. – Т. 1: Понятие, предмет и система международного права. – 360 с.

9. Иванов, С. А. Проблемы международного регулирования труда / С. А. Иванов; отв. ред.: С. Л. Зивс. – М.: Наука, 1964. – 343 с.

10. Лукашук, И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе / И. И. Лукашук. – М.: Спарк, 1997. – 322 с.

11. Yearbook of the International Law Commission. – 1966. – Vol. 2. – Режим доступа: [http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a\\_cn4\\_1117.pdf](http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_1117.pdf). – Дата доступа: 14.02.2016.

12. Аметистов, Э. М. Международное право и труд. Факторы имплементации международных норм о труде / Э. М. Аметистов. – М.: Междунар. отношения, 1982. – 272 с.

13. ILO Declaration on Fundamental Principles and Rights at Work. International Labour Office. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/declaration/thedeclaration/textdeclaration/lang--en/index.htm>. – Дата доступа: 14.02.2016.

14. Аметистов, Э. М. Международное трудовое право и рабочий класс / Э. М. Аметистов. – М.: Междунар. отношения, 1970. – 184 с.

15. Valticos, N., Potobsky, G. International Labour Law // International Encyclopedia for Labour Law and Industrial Relations. – Deventer, 1994. – Vol. 4.

16. Декларация Международной организации труда "О целях и задачах Международной организации труда" [рус., англ.] (Принята в г. Филадельфии 10.05.1944 на 26-ой сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

17. ILC87 - Report of the Director-General: Decent work . International Labour Organization. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/public/english/standards/relm/ilc/ilc87/rep-i.htm>. – Дата доступа: 14.02.2016.

УДК 347.672(476):347.672(476-87)

***Е. М. Караваяева***

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **ФОРМЫ ЗАВЕЩАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ**

В статье рассматриваются вопросы удостоверения завещания в Республике Беларусь и зарубежных государствах. Автор анализирует роль и полномочия нотариуса и иных лиц, участвующих в процедуре оформления завещания, рассматривает нотариальную форму завещания в сравнении с иными формами завещания.

This article discusses the notarization of wills in Republic of Belarus and foreign countries. The author analyses the role and the competence of notaries and other persons, who take part in the registration procedure of the will, details the notary form of the testament in comparison with other forms of wills.

*Введение.* В настоящее время в Республике Беларусь наследование по завещанию, как основание приобретения права собственности, является весьма актуальным, особенно, если учесть, что наследственное право определяет судьбу имущества умершего после его смерти и что в регулировании имущественных отношений за последнее десятилетие произошли значимые изменения.

Необходимо отметить, что в наследственном праве вопросу формы завещания всегда уделялось пристальное внимание. Как правило, это объясняется тем, что "завещание должно вступить в силу, когда показание завещателя почти всегда невозможно за его смертью, а между тем желание воспользоваться наследством служит поводом к разным подлогам и подделкам воли завещателя" [1]. Поэтому форма завещания выступает своеобразным гарантом истинности распоряжений наследодателя. Кроме того, посредством соблюдения определенной внешней формы достигается согласование подчас противоположных интересов наследодателя, наследников по завещанию, наследников по закону.

Таким образом, удостоверение завещаний занимает особое место в числе нотариальных действий, т. к. его исполнение производится только после смерти завещателя, когда уже нет возможности исправить несоответствие завещания законодательству по форме и содержанию.

Кроме того, ввиду активных миграционных процессов, унификации и гармонизации законодательства в условиях экономической интеграции с целью наиболее полной защиты и обеспечения права собственности, предполагается целесообразным ознакомление с опытом, новыми концепциями и зарубежной практикой по наследственным отношениям, путем осуществления сравнительного анализа норм, регулирующих наследственные правоотношения в Республике Беларусь и зарубежных государствах.

*Основная часть.* Как и ранее действовавшее законодательство, Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) предусматривает возможность совершения завещания только в письменной форме. Согласно ст. 1044 ГК завещание, составленное в письменной форме, должно быть удостоверено по общему правилу нотариусом.

Так же завещатель может обратиться за удостоверением завещания к нотариусу без ознакомления последнего с его содержанием (закрытое завещание) [2, ст. 1046].

Удостоверение завещания другими лицами допускается в случаях, прямо предусмотренных пунктом 6 статьи 1045, статьей 1047 и пунктом 2 статьи 1048 ГК. В случаях, когда право совершения нотариальных действий предоставлено законом уполномоченным должностным лицам местных исполнительных и распорядительных органов, дипломатическим агентам дипломатических представительств Республики Беларусь и консульским должностным лицам консульских учреждений Республики Беларусь, завещание может быть удостоверено вместо нотариуса соответствующим должностным лицом с соблюдением требований ГК о форме завещания и порядке его нотариального удостоверения [2].

Нормы ГК также предусматривают возможность для завещателя отдельно распорядиться правами на денежные средства в банках. На основании ст. 1048 ГК права на денежные средства, внесенные гражданином в банковский вклад (депозит) или находящиеся на банковском счете гражданина, могут быть им завещаны по его усмотрению, либо в порядке, предусмотренном статьями 1044-1047 ГК, либо путем совершения завещательного распоряжения непосредственно в том банке или небанковской кредитно-финансовой организации, в которых открыт банковский счет либо размещен банковский вклад (депозит). В отношении средств на счете такое завещательное распоряжение имеет силу нотариально удостоверенного завещания [2]. Права на денежные средства, в отношении которых в банке совершено завещательное распоряжение, входят в состав наследства и наследуются на общих основаниях в соответствии с правилами Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Таким образом, отметим, что в Республике Беларусь нотариальная письменная форма завещания сохранена законодателем в качестве основной, при наличии иных форм распоряжения имуществом на случай смерти.

Сравнивая формы завещаний, предусмотренные законодательством Республики Беларусь, с формой завещаний других стран, можно отметить, что нотариальная форма завещания является основной не во всех государствах.

Например, Германское гражданское уложение (далее ГГУ) закрепляет следующую классификацию видов завещаний:

- 1) собственноручное завещание;
- 2) нотариально удостоверенное завещание;
- 3) завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах;
- 4) совместное завещание супругов;

5) договор о наследовании, однако данный договор нельзя безоговорочно признавать одним из видов завещаний, так как договор о наследовании несет в себе черты завещания и договора.

В Республике Беларусь лицо, желающее нотариально удостоверить свое завещание, вправе обратиться в любую нотариальную контору или нотариальное бюро, местный исполнительный и распорядительный орган для совершения данного нотариального действия.

Как было отмечено, согласно п. 1 ст. 1044 ГК Республики Беларусь завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Несоблюдение правил о письменной форме завещания и его удостоверении влечет недействительность завещания.

Необходимо отметить, что в Германии при совершении завещания в форме нотариальной записи наследодатель устно сообщает нотариусу свою последнюю волю либо передает ему письменный текст с заявлением, что в тексте содержится его последняя воля. Наследодатель может передать текст в открытом или запечатанном виде [3].

Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает наследование пережившим супругом не только по закону, но и по завещанию. Но нормы об общем завещании супругов, как в ГГУ (8 глава, часть 1) ГК Республики Беларусь не содержит. Необходимо отметить, что по ГГУ общее завещание, могут оставить только супруги. Такое завещание может быть составлено даже в том случае, если условия, предусмотренные в законе, «начали действовать только в отношении одного из супругов». Общее завещание может быть составлено собственноручно одним из супругов, а другой супруг собственноручно подписывает совместное заявление. При этом супруг, ставящий под завещанием вторую подпись, должен также указать, в какое время (число, месяц, год) и в каком месте он поставил свою подпись под завещанием.

Для сравнения отметим, что согласно законопроекту, внесенному в Госдуму Российской Федерации, супруги в России с 1 сентября 2016 года так же смогут составлять совместное завещание. В нем будет определяться, например, порядок перехода прав на общее имущество или имущество каждого из супругов в случае их смерти к пережившему супругу (иным лицам) [4].

Однако, российские ученые-цивилисты критически относятся к предложенным нормам. Так, по мнению С.В. Смирнова, вице-президента Федеральной нотариальной палаты, заслуженного юриста Российской Федерации, предлагаемые новеллы не только не актуальны для российского права, но и чужды ему, как и функционирующему в России нотариату латинского типа. С.В. Смирнов считает, что сегодня в наследственном праве России имеются все необходимые правовые инструменты для достижения целей, на которые ориентированы предлагаемые совместное завещание [5].

Так же ГК РФ содержит нормы о завещании в чрезвычайных обстоятельствах. Гражданин, который находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств лишен возможности совершить завещание в соответствии с правилами, предусмотренными Гражданским кодексом РФ, может изложить последнюю волю в отношении своего имущества в простой письменной форме. Изложение гражданином последней воли в простой письменной форме признается его завещанием, если завещатель в присутствии двух свидетелей собственноручно написал и подписал документ, из содержания которого следует, что он представляет собой завещание.

Завещание, совершенное в подобных обстоятельствах, утрачивает силу, если завещатель в течение месяца после прекращения этих обстоятельств не воспользуется возможностью совершить завещание в какой-либо иной форме, предусмотренной законодательством РФ.

Завещание, совершенное в чрезвычайных обстоятельствах, подлежит исполнению только при условии подтверждения судом по требованию заинтересованных лиц факта совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах. Указанное требование должно быть заявлено до истечения срока, установленного для принятия наследства [6, ст. 1129].

Что касается договоров о наследовании, то они подробно регламентированы не только законодательством Германии, но также Швейцарии, Австрии и в других европейских странах. Во Франции они допускаются лишь как исключение, да и то, в некоторых случаях, например, между супругами.

В Республике Беларусь, как и в РФ, такая форма распоряжения имуществом на случай смерти не предусмотрена. Однако, в научной литературе высказывались предложения в защиту наследственных договоров, которые являются «эффективным способом защиты семейно-имущественных интересов... позволяющим наиболее полно удовлетворить интересы частных собственников» [7]. В настоящее время предложения, касающиеся изменения гражданского законодательства, путем дополнения его нормами о наследственном договоре так же не находят поддержки в среде практиков в сфере нотариата. По мнению С. В. Смирнова, «наследственный договор является громоздким аналогом имеющихся в ГК РФ правовых механизмов, посвященных реализации воли наследодателя» [4].

Во Франции, в основном, применяется завещание, совершенное путем публичного акта. В ГК Франции нормы о таком завещании следуют после собственноручного завещания наследодателя, и, собственно, такое завещание не является нотариальным в нашем понимании. Завещание, совершенное путем публичного акта, должно быть

принято двумя нотариусами или одним нотариусом в присутствии двух свидетелей. При этом если завещание принято двумя нотариусами, то наследодатель должен его продиктовать, а один из нотариусов его записывает от руки или на печатной машинке. Аналогичный порядок предусмотрен и для случаев, когда завещание диктуется в присутствии только одного нотариуса. В обоих случаях завещание должно быть прочитано наследодателю. Публичное завещание должно быть подписано завещателем, свидетелями и нотариусом. Если наследодатель неграмотен или по какой-либо иной причине не может подписать завещание, то об этом делается соответствующая отметка с указанием причин, препятствующих подписанию завещания. В законодательстве Франции особый упор делается на необходимость продиктовать содержание завещания наследодателем нотариусу и свидетелям. В случае, когда завещатель не может говорить, но может писать, он может совершить только тайное завещание с обязательным условием, чтобы завещание было написано или подписано им, предъявлено нотариусу и свидетелям. Здесь в присутствии нотариуса и свидетелей наследодатель делает надпись о том, что предъявленный им документ является завещанием, и подписывается под этим (ст. 971 - 973, 977, 979 ГК Франции) [8].

Необходимость публичного провозглашения завещания закреплена в законодательстве Израиля. Вместе с тем, здесь публичное завещание делается путем устного изложения наследодателем своих распоряжений судье, судебному регистратору, члену раввинатского суда или сотруднику Службы государственной регистрации наследственных дел (ст. 22 Закона о наследовании 1965 г.) [9].

Публичное завещание, составляемое у нотариуса, известно гражданскому законодательству Латвийской Республики. Такое завещание составляется у нотариуса в присутствии двух свидетелей. Оригиналом признается завещание, записанное в актовой книге у нотариуса. Завещателю выдается выписка, которая имеет аналогичную юридическую силу (ст. 433 - 437 ГК Латвийской Республики) [10].

В США присутствие нотариуса при составлении завещания не требуется вообще. Вызывает интерес то обстоятельство, что в американском праве право распоряжаться своим имуществом на случай смерти посредством завещания никогда не признавалось естественным правом человека. Завещательное право, за незначительными исключениями, всегда было подконтрольно государству, которое обладало правом ограничить или запретить его. Законодательство США в области наследования различается в зависимости от штата, но в вопросе порядка составления завещания имеет в своей основе английские Закон о завещаниях 1837 г. и Закон об обмане 1677 г.

В американском праве действительность завещания требует соблюдения следующих формальностей: подписание завещания наследодателем или другим лицом, действующим в его присутствии по его указанию; подпись наследодателя должна быть поставлена именно в конце завещания, в присутствии заверяющих свидетелей; завещатель должен огласить завещание свидетелям; подписи свидетелей должны быть поставлены в присутствии самого завещателя; процедура составления завещания должна завершиться в течение тридцати дней. При этом ни в одном из штатов не требуется соблюдение всех перечисленных формальностей.

Роль нотариуса при составлении завещания заключается в том, что в некоторых штатах действуют законодательные нормы о, так называемом, самодоказывающем аффидевите. Суть этого правила заключается в том, что наследодатель составляет завещание в обычном порядке, в простой письменной форме, в присутствии свидетелей, после чего завещатель и свидетели подписывают заверяемый нотариусом клятвенный аффидевит, в котором излагаются все элементы надлежащего составления завещания, и он служит заменой личным свидетельским показаниям при последующем утверждении завещания в суде [11].

Таким образом, следует отметить, что в законодательстве большинства из рассматриваемых далее стран завещания подразделяются на публичные и частные. Приоритет, как правило, отдается публичным завещаниям. Вместе с тем при совершении публичного завещания присутствие нотариуса требуется не во всех случаях, что, полагаем, продиктовано необходимостью последующего утверждения завещания в суде.

*Вывод.* Анализ норм о формах завещания в Республике Беларусь и зарубежных государствах позволяет сделать следующие выводы: форма завещания должна обеспечивать подлинность воли наследодателя, гарантировать доведение смысла его распоряжений до правопреемников без искажений.

Практика наследования в зарубежных государствах породила много видов завещаний. Это завещания, составленные в чрезвычайных обстоятельствах, условные завещания, завещательные распоряжения на наследование денежных средств в банках, общие завещания супругов и договоры о наследовании. Для ряда зарубежных государств сохранение обязательности нотариального удостоверения не предполагается необходимым и создает ограничения прав граждан по распоряжению имуществом на случай смерти, поскольку подлинность завещания может быть обеспечена и другими путями.

В Республике Беларусь законодательно закреплена для обеспечения подлинность воли наследодателя является нотариально удостоверенная форма завещания. Однако, до сих пор остаются неразработанными такие виды, как: завещание, составленное в чрезвычайных ситуациях; общие завещания супругов; договоры о наследовании, что существенно усложняет возможность распоряжения имуществом на случай смерти для граждан нашего государства.

### Список использованных источников

1 Кавелин, К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. – М., 2003. – С. 648.

2 Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 01.01.2016. – Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – № 26. – 2/744.

3 Гражданское уложение Германии: Пер. с нем. / Науч. ред. А. Л. Маковский. – М., 2004. – С. 548–549, 553.

4 Проект Федерального закона N 801269-6 // Консультант плюс – некоммерческая интернет-версия [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=801269-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=801269-6). – Дата доступа: 15.03.2016.

5 Смирнов С. В. Актуальные вопросы совершенствования наследственного права // Нотариальный вестник. – 2015. – № 11. – С. 15.

6 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (в редакции от 09.03.2016) // Консультант плюс - некоммерческая интернет-версия [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW>. – Дата доступа: 15.03.2016.

7 Блинков О. Е. Развитие наследственного права в бывших республиках СССР // Нотариус. – 2004. – N 2. – С. 44.

8 Французский гражданский кодекс / Науч. ред. Д. Г. Лавров; Пер. с франц. А. А. Жуковой, Г. А. Пашковской. – СПб., 2004. – С. 602 – 605.

9 Гражданское законодательство Израиля / Науч. ред. Н. Э. Лившиц. СПб., 2003. – С. 456.

10 Гражданский кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. Н. Э. Лившиц. – СПб., 2001. – С. 168 - 169.

11 Паничкин В. Б., Боровик О. Ю. Наследственное право США. – СПб., 2006. – С. 302.

*С. С. Касьянчик*

*УО «Академия МВД Республики Беларусь»*

## **О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СЛУЖБОЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассматривается проблема обеспечения комплексности правового регулирования ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел Республики Беларусь. На основе исследования современной системы таких ограничений и характерных для них признаков дается авторская формулировка определения понятия «правовые ограничения как элемент административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел» и предлагаются возможные направления совершенствования действующего законодательства о службе в органах внутренних дел Республики Беларусь.

The article discusses the problem of the complexity of regulatory restrictions relating to the service in law-enforcement bodies of the Republic of Belarus. Based on the study of the modern system of limits and their characteristic features is given by the author's formulation of the definition of "legal restrictions as part of the administrative and legal status of the police officers" and suggests possible ways of improving the current legislation on service in law enforcement bodies of the Republic of Belarus.

В регулировании правового статуса сотрудника органов внутренних дел очевидна неоправданность абсолютного предпочтения как принципу «разрешено все, что не запрещено», свойственному дозвольтельному способу правового регулирования, так и принципу «запрещено все, что не разрешено», характеризующему запретительный способ правового регулирования.

Необходимый баланс в разрешении приведенной ситуации может быть достигнут не иначе, как посредством качественного закрепления всего объема обязанностей и прав сотрудника ОВД и четкого установления пределов реализации посредством их системной фиксации в правовых ограничениях.

Исследование института правовых ограничений как правовой характеристики административно-правового статуса сотрудника ОВД позволяет сформулировать основные признаки таких правоограничений, которые могут быть положены в основу определения понятия «правовые ограничения» как разновидности статусообразующих правовых средств:

Во-первых, ограничение прав является допустимым и оправданным лишь тогда, когда его применение вызвано необходимостью обеспечения интересов личности, общества и государства.

Во-вторых, такие ограничения всегда направлены на сдерживание противоправного поведения субъекта деятельности, а равно обеспечение прав и законных интересов объекта такого воздействия.

В-третьих, фиксируя нежелательное, и даже недопустимое поведение субъекта государственно-служебной деятельности, ограничения выражают собой отрицательную правовую мотивацию и указывают на уменьшение объема возможностей субъекта деятельности, а равно предполагают и снижение негативной активности [1, с. 100].

В-четвертых, всякое правовое ограничение допускается лишь как временная мера (хотя в статусном законодательстве она и обладает относительным постоянством), а потому не может признаваться отменой права.

В-пятых, несоблюдение сотрудником ОВД правовых ограничений чревато возможностью применения к нему мер ответственности.

В-шестых, ограничение любого права возможно лишь в пределах, достаточных для достижения целей урегулирования соответствующих правоотношений, и, как отмечал известный юрист В. И. Гойман, «...возможно до тех пределов, при которых оно не вступает в противоречие с истинным назначением самого права» [2, с. 26].

В-седьмых, лишь такие ограничения являются правовыми (легальными), которые обличены в соответствующую правовую форму и допустимы на уровне закона.

В-восьмых, в системе правовых ограничений, связанных со службой в ОВД, наряду с ограничениями в узком смысле (т.н. «ограничения-приостановления» и «ограничения-лимиты»), следует выделять правовые запреты. Данный вывод соотносится с положениями таких нормативных правовых актов, как Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (ст. 22), Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З «О государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» (ст. 20), Закон Республики Беларусь от 13 июля 2013 г. № 403-З «О следственном комитете Республики Беларусь» (ст. 16), Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (ст. 17-19) и некоторыми иными.

Обобщая немногочисленные исследования системы ограничений прав сотрудников ОВД, следует заметить, что все закрепленные в статусных нормативных правовых актах правовые ограничения, характеризующие статус сотрудника ОВД, следует подразделять на

ограничения, связанные с особенностями организации и прохождения службы в ОВД («ограничения по службе»), и ограничения, обуславливающие формирование компетенции сотрудника ОВД.

Объектом воздействия первой группы правовых ограничений выступают правоотношения, возникающие в связи с поступлением лица на службу в ОВД и определяющие его организационно-правовое положение. В зависимости от момента применения таких ограничений они условно подразделяются на предстатусные, статусные и постстатусные.

Объектом воздействия второй группы правовых ограничений выступают общественные отношения по формированию и реализации системы полномочий как элемента правовой характеристики административно-правового статуса сотрудника ОВД, представляющего собой системное единство служебных обязанностей и прав сотрудника ОВД, обусловленное функциональным построением системы ОВД и обеспечивающее реализацию их функций.

На основе приведенных специфических признаков исследуемого явления и характеристики образующих его компонентов представляется возможным сформулировать определение понятия «правовые ограничения как характеристика правового статуса сотрудника ОВД». Под ними следует понимать систему средств правового сдерживания сотрудников ОВД от совершения ими действий, препятствующих эффективному функционированию ОВД путем законодательного установления допустимых пределов реализации статутных прав сотрудника, соблюдение которых обеспечивается системой мер ответственности.

Важнейшим способом обнаружения существенных качеств подразделений системы, от которых зависят другие, производные от них признаки каждого из элементов подразделения, выступает классификация [3, с. 60]. В практической плоскости именно ей отведена ключевая роль в построении научного и правового материала.

Изучение специальной литературы позволяет говорить о существовании множества критериев классификации как запретов, так и ограничений в целом [4, с. 91-98; 5, с. 284]. Вместе с тем, критерии классификации ограничений государственных служащих (в частности, сотрудников ОВД) авторами предлагались на основе российской системы государственной службы, а потому неприменимы к белорусской системе статусных характеристик сотрудника ОВД.

Соответствующей белорусской системе государственной службы классификацией, адекватно отражающей единство пределов ее правового регулирования, является классификация, предложенная О. И. Чуприс. В соответствии с этой классификацией государственную службу образуют такие ее виды, как политико-административная, служба

представительных органов, аппаратная, прокурорская, судебская, военная и военизированная (включающая службу в ОВД на должностях рядового и начальствующего состава) [6, с. 72].

Исследование правовых основ государственной службы в Республике Беларусь позволяет утверждать, что базовыми статусными характеристиками обладают служащие ее аппаратной разновидности. Перечень ограничений прав такой категории государственных служащих приводится в ст. 22 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь». Как показывает анализ, несмотря на нераспространение норм этого закона на военизированные виды государственной службы, такие ограничения являются базовыми, обязательными для служащих всех ее разновидностей.

Логика решения указанного вопроса приводит к выводу, что объем ограничений как характеристики правового статуса служащего аппаратной государственной службы может служить отправным началом в характеристике статусных ограничений прав сотрудников ОВД.

Это позволяет нам полностью поддержать научно обоснованные выводы О.И. Чуприс о необходимости комплексного правового урегулирования государственной службы в Республике Беларусь. Предлагая выделять военизированную службу (в т.ч. службу в ОВД) в системе государственной службы, она обосновала наличие общих системных признаков службы в ОВД с иными разновидностями государственной службы Республики Беларусь [6, с. 223].

Комплексное урегулирование государственной службы, основанное на понимании ее как деятельности по реализации государственной власти, характеризующейся неразрывной связью государственно-служащего с государством и их двойной корреляционной связью, позволяет говорить о необходимости обеспечения общего подхода к установлению базовых ограничений, связанных с прохождением государственной службы в целом.

Полагаем, установление ограничений в системе государственной службы должно следовать из того, каким правовым режимом характеризуется конкретный вид государственной службы. При этом очевидно, что минимальными должны быть ограничения прав государственных гражданских служащих, а более значительный перечень ограничений должен характеризовать правовой статус госслужащих, наделенных правом принуждения. В этой связи полагаем считать оправданным распространение на сотрудника ОВД всех ограничений, рассчитанных на общую категорию государственных служащих и изложенных в ст. 22 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь».

Ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» наделяет сотрудников ОВД правовым статусом государственного должностного лица. В ст. 17 закрепляются ограничения, устанавливаемые для такой категории лиц.

Анализ приводимой указанной статьей системы ограничений позволяет говорить о том, что отдельные их положения отчасти имеют значительное сходство (идентичны) с ограничениями прав государственных служащих. Вместе с тем, специфичность правового статуса государственного должностного лица, а также цели применения Закона о коррупции позволили законодателю сформулировать такие дополнительные ограничения прав государственных должностных лиц, как:

запрет на совершение от имени государственных организаций определенных сделок;

запрет осуществлять поездки за счет физических и (или) юридических лиц, отношения с которыми входят в вопросы служебной (трудовой) деятельности государственного должностного лица, за исключением случаев, прямо определенных законодательством;

запрет на членство в политической партии, если в соответствии с законодательством не установлено иное;

запрет на выполнение иной оплачиваемой работы, не связанной с исполнением служебных (трудовых) обязанностей по месту основной службы (работы), за исключением прямо предусмотренных законодательством.

Следовательно, ограничения, связанные с наделением сотрудника ОВД статусными характеристиками государственного должностного лица, можно рассматривать в качестве второй группы ограничений, характеризующих административно-правовой статус сотрудника ОВД.

Специфика служебной деятельности ОВД, их роль и функциональное предназначение повышают степень законодательных притязаний к служебному поведению сотрудников ОВД. Это служит основой для выделения блока ограничений, отражающих специфические особенности государственно-служебной деятельности в ОВД, а значит, по своей природе являющихся квалифицирующими, специальными.

Сравнительный анализ норм Закона «Об ОВД», Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» и Закона «О борьбе с коррупцией в Республике Беларусь» позволяет утверждать, что положения основного статусного нормативного правового акта о службе в ОВД на данный момент времени полностью дублируют положения двух других названных актов.

Запреты, предусмотренные ч.ч. 3 и 4 ст. 32 Закона «Об ОВД», вытекают не столько из функционального предназначения ОВД, сколько

из статусов государственного служащего и государственного должностного лица, которыми наделяется каждый сотрудник ОВД, а потому фактически дублируют положения ч. 2 ст. 17 Закона «О борьбе с коррупцией в Республике Беларусь» и п. 1.13 ст. 22 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь».

Учитывая известную иерархичность правовых статусов государственного служащего, должностного лица государственного органа и сотрудника ОВД, полагаем признать дублирование в приведенных нормативных правовых актах названных ограничений не оправданным. При этом вне правового поля остаются служебно-правовые ограничения, наличие которых предполагается особенностями государственно-служебных отношений в ОВД. Таковыми, к примеру, являются ограничения в праве на принятие участия в забастовке и на принятие государственных наград иностранных государств без согласия Президента Республики Беларусь, предусмотренных Законом «О государственной службе в Республике Беларусь». В качестве специальных ограничений может быть предложена обязанность сотрудников ОВД проявлять в публичных высказываниях и суждениях лояльность и сдержанность по отношению к государству, государственным органам и должностным лицам. Возможность введения такого ограничения вытекает из Постановлений Европейского суда по правам человека от 26.09.1995 по делу «Фогт против Германии», Постановления Европейского суда по правам человека от 02.09.1998 по делу «Ахмед и другие против Соединенного Королевства» и от 14.03.2002 по делу «Де Диего Нафриа против Испании».

Четвертая группа действующих в системе элементов правового статуса сотрудника ОВД правоограничений обусловлена особенностями функциональных обязанностей отдельных категорий сотрудников ОВД. Выделение общей, специальных и обеспечивающей групп функций ОВД позволяет говорить о том, что объем и характер выполняемых сотрудником функциональных обязанностей требует дифференцированного подхода к установлению применяемых в отношении него правоограничений, а также изъятий из них. В системе современных правоотношений примером таких ограничений прав сотрудников ОВД может служить запрет на проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) сотрудниками обеспечивающего функционального звена системы ОВД, а равно всех служб и подразделений, не наделенных правом проведения оперативно-розыскных мероприятий. Равным образом следует признать, что основанные на законодательстве о государственной службе и борьбе с коррупцией ограничения прав сотрудников ОВД должны содержать изъятия из

условий их применения и реализации мер ответственности, предусмотренных за их нарушение. На необходимость в таких изъятиях указывает специфичность форм и методов оперативно-розыскной деятельности, прежде всего, обусловленная применением негласных методов работы, соблюдением режима конспирации.

Наличие в системе ОВД относительно самостоятельных функциональных звеньев, служебная деятельность в составе которых предполагает специализацию их сотрудников на решении определенного рода задач, позволяет говорить о возможности предъявления к их отдельным категориям дополнительных ограничений, дифференциацию последних в зависимости от характера и объема предоставленных сотрудникам того или иного функционального звена (подразделения) полномочий.

Возможность ограничения прав сотрудников отдельных функциональных звеньев системы ОВД (милиция, полиция) предусмотрена Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (ст. 8), Конвенциями Международной организации труда N 87 и N 111.

Отмеченные особенности организации правового статуса сотрудника ОВД позволяют систему применяемых к нему ограничений представить в следующем виде:

- 1) ограничения, обусловленные прохождением государственной службы и статусом государственного служащего;
- 2) ограничения, связанные с реализацией полномочий государственного должностного лица;
- 3) ограничения, обусловленные реализацией функций всей системы ОВД и образующие общий правовой статус сотрудника ОВД;
- 4) ограничения, обусловленные реализацией отдельных функциональных направлений деятельности ОВД.

Необходимость учета вышестоящих уровней ограничений при формировании каждого из нижеследующих уровней позволяют предложить систематизацию всех применяемых к сотрудникам ОВД правоограничений на основе внесения изменений в действующую редакцию ст. 32 Закона «Об ОВД» («Прохождение службы сотрудниками ОВД»), исключив из нее ч.ч. 2-4, и дополнив ее фразой:

«На сотрудника органов внутренних дел распространяются ограничения, установленные ст.ст. 17-20 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» и ст. 22 **Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь»**, за исключением ограничений, препятствующих осуществлению сотрудником органов внутренних

дел оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на условиях и порядке, установленных законодательством Республики Беларусь об оперативно-розыскной деятельности».

### Список использованных источников

1. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект. Дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Малько. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 1995. – 362 с. – С. 100.
2. Морозова, Л. А. Принципы, пределы основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву. «Круглый стол» журнала «Государство и право» / Л. А. Морозова // Государство и право. 1998. № 7. – С. 20–42. – С. 26.
3. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О. Э. Лейст. – Москва : Изд-во МГУ, 1981. – 239 с. – С. 60.
4. Ищук, И. Н. Ограничения в праве. Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.Н. Ищук. – Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2006. – 165 л. – С. 91–98.
5. Костенников, М. В. Актуальные проблемы науки административного права / М.В. Костенников, А.В. Куракин. Под ред. Н.А. Овчинникова: Научные школы Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. Т. 2. Москва : Маросейка, 2011. – 576 с. – С. 284.
6. Чуприс, О. И. Теоретические проблемы правового регулирования государственной службы Республики Беларусь : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / О. И. Чуприс. – Минск, 2010. – 368 л.

УДК 338.43027

***С. П. Кацубо***

*канд. юрид. наук, доц.*

*УО «ГГТУ им. П. О. Сухого»*

## **О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

В статье на основе анализа законодательства рассматриваются меры государственной поддержки субъектов сельскохозяйственной деятельности в Республике Беларусь, акцентируется внимание на некоторых аспектах механизма реализации мер государственной поддержки в рамках интеграционных процессов, сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования содействия в деятельности указанных субъектов хозяйствования.

The article considers the measures of state support of agricultural economic entities in the Republic of Belarus on the legislation analysis basis. The article also points out some aspects of mechanism of implementing the measures of state support within the integration processes framework. Proposals have been made to improve legal regulation of promotion in the activities of mentioned economic entities.

Проблемы развития сельского хозяйства являются приоритетными в государственной политике Республики Беларусь, и их решение приобретает особую актуальность в свете современных интеграционных процессов. Мировой опыт свидетельствует о том, что осуществление сельскохозяйственного производства без государственной поддержки затруднительно, а в большинстве случаев и невозможно. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года среди важнейших направлений развития в области сельского хозяйства указывает на необходимость государственной поддержки деятельности субъектов хозяйствования в сфере производства и переработки сельскохозяйственной продукции [1]. Необходимым условием развития сельского хозяйства и решения вопросов обеспечения продовольственной безопасности страны является совершенствование аграрного законодательства. Происходящие в последнее время процессы совершенствования аграрного законодательства внесли существенные изменения в содержание государственной поддержки сельского хозяйства путем закрепления в нём многообразных направлений такой поддержки.

По существу государственная поддержка сельского хозяйства представляет собой законодательно закреплённый сложный механизм, включающий меры воздействия на доходы сельскохозяйственных товаропроизводителей, структуру и размеры сельскохозяйственного производства, агропродовольственный рынок, социальную инфраструктуру села посредством выделения на эти цели из бюджетов различных уровней финансовых средств [2, с.129].

Особую актуальность тема государственной поддержки сельского хозяйства приобретает в связи со вступлением России во Всемирную торговую организацию и Евразийскими интеграционными процессами. Правила ВТО требуют обязательного сокращения определенных мер государственной поддержки сельского хозяйства (прямое субсидирование отраслей сельского хозяйства, списание задолженностей, некоторые виды компенсаций и др.). Между тем в запасе у государств остается довольно широкий спектр прочих мер поддержки сельского хозяйства, наиболее эффективным способом повышающих уровень жизни сельских жителей и в целом сельскохозяйственное производство. В частности, к ним относятся возмещение расходов на повышение

плодородия почв, на борьбу с болезнями животных и вредителями растений, поддержка племенного дела и элитного семеноводства и др. Это позволяет субсидировать стратегические направления развития сельского хозяйства.

Вступление России в ВТО и создание Евразийского экономического союза обязывает, прежде всего, Беларусь и Казахстан ориентироваться на международный опыт формирования аграрного законодательства. Евразийские интеграционные процессы объективно отражают закономерность усиления взаимосвязи, сотрудничества государств во всех основных сферах жизнедеятельности, в особенности, в экономической и правовой. Евразийский экономический союз ставит основные цели интеграции: «создание условий для стабильного развития экономик государств – членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики» [3].

Учитывая необходимость сотрудничества государств в стиле глобального и (или) регионального партнерства, особый интерес представляет проводимая аграрная политика стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В настоящее время в Евразийском экономическом союзе разработан ряд нормативных правовых документов в области развития сельского хозяйства и АПК, наиболее значимыми из которых являются Концепция согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства, Соглашение о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства и др.

Статья 94 Договора о Евразийском экономическом союзе закрепляет цели и задачи согласованной (скоординированной) агропромышленной политики. Основной целью согласованной (скоординированной) агропромышленной политики является эффективная реализация ресурсного потенциала государств-членов для оптимизации объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворения потребностей общего аграрного рынка, а также наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия [3].

Приоритетными направлениями развития АПК, финансирование которых с учетом международной практики в соответствии с принципами Всемирной торговой организации и условиями Соглашения о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства в рамках Единого экономического пространства Республики Беларусь,

Республики Казахстан и Российской Федерации будет осуществлять государство, станут: научные исследования; распространение научной и маркетинговой информации, консультативные услуги; общая и специальная подготовка кадров; мероприятия по закреплению кадров на селе; поддержка семеноводства и племенного дела в животноводстве; услуги по маркетингу сельскохозяйственных товаров; борьба с вредителями и болезнями; создание общей инфраструктуры сельской местности и сельского хозяйства; разработка и внедрение информационных систем, получение государственных информационных услуг и формирование информационных ресурсов для АПК; финансовое участие государственных органов в программах страхования урожая, поголовья сельскохозяйственных животных и доходов, получаемых от сельского хозяйства; помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф техногенного характера, а также выплаты в связи с осуществлением мероприятий по предупреждению или смягчению потерь; закупка и хранение сельскохозяйственных товаров с привлечением бюджетных средств для создания государственных резервов, необходимых для обеспечения продовольственной безопасности и других государственных нужд; развитие сети мелиоративных сооружений и их эксплуатация.

В целях сохранения и рационального использования земельных и водных ресурсов планируется обеспечить дальнейшее развитие системы наблюдений за состоянием земель (почв) и вод, источниками их загрязнения; реализацию мер по борьбе с деградацией и химическим загрязнением почв, переход к более совершенным технологиям обработки почв; расширение объемов использования экологически безопасных механизмов защиты растений, основанных на широком использовании агротехнических и биологических методов защиты, создании полезащитных лесных полос; разработку и внедрение в сельскохозяйственное производство безотходных и малоотходных технологий; принятие комплекса мер по недопущению сброса в канализацию и открытые водоемы отходов производства и переработки сельскохозяйственной продукции и др.

Одновременно поставлена задача создания условий для деятельности малых форм хозяйствования на земле – личных подсобных хозяйств граждан и крестьянских (фермерских) хозяйств. Для решения этой задачи предусматривается: упрощенное ведение бухгалтерского учета, статистической и налоговой отчетности; предоставление гражданам, осуществляющим ведение личных подсобных хозяйств, льготных кредитов для производства сельскохозяйственной продукции; поддержка ведения личных подсобных хозяйств граждан, осуществляющих производство

товарной продукции сельского хозяйства; создание благоприятных условий для развития малого бизнеса и индивидуального предпринимательства, стимулирование и расширение деловой и предпринимательской инициативы граждан.

Республика Беларусь, являясь участником международных Соглашений, принимая на себя обязательства, одним из принципов государственной аграрной политики, закрепляет важнейший принцип последовательности мер государственной поддержки агропромышленного комплекса. Указом Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347 «О государственной аграрной политике» обозначены меры государственной поддержки, которые реализуются государством в данной сфере. Так, прямые меры государственной поддержки реализуются посредством финансирования за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов как общегосударственных мероприятий, так и непосредственно субъектов, осуществляющих деятельность в области агропромышленного производства. Среди общегосударственных мероприятий указаны: осуществление обязательного страхования с государственной поддержкой урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы; проведение закупочных и товарных интервенций на рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; сохранение, рациональное использование хозяйственного потенциала сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения, включая мелиорированные земли, в том числе путем строительства, эксплуатации (обслуживания) мелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений; поддержка производства сельскохозяйственной продукции в неблагоприятных для такого производства районах, в том числе преодоление последствий радиоактивного загрязнения земель; информационное и маркетинговое обеспечение субъектов, осуществляющих деятельность в области агропромышленного производства, оказание им консультационных услуг; развитие социальной инфраструктуры сельских территорий; иные мероприятия [4].

Широкое толкование понятию государственной поддержки сельского хозяйства придавал М. И. Козырь, отмечая, что «меры государственной поддержки представляют собой сложный экономико-правовой механизм регулирования общественных отношений, посредством которого сельскохозяйственным товаропроизводителям оказывается необходимая для ведения предпринимательской деятельности различная материальная, финансовая и консультативная помощь и поддержка со стороны государства» [5, с. 103].

Следует отметить, что включение в понятие государственной поддержки сельского хозяйства финансирования за счет бюджетных

средств различных мероприятий по развитию сельской инфраструктуры (газификация сел, водоснабжение, телефонная связь, подготовка кадров и т.п.) вполне обосновано, так как без социального обустройства сельских территорий невозможно повышение качества и уровня жизни на селе и эффективное развитие сельского хозяйства.

Оказание государственной поддержки непосредственно субъектам, осуществляющим деятельность в области агропромышленного производства, производится путем: субсидирования деятельности, включая предоставление прямых выплат, производимых на единицу реализованной (произведенной) и (или) направленной в обработку (переработку) сельскохозяйственной продукции либо на единицу площади земельного участка, голову скота; компенсации потерь сельскохозяйственных товаропроизводителей при установлении диспаритета цен на промышленную продукцию, работы (услуги), используемые сельскохозяйственными товаропроизводителями, и цен на сельскохозяйственную продукцию при условии, что полное или частичное удешевление (компенсация) стоимости сырья, продукции, работ (услуг) и меры регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию не позволили поддержать паритет указанных цен; оказания индивидуальной государственной поддержки в соответствии с законодательством [4].

Косвенные меры государственной поддержки включают: применение льготного (особого) режима налогообложения в сельском хозяйстве в соответствии с законодательством; реструктуризацию (предоставление отсрочек (рассрочек) в соответствии с законодательством задолженности перед банками, поставщиками товаров (работ, услуг) и бюджетом; осуществление закупки и переработки сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд и иные меры [4].

Одним из направлений государственной поддержки субъектов сельскохозяйственной деятельности выступает материально-техническое обеспечение их деятельности. Государственная поддержка в данной сфере осуществляется путем передачи сельскохозяйственных машин и оборудования на условиях долгосрочной аренды (лизинга), а также предоставление долгосрочных кредитов на закупку тракторов, сельскохозяйственных машин и оборудования отечественного производства.

Государственная поддержка осуществляется также посредством оказания им помощи в сфере мелиорации земель и известкования почв. Так, статья 16 Закона «О мелиорации земель» устанавливает перечень мероприятий по мелиорации земель, финансирование которых

осуществляется за счет средств республиканского бюджета, государственных внебюджетных фондов [6]. Существенная помощь оказывается в области семеноводства и защиты растений [см.: 7, ст. 25].

Важная гарантия деятельности сельскохозяйственных организаций предусмотрена Законом «О ветеринарной деятельности», согласно статье 40 которого финансирование государственных и региональных программ в области ветеринарной деятельности, ветеринарных мероприятий по предупреждению возникновения и ликвидации очагов заразных болезней животных, предусмотренных перечнем заразных болезней животных, при которых устанавливается карантин, а также лечение животных в случае угрозы их жизни государственной ветеринарной службой осуществляются за счет средств республиканского и местных бюджетов [8].

[consultantplus://offline/ref=31338280E4B04AB0FF971B1975D1A9CCD7B9BDA0DD9CCCA4F608B7CC0ACF101746Z030K](http://consultantplus://offline/ref=31338280E4B04AB0FF971B1975D1A9CCD7B9BDA0DD9CCCA4F608B7CC0ACF101746Z030K) Бюджетное финансирование государственных программ в области племенного дела предусмотрено Законом Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. «О племенном деле в животноводстве» [см.: 9, ст. 40]. Производителям сельскохозяйственной продукции государственная поддержка оказывается и в иных сферах [10, 11].

Существенные преференции предусмотрены также для сельскохозяйственных организаций в области налогообложения и кредитования.

Значительные мероприятия были проведены по реализации положений Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы [12]. Мероприятия Государственной программы устойчивого развития села на 2011–2015 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 1 августа 2011 г. № 342 также были направлены на совершенствование механизма государственной поддержки сельского хозяйства, на создание благоприятных условий для устойчивого и эффективного ведения сельскохозяйственного производства в различных условиях всеми субъектами, повышение отдачи от вложенных средств за счет усиления взаимосвязи между объемами бюджетных ресурсов, направляемых конкретным субъектам, и показателями производства сельскохозяйственной продукции [14].

Важно отметить, что субъектам сельскохозяйственной деятельности оказывается государственная поддержка также в рамках государственной политики в области малого и среднего предпринимательства [13, 15]. Так, Программа государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь на 2013–2015 годы с целью создания благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности, стимулирования ее развития по приоритет-

ным направлениям в регионах, оказания содействия вновь созданным субъектам малого и среднего предпринимательства, оказание государственной финансовой поддержки субъектам малого предпринимательства предусматривает предоставление финансовых средств на возвратной возмездной или безвозмездной основе, субсидий для возмещения части процентов за пользование банковскими кредитами, расходов на выплату лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга), части расходов, связанных с участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях либо с их организацией, а также предоставление банками льготных кредитов, в том числе микрокредитов, за счет средств местных бюджетов, предусмотренных программами государственной поддержки малого предпринимательства, актуализацию сведений о неиспользуемых или неэффективно используемых капитальных строениях (зданиях, сооружениях), производственных площадях, незавершенных законсервированных капитальных строениях, находящихся в государственной собственности, относящихся к основным средствам, предназначенных для продажи и сдачи в аренду [16].

Таким образом, на основе проведенного анализа норм, закрепляющих комплекс мер государственной поддержки субъектов сельскохозяйственной деятельности и регламентирующих механизм из реализации, приходим к следующим выводам:

1. В Республике Беларусь последовательно и системно реализуется государственная политика оказания поддержки субъектам сельскохозяйственной деятельности.

2. На законодательном уровне определены и конкретизируются достаточное количество мероприятий по оказанию действенной государственной поддержки субъектам сельского хозяйства, не противоречащих требованиям ВТО.

3. Оказание поддержки направлено на создание должных условий функционирования и развития сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем, видится, что для повышения эффективности деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей целесообразно:

1. формировать позитивный имидж работника сельского хозяйства и сельскохозяйственной деятельности, направляя усилия по рекламированию и пропаганде успешного опыта ведения сельского хозяйства;

2. поддерживать и оказывать содействие в таком направлении как агроэкотуризм и предпринимательство в сельской местности, используя потенциал и инициативу сельских жителей, фермерских хозяйств и иных сельскохозяйственных организаций;

3. расширить сферу образования и просвещения в области земель-

ного, хозяйственного и аграрного права при подготовке специалистов для сельского хозяйства;

4. разработать правовые нормы по развитию потребительских (обслуживающих) сельскохозяйственных кооперативов, которые могли бы способствовать решению многих проблем субъектов сельскохозяйственной деятельности, минимизируя расходы бюджетных средств.

### **Список использованных источников**

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 4 (214). – 98 с.

2. Козырь, М. И. Государственная поддержка сельского хозяйства. Специфика государственной поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств // Предпринимательская деятельность в сельском хозяйстве России. Правовые вопросы. – М.: ИГП РАН, 1998. – 168 с.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе: Договор от 29 мая 2014 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 24.10.2014, 3/3050.

4. О государственной аграрной политике: Указ Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 22.07.2014, 1/15160.

5. Козырь, М. И. Государственное регулирование сельского хозяйства / Аграрная реформа в Российской Федерации: правовые проблемы и решения. – М.: ИГП РАН, 1998.

6. О мелиорации земель: Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1520.

7. О семеноводстве: Закон Республики Беларусь от 2 мая 2013 года // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 08.05.2013, 2/2018

8. О ветеринарной деятельности: Закон Республики Беларусь от 2 июля 2010г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 170. – 2/1713.

9. О племенном деле в животноводстве: Закон Республики Беларусь от 20 мая 2013г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 22.05.2013, 2/2022.

10. О кредитовании закупки тракторов, сельскохозяйственных машин и оборудования отечественного производства: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 13 ноября 2002 г., № 1563 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 128. – 5/11453; 2003. – № 55. – 5/12432; 2004. – № 173. – 5/15067; 2005. – № 52. – 5/15742.

11. О предоставлении банками кредитов организациям, имеющим животноводческие комплексы, молочнотоварные фермы, тепличные ком-

плексы по выращиванию овощей закрытого грунта, и птицеводческим организациям: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 14 мая 2004 г., № 565 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 77. – 5/14249; 2004. – № 156. – 5/14934.

12. О Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 25 марта 2005 г. № 150 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 52. – 1/6339.

13. О поддержке малого и среднего предпринимательства: Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 года // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 170. – 2/1703.

14. О Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 1 августа 2011 г. № 342 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 88. – 1/12739.

15. О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства: Указ Президента Республики Беларусь от 21 мая 2009 г. № 255с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 131. – 1/10713; 2011. – № 67. – 1/12598; 2012 г., № 29, 1/13374; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 06.02.2013, 1/14055; 22.05.2013, 1/14274; 14.08.2013, 1/14444; 20.03.2014, 1/14892; 17.01.2016, 1/16230.

16. Программ государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь на 2013–2015 годы: утв. Постановлением Совет Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2012 г. № 1242 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 09.01.2013, 5/36745.

УДК 342.529

***И. Н. Кирякова***

*канд. юрид. наук, доц.*

*Полоцкий государственный университет*

## **ТЕОРИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Большинство стран является правовыми государствами. В правовом государстве утверждается принцип разделения властей. Данный признак государства определяет, с одной стороны, верховенство законодательной власти, а с другой – подзаконность исполнительной и судебной власти [7, с. 12–13]. Однако в различных государствах данный принцип имеет свои особенности.

Most countries have a legal state. In a state of law affirms the principle of separation of powers. This feature of the state determines, on the one hand, the supremacy of the leg-

islature, and the other – under the law of the executive and the judiciary [7, p. 10–14]. However, in different countries, this principle has its own characteristics.

**Введение.** В настоящее время среди большого количества работ, посвященных исходным положениям, истокам, роли в государственно-правовом механизме различных стран теории разделения властей, встречаются работы, содержащие противоречивые толкования данной концепции. Можно выделить следующие причины, обосновывающие данное обстоятельство:

- 1) различные истоки и учения, положенные в основу теории разделения властей каждым автором;
- 2) место и роль указанной концепции в государственно-правовом механизме и практике, которая отводится в государстве;
- 3) различная интерпретация проблем соотношения общей теории разделения властей и «национальной» практики ее применения;
- 4) неодинаковое толкование вопросов, касающихся оптимального соотношения законодательной и исполнительной власти в данной теории.

**Основная часть.** Автором предлагается проанализировать каждую из выше перечисленных причин.

Что касается различия истоков и учений, положенных в основу теории разделения властей каждым автором, то в связи с этим можно выделить следующие подходы к толкованию теории разделения властей:

– сторонники преувеличения (абсолютизации) роли законодательной власти. В основу они берут учение Дж. Локка, согласно которому в государстве может быть всего одна верховная власть – законодательная, которой все остальные подчиняются;

– представители, которые не отрицают доминирующей роли и значения законодательной власти, но против ее абсолютизации. В основе лежат положения Ш. Монтескье о необходимости комбинировать власти, регулировать их, приводить их в действие так, чтобы одна могла уравновешивать другую;

– противники узурпации полномочий, как законодательной, так исполнительной ветвью власти. Они приверженцы убеждений Дж. Мэдисона, который доказывал, что узурпация все й власти со стороны законодательной, ведет к такой же тирании, как и узурпация правления исполнительной властью [2, с. 82].

Анализируя основные положения теории разделения властей под углом зрения их применения к современной действительности, ряд ученых-конституционалистов приходит к выводу, что в реальной жизни она нередко остается нечем иным, как «формальной теорией», а практика ее применения зачастую носит если не откровенно нега-

тивный, то весьма противоречивый характер. Обосновывается это тем, что, с одной стороны, положение о том, что каждая ветвь власти должна осуществлять только свои исключительные полномочия исключает существование сходных и смешанных полномочий, что в свою очередь противоречит самой теории разделения властей и практике. С другой стороны, поскольку каждая ветвь власти стремится контролировать друг друга, поэтому трудно представить, что совершенный уровень разделения властей, при котором бы осуществлялось наиболее эффективное управление государством, может быть найден и реализован на практике, тем более длительное время сохранен [2, с. 83].

В настоящее время нет однозначного ответа на вопрос о соотношении общей теории разделения властей и «национальной» практики ее применения. Большинство авторов рассматривают разделение властей скорее, как конституционный принцип, а не общую теорию, а его практическое применение связывают с необходимостью перераспределения власти между различными ее ветвями. Поскольку же в современных государствах власть принадлежит народу, то следует вести речь не о разделении властей, а о разделении функций (компетенции) различных государственных органов. [2, с. 86]. Данное положение закреплено в конституциях большинства зарубежных стран. Например, в Конституции США, закрепляющей принадлежность всей власти народу, в то же время устанавливается фактическое ее распределение между различными ветвями власти. Следовательно, в настоящее время можно говорить о сформированности лишь универсальных положений, которые составляют основу теории разделения властей. К таким положениям можно отнести следующие: все ветви власти связаны между собой единым государственным механизмом, но и относительно самостоятельны; между ветвями власти существует некий баланс властей, действует система сдержек и противовесов и т. д.

Начиная анализ различного толкования вопросов, касающихся оптимального соотношения законодательной и исполнительной власти в теории разделения властей, следует отметить, что главными спорными моментами в данном вопросе являются следующие: 1. оптимальность соотношения законодательной и исполнительной властей; 2. пределы допустимости делегирования законодательной власти.

При решении первого вопроса в большинстве случаев принято считать, что законодательная власть принимает законы, а исполнительная власть их исполняет. Однако иногда предлагается считать, что акты исполнительной власти по юридической силе стоят над законами. Такой подход был характерен, например, для фашистской Германии, «демократической» России после расстрела парламента

3–4 октября 1933 года. По закону «О ликвидации бедственного положения народа и государства» от 23 марта 1933 года в фашистской Германии органам исполнительной власти предоставлялось право издавать акты, имеющие силу закона. Предусматривалось, что если закон, принимаемый правительством, расходился с формально действующей конституцией, то это было хуже для самой конституции. Согласно статье 2 закона, эти акты могли и не соответствовать конституции. Они после их формального утверждения вступали в силу на следующий день [5, с. 63–63].

В решении второго вопроса имеются три подхода. Представители первого подхода в практике делегирования законодательных полномочий видят причину нарушения баланса между законодательной и исполнительной ветвями государственной власти. Считается, что данный процесс разрушает принцип разделения властей. Поэтому некоторые правоведы высказываются о тенденции сокращения нормотворчества Главы государства. Например, А. С. Пиголкин и Т. В. Кашанина указывают на то, что с развитием общества должна повышаться точность и стабильность правового регулирования общественных отношений, которые обеспечиваются законом [4, с. 213].

Представители первого подхода утверждают, что делегирование законодательных полномочий является посягательством на законодательные полномочия парламентов, на их юридическое верховенство в системе разделения властей, ограничивает сферу действия парламентов, уменьшает их роль в государственном механизме. Идеал демократического правления состоит в том, что все законы должны приниматься избранным представительным органом. Передача парламентом полномочий издавать законы подрывает принцип разделения властей. Право издавать акты на основе такого законодательства усиливает исполнительную власть.

Представителями второго подхода приводятся аргументы в пользу признания института делегированного законодательства. В качестве примера благотворного воздействия процессов делегирования законодательных полномочий на экономику и общественно-политическую жизнь указывается на американский опыт «массивного делегирования законодательной власти от конгресса к исполнительной власти во главе с президентом Ф. Рузвельтом» в 30-е годы, в период Великой депрессии, а также на аналогичный опыт США в 70-х годах (президентство Р. Никсона) и отчасти 80-х гг. (президентство Р. Рейгана).

Отечественными правоведами приводятся многочисленные доводы в пользу расширения правотворческой деятельности Главы государства, обусловленное необходимостью в гибкости государственно-

го регулирования социально-экономических отношений, которая присуща только исполнительной ветви государственной власти. Л. А. Окуньков, ссылаясь на тезис ученых XX века Н. М. Коркунова, и В. М. Гессена о том, что юридическим основанием правового указа является не делегация законодательной власти, а природа правительственной деятельности, делает вывод: издание правовых норм – естественная функция Главы исполнительной власти – Президента [3, с. 62–64].

Оправданным считают нормотворческую деятельность исполнительной власти Г. А. Василевич [1, 83], Сильченко Н. В. [6, 216]

В большинстве случаев в поддержку правотворческой деятельности президента в полупрезидентской республике приводятся следующие аргументы. Первый аргумент заключается в утверждении того, что президентская власть тяготеет к исполнительной ветви государственной власти. Вторым аргументом указывается на особую роль Главы государства. А. М. Яковлев отмечает, что статус Главы государства как субъекта нормотворчества произведен от его титула Главы государства и гаранта Конституции. Третий аргумент подчеркивает особую роль Главы государства как государственного органа, который координирует деятельность всех ветвей государственной власти. Такое положение президента среди других государственных органов подтверждает необходимость и правомерность его нормотворчества, особенно в условиях полупрезидентской республики. Потенциал президента как субъекта правотворчества заложен в природе власти Главы государства, согласно которой, основной его функцией является осуществление посреднической деятельности между другими ветвями государственной власти. Эффективность такого посредничества должна быть подкреплена соответствующими полномочиями. Четвертый аргумент заключается в утверждении, что в основе полупрезидентской республики лежит концепция сильной власти. Наделение же президента существенными полномочиями предполагает наличие у него соответствующего инструмента для их реализации.

Согласно представителям второго подхода, активная нормотворческая деятельность «сильного» Главы государства согласуется с пониманием принципа разделения властей. Практика государственного строительства Республики Беларусь, Российской Федерации и других стран СНГ является отражением той роли, которую играет президент на современном этапе.

Представители третьего «промежуточного подхода» к делегированному законодательству, не отрицая важности процесса делегирования, считают, что для нейтрализации негативного воздействия на «разделение властей» необходимо ввести различные формы контроля за делегированными актами.

По мнению автора, решить проблему разграничения законодательной компетенции между исполнительной и законодательной ветвями государственной власти возможно с помощью отдельного специального закона, в котором определялся бы предмет нормотворческой компетенции данных ветвей власти.

При этом в данный акт целесообразно включить нормы коллизионного характера. Они будут указывать на выбор одного из конкурирующих актов, определять допустимый объем противоречий между актами, при превышении которого данные акты одновременно должны быть признаны юридически ничтожными. Таким образом, нормы коллизионного характера будут своеобразным гарантом законности при возможной коллизии актов исполнительной и законодательной ветвей власти.

Поскольку конституции многих зарубежных стран предусматривают возможность передачи законодательных полномочий исполнительной ветви власти, и такие акты включаются в понятие делегированного законодательства, то автор считает также, что эффективному функционированию данного института, с одной стороны, и сохранению законодательной роли парламента, с другой стороны, способствовало бы принятие специального нормативного акта, устанавливающего общие правила и принципы нормотворчества. Пока на практике процесс нормотворчества регулируется нормами регламентов.

**Заключение.** Таким образом можно констатировать сегодня с абсолютной уверенностью только тот факт, что существуют универсальные положения, составляющие основу теории разделения властей. То есть созданы фундамент и каркас данной концепции, которые можно рассматривать в качестве общего для всех ее разновидностей и вариантов, независимо от того, где, в какой стране она применяется и как интерпретируется. Основной целью осуществления на практике теории разделения властей является предотвращение узурпации всей государственной власти одним лицом или группой лиц и сохранении целостности государственного механизма и всего общества. Степень и особенности процесса реализации данной концепции в той или иной стране во многом зависит от таких конкретных факторов, как:

1) форма правления государства.

Например, Президентская республика США гораздо более тяготеет к разделению властей, нежели конституционная монархия в Бельгии, Великобритании и любой другой стране.

2) форма государственного устройства.

В федеративном государстве в отличие от унитарного значительное внимание уделяется не только разделению властей по «горизонтали» (между центральными органами государства), но и по «верти-

кали» (между Центром и субъектами федерации).

3) политический режим.

Современные демократические политические режимы, как правило, прокламируют принцип разделения властей и его придерживаются. Однако, если данный принцип не реализуется в полной мере, то можно говорить только о разделении властных функций, что присутствует и при тоталитарных, и при автократических режимах.

4) существующие исторические, национальные, политические традиции и практика.

Наряду с выше названными факторами существуют и иные как объективные, так и субъективные факторы, которые влияют на особенности реализации теории разделения властей в различных странах. И только глубокое их изучение позволит создать достаточно полное представление не только об основных положениях теории разделения властей, но и об особенностях национальной практики их применения. В свою очередь национальные особенности реализации теории разделения властей в той или иной стране обусловлены характером и уровнем развития ее государственного механизма, экономики и общества в целом. Эффективной же работе всех ветвей власти способствует четкая регламентация на законодательном уровне их компетенции и ответственности друг перед другом.

#### **Список использованных источников**

1. Василевич, Г. А. Ветви единого древа, или о некоторых конституционных основах сотрудничества властей / Г. А. Василевич // Белорусская думка. – 1996. – № 1. – С. 79–85.

2. Марченко, М. Н. Теория разделения властей и различные ее модификации на Западе / М. Н. Марченко // Журнал российского права – 1997. – № 4 – С. 81–91.

3. Окуньков, Л. А. Указы Президента РФ и проблемы их совершенствования / Л. А. Окуньков // Законодательство. – 2000. – № 12. – С. 59–67.

4. Пиголкин, А. С., Каштанина, Т. В. Об указах Президента Российской Федерации с социальных и правовых позиций. / А. С. Пиголкин // Журнал российского права. – 1998. – № 10. – С. 212–219.

5. Разделение властей: учебное пособие – 2-е издание, переработано и дополнено / Ответ. ред. проф. М. Н. Марченко. – М.: Издательство МГУ: Юрайт-Издат, 2004. – С. 60–66.

6. Сильченко, Н. В. О верховенстве закона в условиях разделения властей / Н. В. Сильченко // Правотворческая деятельность в Республике Беларусь: Научное издание / Белорусский институт государственного строительства и законодательства. Мн.: ООО «Скарына», 1997. – С. 212–219.

7. Ярош, В. Признаки правового государства. / В. Ярош // Материалы 2 межвузовской студенческой научной конференции. Правовая система

РБ: состояние, проблемы и перспективы развития. 25 апреля 2002. Гродно. – Гродно. – 2002. – С. 10–14.  
УДК 349.3

***Н. П. Ковалёва***

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **ЗНАЧЕНИЕ СТРАХОВОГО СТАЖА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ТРУДОВОЙ ПЕНСИИ ПО ВОЗРАСТУ**

Статья посвящена проблемам определения наличия страхового стажа, необходимого для возникновения права на трудовую пенсию по возрасту. Рассматриваются особенности включения в страховой стаж отдельных видов общественно-полезной деятельности в сопоставлении с законодательством других стран и высказываются предложения по совершенствованию законодательства в обозначенной области.

The article is devoted to the problems of determining the presence of insurance required for the emergence of the right to retirement pension by age. The features included in the insurance experience of certain types of socially useful activity in comparison with the legislation of other countries and makes suggestions to improve the legislation in the designated area.

### **Введение**

В Республике Беларусь право граждан на социальное обеспечение является конституционным правом. Гражданам гарантируется право на социальное обеспечение [1, ст. 47]. Данная гарантия реализуется через систему государственного социального страхования. В настоящее время высказываются мнения, о том, что в основу пенсионной реформы должны быть положены именно страховые принципы. Одним из необходимых элементов, которых является страховой стаж, поскольку именно с ним связано не только право на получение трудовой пенсии по возрасту в порядке обязательного социального страхования, но и определение её вида и размера исчисленного с применением индивидуального коэффициента пенсионера.

### **Основная часть**

Концепция реформы системы пенсионного обеспечения в Республике Беларусь предусматривает цели, принципы государственного пенсионного страхования и порядок предоставления трудовых пенсий по возрасту, зависящих от страхового стажа [2].

Страховой стаж в белорусской пенсионной системе является важным юридическим фактом оказывающим влияние на общие условия пенсионного обеспечения. В соответствии со статьей 5 Закона Республики Беларусь 17 апреля 1992 г. № 1596-ХІІ (в ред. 14 июля 2014 г.) «О пенсионном обеспечении» право на трудовую пенсию имеют лица, которые в период работы или занятия иными видами деятельности подлежали государственному социальному страхованию и за них, а также ими самими в предусмотренных законодательством о государственном социальном страховании случаях уплачивались обязательные страховые взносы в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [3].

Страховой стаж появился в пенсионной системе Республики Беларусь как самостоятельный вид сравнительно недавно, хотя в других странах данный институт используется давно и как следствие должен заменить традиционную для права социального обеспечения категорию общего трудового стажа. Закон Республики Беларусь от 6 января 1999 г. № 230-3 «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования» (далее – Закон № 230-3), определяет страховой стаж как суммарную продолжительность периодов трудовой деятельности застрахованного лица в течение то жизни, в которые уплачивались взносы на государственное социальное страхование [4, ст. 1].

При этом, с одной стороны, страховой стаж можно рассматривать как разновидность трудового стажа. Их объединяет то, что основу обоих составляет трудовая деятельность (работа) и в этом смысле понятия трудового и страхового стажа тесно связаны, и с другой стороны, уплата страховых взносов как обязательное условие зачета периодов работы в страховой стаж отличает данную категорию от традиционного представления о трудовом стаже. Таким образом, главным квалифицирующим признаком становится не работа и ее продолжительность, а участие застрахованных лиц в формировании бюджета Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Продолжительность уплаты страховых взносов в этом случае и будет составлять страховой стаж. С этих позиций страховой стаж представляется уже самостоятельной категорией, не связанной непосредственно с выполнением какой-либо работы или осуществлением иной деятельности.

Из смысла статьи 1 Закона № 230-3 в страховой стаж включаются только периоды трудовой деятельности, в течении которых произво-

дидась уплата взносов на государственное социальное страхование, соответственно, если трудовая деятельность не осуществлялась по объективным социально значимым причинам (безработица, болезнь, уход за ребенком) включение этих периодов в страховой стаж производится не должно. Приведенное легальное определение страхового стажа нельзя признать универсальным. Введя в пенсионную систему ранее неизвестный ей новый институт страхового стажа, законодатель оставил нерешенными ряд острых проблем. Одной из них является проблема, связанная с его содержанием.

Однако анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что помимо периодов трудовой деятельности в страховой стаж включаются и иные периоды, когда лицо не работало, но подлежало обязательному пенсионному страхованию. Так, в страховой стаж включаются:

1) периоды трудовой деятельности лиц на территории Республики Беларусь, в течение которых вносились страховые взносы в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь;

2) периоды иной деятельности лиц на территории Республики Беларусь, в течение которых вносились страховые взносы (индивидуальные предприниматели, ремесленная деятельность, адвокатская деятельность и др.);

3) периоды трудовой деятельности и (или) иной деятельности, которые выполнялись лицами за пределами территории Республики Беларусь, предусмотренные законодательством или международными договорами Республики Беларусь, в течение которых вносились страховые взносы. Так, граждане Республики Беларусь, работающие за рубежом, вправе добровольно вступать в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию и осуществлять уплату страховых взносов в Фонд [5];

4) периоды, когда взносы в Фонд вносились за лицо иным физическим лицом или Белорусским республиканским унитарным страховым предприятием «Белгосстрах» (получение ежемесячной страховой выплаты по законодательству об обязательном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний неработающими инвалидами, не достигших возраста, установленного статьей 11 [consultantplus://offline/ref=74A28AFBDFE73749B3567ACC61A4A6975E1D3C9BD8DE15D1BA60F613AC6D37FDE1B93D19B9A85F058635B50873DBM](https://consultantplus://offline/ref=74A28AFBDFE73749B3567ACC61A4A6975E1D3C9BD8DE15D1BA60F613AC6D37FDE1B93D19B9A85F058635B50873DBM) Закона «О пенсионном обеспечении», получения лицами доплаты до среднемесячного заработка при временном (до восстановления трудоспособности или установления ее стойкой утраты) переводе на более легкую нижеоплачиваемую работу в связи с повреждением здоровья в

результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания и т. д.).

По мнению И. А. Долголевой, в определение страхового стажа необходимо помимо периодов трудовой деятельности включить и периоды иной общественно полезной деятельности, в течение которых уплачивались обязательные страховые взносы [6, с. 327].

Вместе с тем, существует целый ряд выплат, на которые не начисляются взносы в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. В частности, к таким выплатам относятся государственные пособия (по беременности и родам, в связи с рождением ребенка, женщинам, ставшим на учет в государственных организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности, по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, по временной нетрудоспособности в случае ухода за больным членом семьи, в том числе за больным ребенком в возрасте до 14 лет и т. д.) и соответственно, эти периоды не включаются страховой стаж.

Целесообразно, чтобы страховой стаж включал и некоторые иные периоды общественно – полезной (не трудовой) деятельности. Например, в Российской Федерации с 1 января 2015 года действует Федеральный Закон от 28 декабря 2013 г. «О страховых пенсиях», в котором закреплено понятие «страховой стаж» – это учитываемая при определении права на страховую пенсию и ее размера суммарная продолжительность периодов работы и (или) иной деятельности, за которые начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, а также иных периодов, засчитываемых в страховой стаж [7, ст. 3].

В страховой стаж в Российской Федерации в отличие от страхового стажа Республики Беларусь включается иная деятельность, в течение которой уплачивались страховые взносы: период прохождения военной службы, а также другой приравненной к ней службы, предусмотренной Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 (ред. от 04 ноября 2014 г.) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», а также период получения пособия по государственному социальному страхованию в период временной нетрудоспособности, период ухода одного из родителей за каждым ребёнком до достижения им возраста полутора лет, но не более трёх лет в общей сложности и другие [7, ст. 11]. Соответственно включив в страховой стаж данные перио-

ды, российский законодатель предусмотрел исчисление стажа календарно, то есть без льгот. Кроме того, действует еще одно обязательное условие – эти периоды засчитываются в трудовой стаж только в том случае, если им предшествовали и (или) за ними следовали периоды работы (независимо от их продолжительности), за которые уплачивались взносы в Пенсионный фонд [7, ст. 11]. Это положение означает, что данные периоды не имеют самостоятельного значения, они учитываются только в связи с работой. При этом не имеет значения, непосредственно предшествовала (следовала) работа данным периодам или нет. Таким образом, при наличии хотя бы одного дня работы можно включить в страховой стаж несколько следующих друг за другом не страховых периодов.

В связи с реализацией данной статьи в практике Пенсионного фонда Российской Федерации не раз возникали сложности. В частности, законодательство не предусматривает включения в страховой стаж традиционного для отечественного пенсионного законодательства периода отпуска по беременности и родам, хотя в пп. 2 п. 1 ст. 11 указан близкий по правовому регулированию период: временной нетрудоспособности. И в том, и в другом случае полагается выплата пособия по государственному социальному страхованию. Однако это разные виды пособий. Тем не менее, для решения возникшей проблемы Министерством труда и социальной защиты совместно с Пенсионным фондом Российской Федерации было подготовлено разъяснение о том, что период нахождения женщины в отпуске по беременности и родам можно рассматривать как период получения пособия по государственному социальному страхованию в период временной нетрудоспособности (с учетом того, что основанием для назначения пособия по беременности и родам является выданный в установленном порядке листок нетрудоспособности).

В свою очередь, указанные периоды засчитываются в страховой стаж и в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 2 октября 2014 г. № 1015 «Об утверждении правил подсчета и подтверждении страхового стажа для установления страховых пенсий». Таким образом, в Российской Федерации в страховой стаж включается как трудовая деятельность, так и иные периоды. Данная позиция является правильной, так как позволяет учесть иные не страховые периоды.

Республика Беларусь объявляя себя социальным и правовым государством, должно гарантировать всеобщность права на социальное обеспечение и достойный уровень существования всех своих граждан. Если человек по объективным причинам лишен возможности работать,

государство должно сохранить включение в страховой стаж наравне с работой наиболее значимых с социальной точки зрения периодов.

Проведенное сравнение позволит сделать вывод о необходимости дополнения понятия страхового стажа следующим предложением: «... а также других периодов, если им предшествовали и (или) за ними следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности) за которые уплачивались взносы на государственное социальное страхование», сформулировав определение страхового стажа следующим образом: «страховой стаж – это суммарная продолжительность периодов трудовой деятельности застрахованного лица, в течение которых уплачивались взносы на государственное социальное страхование, а также иных периодов указанных в законе, если им предшествовали и (или) за ними следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности) за которые уплачивались взносы на государственное социальное страхование», закрепив его статье 1 Закон Республики Беларусь от 06 января 1999 г. № 230-З «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования» и соответственно дополнив статью 51 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» частью 5 следующего содержания: «периоды, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, засчитываются в стаж работы в том случае, если им предшествовали и (или) за ними следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности), в течение которых производилась уплата обязательных страховых взносов в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь согласно законодательству о государственном социальном страховании».

Как показывает опыт, для определения права на трудовую пенсию по возрасту в настоящее время важное значение имеет не только сам факт уплаты взносов на обязательное социальное страхование, а период уплаты страховых взносов и соответственно продолжительность страхового стажа. Согласно статье 5 Закона Республики Беларусь 17 апреля 1992 г. № 1596-ХІІ (в ред. 14 июля 2014 г.) «О пенсионном обеспечении» право на трудовую пенсию по возрасту предоставляется при условии уплаты обязательных страховых взносов не менее 5 лет. В последующем был принят Указ Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2015 г. № 534 «О вопросах социального обеспечения», которым закреплено, что право на трудовую пенсию по возрасту предоставляется при наличии стажа работы с уплатой обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь

в соответствии с законодательством о государственном социальном страховании не менее 15 лет 6 месяцев [8, п. 1.2].

Начиная с 1 января 2017 г. указанный стаж работы ежегодно с 1 января будет увеличиваться на 6 месяцев и достигнет к 2025 году – 20 лет, при этом прежние требования по продолжительности страхового стажа сохранены для назначения: пенсий по инвалидности, по случаю потери кормильца (требуется не менее одного дня страхового стажа) и пенсий по возрасту для родителей детей-инвалидов (инвалидов с детства), многодетных матерей, родивших пять и более детей, инвалидов с детства, инвалидов войны и других (статьи 17–22) – требуется не менее 5 лет страхового стажа.

Аналогичная практика существует и в других странах, в Российской Федерации для назначения страховой пенсии по старости лицам, обратившимся после 1 января 2015 года необходимо 6 лет страхового стажа. Однако данный конкретно указанный период ежегодно будет увеличиваться на один год, начиная с 2016 г и согласно Федерального Закона от 28 декабря 2013 г. «О страховых пенсиях», для назначения страховой пенсии по старости необходимо 15 лет страхового стажа [7, ст. 35].

Значит, факт наличия страхового стажа является важным юридическим фактом: при отсутствии у лица страхового стажа установленного минимума вместо трудовой пенсии по возрасту ему будет назначаться социальная пенсия. Замена института трудового стажа страховым стажем ставит задачу детального правового регулирования целого комплекса вопросов: о страховом стаже, о включении в него «не страховых» периодов, о минимальном и максимальном страховом стаже, о влиянии страхового стажа на размеры пенсий. Соответственно помимо периодов, за которые вносились обязательные страховые взносы, в страховой стаж нужно включать и ряд «не страховых» периодов (срочная военная служба, получение пособия по безработице или период получения пособий по беременности и родам, по уходу за ребенком до трех лет, по временной нетрудоспособности и другие).

### **Заключение**

Итак, страховой стаж является самостоятельным юридическим фактом при определении права на трудовую пенсию и важнейшим элементом страховой пенсионной системы. При этом законодатель совершенно четко выделил страховой стаж в качестве самостоятельной правовой категории, дав ему легальное определение, но по нашему мнению повышая размер обязательного страхового стажа, законодатель не учел интересы граждан, которые по объективным причинам лишены возможности уплачивать взносы на обязательное социальное

страхование. Таким образом, необходимо предусмотреть механизм включения в страховой стаж наравне с трудовой деятельностью (работой) наиболее значимых с социальной точки зрения периодов, закрепив это на законодательном уровне.

#### **Список использованных источников**

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Концепции реформы системы пенсионного обеспечения в Республике Беларусь и плане первоочередных мер по реализации ее основных положений: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 17 апреля 1997 г. № 349 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 8. – 3/78654.

3. О пенсионном обеспечении: Закон Республики Беларусь, 17 апр. 1992 г., № 1596–ХІІ (в ред. от 14 июля 2014 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 43. – 2/1986.

4. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования: Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 1999 г. (в ред. от 05 июля 2004 г., № 297-3) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 106. – 2/1046.

5. Об обязательных страховых взносах в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 29 фев. 1996 г., № 138-ХІІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г., № 334-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

6. Долголева, И. А. Страховой стаж в системе пенсионного обеспечения / И. А. Долголева // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т государства и права ; редкол.: В. И. Семенов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – Вып. 2. – С. 321–328.

7. О страховых пенсиях: Федеральный закон, 28 дек. 2013 г. № 400-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6965.

8. О вопросах социального обеспечения: Указ Президента Республики Беларусь, 31 дек. 2015 г. № 534 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2016. – 1/16194.

УДК 347.965:347.952

***Т. В. Ковалёва***

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **УЧАСТИЕ АДВОКАТА НА СТАДИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ЗАЩИТА ДОЛЖНИКА**

В статье проводится системный анализ норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и иного законодательства, касающихся вопросов участия представителя на стадии исполнительного производства на стороне должника, прав и обязанностей адвоката по защите должника при исполнении судебных постановлений, требований судебных исполнителей.

The article presents a systematic analysis of the provisions of the Civil Procedure Code of the Republic of Belarus and other laws relating to issues of participation of a representative at the stage of enforcement proceedings on the side of the debtor's rights and advocate for the protection of the debtor's obligations in the execution of judicial decisions, claims of bailiffs.

### **Введение**

Современная практика адвокатской деятельности сложилась таким образом, что на стадии исполнения судебного постановления стороны судебного разбирательства остаются без защиты. Адвокаты, в большинстве случаев, не участвуют в исполнительном производстве, хотя защита прав и законных интересов сторон должна осуществляться и на этой стадии гражданского процесса.

Исполнительное производство – заключительная стадия гражданского процесса, порядок принудительной реализации постановлений юрисдикционных органов, направленных на восстановление или защиту нарушенных прав. Исполнение – это совершение тех или иных конкретных действий в интересах определенного лица. От действительности исполнительного производства во многом зависят конечный результат правоохранительной деятельности, ее эффективность [4; с. 336]. Исполнительное производство обычно завершает процесс судебной защиты права [2; с. 340]. Поэтому для соблюдения законности при исполнении судебных постановлений важно участие представителя.

### **Основная часть**

В соответствии с ч. 1 ст. 478 ГПК сторонами в исполнительном производстве являются взыскатель (лицо, в пользу которого производится исполнение исполнительного документа) и должник (обязанная сторона).

Согласно ст. 62 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, в организациях, обществен-

ных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. Из этой конституционной гарантии вытекает право должника иметь представителя в суде, которое закреплено в ст. 70 ГПК. Личное участие в деле граждан не лишает их права иметь по этому делу представителей.

Упомянутые выше общие нормы ГПК о представительстве в суде распространяются и на стадию исполнительного производства, однако раздел ГПК, регулирующий правоотношения в сфере исполнения исполнительных документов, не содержит норм относительно участия в исполнительном производстве представителей сторон [1]. Лишь в ст. 481 ГПК указывается, что права и обязанности представителей определяются главами 9, 10 и 12 ГПК. В то же время, в абз. 11 п. 23 Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 20.12.2004 № 40, указано, что представитель, участвующий в исполнительном производстве, при наличии надлежащим образом оформленной доверенности с оговоренными в ней полномочиями имеет право на совершение от имени представляемого всех действий, связанных с исполнительным производством [5].

На стадии исполнительного производства у должника отсутствует возможность уполномочивать своих представителей на участие в деле устным заявлением в ходе судебного заседания. Мы согласны с мнением Д. А. Акуленко о том, что реализация предусмотренного законом права на участие в деле представителя возможна путем обращения стороны непосредственно к судебному исполнителю с письменным заявлением и приложением необходимых документов о допуске к участию в исполнительном производстве представителя [1].

Статьей 28 Конституции Республики Беларусь гарантируется право неприкосновенности личности от незаконного вмешательства в его личную жизнь, на его честь и достоинство. Вместе с тем в рамках исполнительного производства приходится ограничивать права и свободы человека. В связи с этим охрана чести и достоинства личности требует четкого определения законом оснований и форм допустимого ограничения неприкосновенности личной жизни граждан. Законные требования судебного исполнителя не могут рассматриваться как посягательство на достоинство и честь личности. Хотя в исполнительном производстве взыскатель имеет господствующее положение по сравнению с должником, человеческое достоинство должника не должно пострадать [7; с. 36].

К правилам, конкретизирующим и развивающим требования уважения чести и достоинства личности, можно отнести запрет на совершение исполнительных действий в нерабочие дни и в ночное вре-

мя, за исключением случаев, не терпящих отлагательства, и на основании и на основании постановления руководителя органа принудительного исполнения (ч. 3 ст. 485 ГПК).

Кроме того принцип личной неприкосновенности включает в себя как физическую личную неприкосновенность (недопустимость каких-либо посягательств на его жизнь, здоровье как со стороны судебного исполнителя, так и со стороны взыскателя), так и психическую (недопустимость каких-либо посягательств на психическое и нравственное здоровье личности, интеллектуальную и волевую сферы сознания человека) [7; с. 37].

С учетом вышесказанного, важным полномочием адвоката является разъяснение прав должнику. ГПК наделяет стороны в исполнительном производстве необходимым объемом прав и обязанностей, позволяющим им защищать свои интересы, а суду и судебному исполнителю – осуществлять принудительное исполнение [2; с. 350].

Стороны обязаны в срок, установленный законодательством, судом или судебным исполнителем, представлять судебному исполнителю информацию об исполнении требований исполнительного документа, а также подтверждающие эту информацию документы, представлять по требованию судебного исполнителя письменные объяснения, иные документы и материалы, являться по вызову судебного исполнителя, устранять препятствия для совершения исполнительных действий, выполнять другие действия, предусмотренные настоящим Кодексом и иными актами законодательства или возложенные на них судом, судебным исполнителем. Сведения об имеющемся у должника имуществе, а также об источниках получения доходов в случае их запроса по требованию судебного исполнителя представляются должником по форме, установленной Советом Министров Республики Беларусь.

Так, в соответствии с ст. 478 ГПК должник имеет право:

1) присутствовать при совершении судебным исполнителем действий по исполнению исполнительного документа, а именно:

- при наложении арест на имущество, в том числе на денежные средства в пределах суммы, необходимой для исполнения исполнительного документа и возмещения расходов по исполнению исполнительного документа, принадлежащие должнику и находящиеся у него и (или) у иных лиц;
- при производстве осмотра помещений и хранилищ должника;
- при осуществлении продажи описанного или изъятого имущества должника (ст. 485 ГПК);

2) обжаловать действия (бездействие) судебного исполнителя. Из

анализа ст. 478, 479, 488, 505 ГПК и с учетом конституционного права на защиту можно сделать вывод о том, что возможно обжалование любого действия судебного исполнителя, осуществленное с нарушением процессуальных предписаний или представляющее отказ от совершения предусмотренных законом действий. Объектом обжалования могут выступать и нарушения в организации исполнительного производства [2; с. 356];

3) получать от судебного исполнителя справки, связанные с исполнением исполнительного документа;

4) до окончания исполнительного производства заключить мировое соглашение;

5) пользоваться другими правами, в частности, общими правами, закрепленными в ст. 56 ГПК.

В полномочия адвоката входит также осуществление контроля за ходом исполнительного производства. Первоначально, в соответствии со ст. 467 ГПК, должнику в судебном постановлении и иных актах должен быть предоставлен срок для добровольного исполнения этого судебного решения. Если срок исполнения не указан, то судебный исполнитель предоставляет должнику семидневный срок для добровольного исполнения. Адвокат должен проследить за реализацией данного права.

В случае неисполнения судебного постановления в добровольном порядке, оно подлежит исполнению принудительно. В данном случае адвокат разъясняет должнику его обязанности по возмещению общих расходов, предусмотренных ст. 116 ГПК, а также расходов при: исполнении исполнительного документа, хранении и перевозке имущества должника, организации и проведению торгов, государственной регистрации недвижимого имущества, прав, ограничений (обременений) прав на него и сделок с ним в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 485 ГПК, оплате труда экспертов и специалистов, оплате проезда судебного исполнителя к месту совершения исполнительных действий. Расходы, за исключением затрат на организацию и проведение торгов, взыскиваются согласно смете соответствующего органа принудительного исполнения по постановлению судебного исполнителя, которое является исполнительным документом, с должника в пользу государства, взыскателя и лиц, понесших указанные расходы (ст. 486 ГПК). Также адвокат поясняет, что при принудительном совершении действий по имущественным взысканиям согласно постановлению судебного исполнителя с должника взыскивается денежная сумма в размере десяти процентов от взысканных сумм или стоимости взысканного имущества, а по требованиям, носящим неимущественный

характер, взыскивается (удерживается) с должника-гражданина денежная сумма в размере пяти базовых величин по каждому исполнительному документу, а с должника – юридического лица – в размере десяти базовых величин по каждому исполнительному документу (ч. 1, 4 ст. 486 ГПК).

В ГПК установлена очередность по обращению взыскания на имущество должника, за которой адвокат должен следить. В первую очередь взыскание по исполнительным документам обращается на денежные средства должника в рублях и иностранной валюте и иные ценности, в том числе находящиеся в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях. При отсутствии у должника денежных средств, достаточных для удовлетворения требований взыскателя, взыскание обращается на иное принадлежащее должнику имущество. В соответствии со ст. 498 ГПК взыскание с граждан обращается на личное имущество должника, а также на его долю в общей собственности, в совместной собственности супругов, в имуществе крестьянского (фермерского) хозяйства.

В ч. 6 ст. 496 ГПК установлено требование о недопустимости обращения взыскания на имущество, в отношении которого имеется запрет. Перечень такого имущества закреплен в приложении 1 к ГПК. Данное положение вытекает из конституционной обязанности Республики Беларусь как социального государства заботиться о благополучии своих граждан, сохраняя им условия для нормального существования. Таким образом, законодатель подчеркивает важность сохранения должнику и лицам, находящимся на его иждивении, условий, необходимых для их нормального существования и жизнедеятельности [7; с. 37].

Обращение взыскания на заработную плату и приравненные к ней доходы должника производится при отсутствии у должника денежных средств и иного имущества или их недостаточности для полного взыскания, за исключением, когда размер взыскания не превышает суммы, эквивалентной десяти базовым величинам, либо доли удержания из месячной заработной платы и приравненных к ней доходов должника (ст. 496 ГПК). При обращении взыскания на приравненные к заработной плате доходы адвокат следит за тем, чтобы взыскание распространялось только на доходы, перечисленные в ч. 1 ст. 520 ГПК, и не были включены доходы, обращение на которые не допускается (ст. 525 ГПК). Адвокат также следит за правильностью установления размеров удержания, предусмотренных ст. 523, 524 ГПК.

В соответствии со ст. 502 ГПК после истечения срока, предоставленного для добровольного исполнения судебного постановления или иного акта, на имущество должника может налагаться арест. Адвокат следит за правильностью оснований и процедурой наложения ареста.

При этом проводится опись имущества должника в его присутствии или кого-либо из совершеннолетних членов семьи, а при отсутствии этих лиц – с участием двух понятых. Исходя из норм ГПК, адвокат может принимать участие при производстве описи имущества должника и должен проследить за тем, чтобы:

не подвергалось описи имущество, на которое по закону не допускается обращение взыскания;

имущество описывалось только в пределах суммы взыскания и суммы предполагаемых расходов по исполнению исполнительного документа, в том числе суммы за принудительное совершение действий по имущественным взысканиям;

было реализовано право должника заявить судебному исполнителю, какое имущество в первую очередь подвергнуть описи, которое удовлетворяется, если это не противоречит законодательству и не будет препятствовать своевременному и полному исполнению исполнительного документа;

при неправомерном включении имущества в акт описи было реализовано право должника ходатайствовать об исключении этого имущества из описи, а в случае отказа – право на обжалование постановления судебного исполнителя.

После производства описи имущества должника оно изымается и передается на хранение согласно ст. 507–509 ГПК. Следует также учитывать, что арестованное имущество должника может быть передано на хранение под расписку самому должнику, который может с разрешения судебного исполнителя им пользоваться, если по свойствам этого имущества пользование им не ведет к уничтожению или уменьшению его ценности (ч. 1 ст. 508 ГПК).

Имущество должника реализуется судебным исполнителем через скупочные, комиссионные магазины или с публичных торгов. До изъятия или реализации имущества должник вправе сам под контролем судебного исполнителя реализовать арестованное имущество по цене, не ниже указанной в акте описи, и передать вырученные от продажи суммы взыскателю или судебному исполнителю (ст. 510 ГПК). В ином случае реализация имущества должника может происходить посредством проведения торгов в соответствии со ст. 512 – 519 ГПК. Реализация арестованного имущества производилась в месте его нахождения. Если реализовать имущество по месту его нахождения не представляется возможным, допускается перевозка имущества для его реализации в другой город или район. При этом адвокат должен проследить, чтобы должник об этом был извещен в установленном.

Денежные средства, оставшиеся после удовлетворения всех требо-

ваний, выдаются должнику (ч. 1 ст. 532 ГПК).

При возложении обязанности на должника совершить определенные действия или воздержаться от их совершения, адвокат разъясняет своему клиенту, что неисполнение исполнительного документа может повлечь ответственность, предусмотренную ст. 24.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [6]. В случае неисполнения должником судебного постановления или иного акта и после привлечения к административной ответственности, если оно может быть исполнено другим лицом, суд с согласия взыскателя вправе уполномочить другое лицо или самого взыскателя произвести исполнение за счет должника.

Следует отметить, что белорусское процессуальное законодательство не содержит ограничений в полномочиях представителя при исполнении отдельных исполнительных документов, обязывающих должника совершать действия лично. Вместе с тем российский законодатель в ст. 53 Закона Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» указал, что если по исполнительному документу на должника возложены обязанности, которые он может исполнить только лично, то при их исполнении должник не вправе действовать через представителя [1].

Важной гарантией прав должника является возможность поворота исполнения судебного постановления, под которым понимается восстановление через суд прав должника, нарушенных исполнением впоследствии отмененного судебного решения. Поворот исполнения решения допускается в тех случаях, когда судебное постановление, по которому произведено исполнение, отменено, и судебное разбирательство по делу завершено в одной из предусмотренных законом форм, как на стадиях кассационного и надзорного делопроизводства, так и на стадии нового рассмотрения дела. Должнику должно быть возвращено все то, что было с него взыскано в пользу взыскателя по отмененному судебному постановлению [2; с. 361]. Законодатель предусматривает не только возможность поворота судебного постановления, но и возможность применения обеспечительных мер по отношению к данному процессуальному действию. При допущении немедленного исполнения решения суд может потребовать от истца обеспечения поворота его исполнения на случай отмены решения суда (ч. 1 ст. 315 ГПК).

### **Заключение**

В результате исследования можно сделать вывод о том, что участие адвоката на стороне должника, как более уязвимой стороны исполнительного производства, необходимо для более эффективной защиты его прав, недопущения злоупотребления полномочиями со сто-

роны судебного исполнителя. Адвокат при осуществлении защиты должен обратить особое внимание на следующие аспекты:

1) возможность оказания помощи на стадии исполнения судебного решения при предъявлении доверенности или по письменному заявлению должника судебному исполнителю;

2) разъяснение прав должнику, а также порядка взыскания, последствий отказа от добровольного исполнения;

3) сохранение физической и психической неприкосновенности должника;

4) осуществление взыскания в строго определенном порядке и в определенное время, с соблюдением очередности наложения взыскания.

### **Список использованных источников**

1. Акуленко, Д. А. Представительство в исполнительном производстве / Д. А. Акуленко [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

2. Гражданский процесс. Особенная часть: учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2007. – 592 с.

3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.; одобр. Советом Республики 18 дек. 1998 г. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

4. Данилов, Е. П. Справочник адвоката: Консультации. Защита в суде. Образцы документов / Е. П. Данилов. – М.: Новый Юрист, 1998. – 512 с.

5. Инструкция по исполнительному производству : утв. постановлением Министерства юстиции Респ. Беларусь, 20 дек. 2004 г. № 40, в ред. постановления от 03.10.2011 г. № 219 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.; одобр. Советом Республики 2 апр. 2003 г. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

7. Малюшин, К. А. Принцип минимальных стандартов правовой защиты в исполнительном производстве / К. А. Малюшин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 2. – С. 36–39.

УДК 349.225

***Е. А. Ковалёва***

*канд. юрид. наук., доц.*

## ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В статье проводится системный анализ норм Трудового кодекса Республики Беларусь и иного законодательства, касающихся содержания понятия трудовой дисциплины и методов ее обеспечения, вносятся предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой области.

The article presents a systemic analysis of the norms of the Labour code of the Republic of Belarus and other legislation relating to the content of the concepts of labor discipline and methods, proposals on improvement of legislation in the study area.

**Введение.** Трудовой кодекс содержит немало норм, оказывающих воздействие на поведение работников. К таким средствам относятся и позитивные для работника меры, например, его премирование, иное материальное стимулирование, поощрение, дополнительные отпуска и др. К нормам, призванным корректировать поведение работника, относятся меры дисциплинарной и материальной ответственности, удержания из заработной платы, отстранение от работы.

**Основная часть.** На основании ст. 193 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) трудовая дисциплина – это обязательное для всех работников подчинение установленному трудовому распорядку и надлежащее выполнение своих обязанностей [1]. Содержание понятия трудовой дисциплины сводится к двум основным признакам: во-первых, это надлежащее исполнение своих трудовых обязанностей только работником, во-вторых, его подчинение установленному внутреннему трудовому распорядку. Вместе с тем, подчинение внутреннему трудовому распорядку является одной из обязанностей работников, закрепленной в п. 2 ст. 53 ТК. Таким образом, содержанием трудовой дисциплины является надлежащее исполнение работниками своих трудовых обязанностей.

ТК не содержит определения обязанности, но в его нормах содержится немало статей, указывающих на обязанности субъектов трудовых и связанных с ними отношений, например, понятие трудового договора в ст. 1 ТК дано через установление основных обязанностей сторон трудового договора. В Словаре русского языка С.И. Ожегова обязанность трактуется как круг действий, возложенных на кого-нибудь и безусловных для выполнения [2]. Пункт 9 Общих положений Единого квалификационного справочника должностей служащих, утвержденного постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 2 января 2012 г. № 1 в разделе

«Должностные обязанности» рекомендует устанавливать основные, наиболее характерные для конкретной должности трудовые функции, которые могут быть поручены полностью или частично работнику, занимающему данную должность. Таким образом, содержание обязанностей в законодательстве связывается с трудовой функцией работника, под которой понимается работа по одной или нескольким профессиям, специальностям, должностям с указанием квалификации в соответствии со штатным расписанием нанимателя, функциональными обязанностями, должностной инструкцией (ст. 19 ТК).

По нашему мнению обязанности в сфере регулирования труда – это установленный законодательством или нанимателем круг действий (правил поведения, трудовых функций), безусловный для исполнения субъектами трудовых и связанных с ними правоотношений и содержащий запрет иного поведения, а нарушение запрета, входящего в содержание трудовой обязанности, влечет применение санкций [3, с. 91].

Трудовые обязанности работников зафиксированы в ст. 53 ТК и касаются всех работников, независимо от содержания их трудовых функций, организационно-правовой формы субъекта хозяйствования. Трудовые обязанности работников конкретизируются и дополняются в процессе заключения трудового договора и обусловлены особенностями данной организации, спецификой производственного процесса, условиями и режимом работы работников, отраслью экономики и другими факторами. В организациях обязанности работников закрепляются и конкретизируются также в должностных инструкциях руководителей, специалистов и других служащих, а также в технических правилах и инструкциях для рабочих.

В целях обеспечения соблюдения трудовой дисциплины, знакомясь со своими должностными обязанностями, работник должен понимать, что: во-первых, существует ряд обязанностей, которые ему необходимо выполнять постоянно (по его трудовой функции, соблюдать трудовую дисциплину и др.); во-вторых, исполнять обязанности, которые возникают при определенных обстоятельствах (временный перевод в связи с производственной необходимостью, обязанность периодически проходить медосмотр и др.); в-третьих, исполнять устные и письменные приказы нанимателя и уполномоченных должностных лиц, не противоречащие законодательству, трудовому договору и локальным нормативным правовым актам.

Необходимо отметить, что помимо обязанностей работников, ТК закрепляет и обязанности нанимателя во взаимоотношениях с работниками как при приеме их на работу, так и при организации труда работников. Согласно ст. 55 ТК эти обязанности заключаются в рацио-

нальном использовании труда работников, обеспечении здоровых и безопасных условий труда, неуклонном соблюдении законодательства о труде, коллективного договора и иных локальных нормативных правовых актов и др. Таким образом, и наниматель по отношению к работнику имеет строго определенные обязанности, которые он также должен неукоснительно соблюдать. Поэтому по нашему мнению соблюдение трудовой дисциплины – это обоюдное соблюдение обязанностей сторонами трудовых отношений.

Данный вывод подтверждается и положениями Директивы Президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины», где указывается, что одной из основных причин происшествий, повлекших гибель людей, является невыполнение руководителями организаций независимо от форм собственности своих обязанностей по обеспечению здоровых и безопасных условий труда, соблюдению требований пожарной и промышленной безопасности, производственно-технологической дисциплины и недостаточный контроль со стороны руководителей государственных органов за деятельностью подчиненных организаций [4].

В ТК отсутствуют нормы об обеспечении трудовой дисциплины, однако п. 2 ст. 55 ТК обязывает нанимателя обеспечивать трудовую и производственную дисциплину. Содержание понятия «обеспечение трудовой дисциплины» законодатель не раскрывает. Для сравнения отметим, что уставы и положения о дисциплине работников отдельных отраслей экономики содержат нормы об обеспечении трудовой дисциплины. Например, Устав о дисциплине работников внутреннего водного транспорта, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 1994 г. № 267 в п. 3 закрепляет, что дисциплина на внутреннем водном транспорте состоит в строгом соблюдении работниками порядка и правил, установленных законодательством, приказами и инструкциями Министерства транспорта и коммуникаций и другими относящимися к его деятельности нормативными актами, в производительном использовании рабочего времени, выявлении и использовании имеющихся резервов, устранении недостатков, а также в точном и своевременном выполнении приказов и распоряжений руководителей. Дисциплина обеспечивается заинтересованным отношением работников к труду, требовательностью руководителей, умелым сочетанием и правильным применением методов убеждения, поощрений и дисциплинарных взысканий [5].

В Словаре русского языка С.И. Ожегова слово обеспечить трактуется как сделать вполне возможным, создать необходимые условия для чего-либо [2]. По мнению Г.Б. Шишко трудовая дисциплина –

это совокупность организационно-правовых мер, обеспечивающих порядок трудовой деятельности и отражающих меры требовательности к каждому работнику [6, с. 65].

Одним из важнейших способов обеспечения трудовой дисциплины является соблюдение нанимателем своих собственных обязанностей по рациональному использованию труда работников, своевременной выдаче заработной платы, созданию работникам условий, необходимых для нормальной работы, и др., поскольку ненадлежащая организация труда нанимателем может явиться поводом несоблюдения трудовой дисциплины работником. Кроме того, работник может доказывать, что вменяемое ему в вину нарушение вызвано отсутствием надлежащих организационных и экономических условий для труда. Данный вывод подтверждается ст. 400 ТК, которая вменяет в обязанность нанимателя создавать работникам условия, необходимые для нормальной работы и обеспечения сохранности вверенных им ценностей.

Таким образом, основным средством обеспечения трудовой дисциплины является создание нанимателем необходимых организационных и экономических условий для нормальной работы, что является его обязанностью. В связи с чем целесообразно ст. 55 ТК дополнить пунктом, содержащим обязанность нанимателя обеспечивать условия, необходимые для надлежащего исполнения работниками своих трудовых обязанностей.

Традиционно в юридической литературе способами поддержания необходимого уровня дисциплины труда являются убеждение и принуждение. Убеждение – это метод воздействия, стимулирующий субъект права к такому поведению, которое соответствует его воле. Он включает в себя моральную и материальную заинтересованность, психологическое воздействие (воспитание сознательности работника, повышение ответственности за исполнение своих трудовых обязанностей). Принуждение – это метод воздействия, который обеспечивает совершение субъектом действий вопреки его воле, применение руководителем властных полномочий [6, с. 65–66].

Нам кажется спорной точка зрения, согласно которой одним из способов обеспечения трудовой дисциплины признается поощрение работников. Поощрять значит заинтересовывать работников в образцовом выполнении своих трудовых обязанностей, что является правом нанимателя, зафиксированном в ст. 12 ТК, но не обязанностью. Предусмотрев поощрение как способ обеспечения трудовой дисциплины, законодатель тем самым обяжет нанимателя поощрять работников, т.к. в противном случае наниматель не обеспечивает соблюдение трудовой дисциплины работниками.

По нашему мнению, трудовая дисциплина в основном обеспечивается способами принудительного характера, которыми являются привлечение работников к дисциплинарной ответственности, возмещение одной стороной трудового договора ущерба, причиненного другой стороне, удержанием из заработной платы, отстранением от работы.

Именно такие меры принудительного характера воздействуют на поведение работника, побуждают его к надлежащему исполнению своих трудовых обязанностей, способствуют поддержанию трудовой дисциплины на надлежащем уровне. Однако мы рассматриваем способы обеспечения трудовой дисциплины в неразрывной связи методов и принуждения, и убеждения, и надлежащего исполнения сторонами своих трудовых обязанностей.

Рассмотрим отстранение от работы как метод обеспечения трудовой дисциплины. Согласно ст. 49 ТК отстранение от работы – это запрет выполнения работником трудовых обязанностей, не допущение его к работе в соответствующий рабочий день или смену. Обязательными признаками отстранения от работы ТК признает:

1) требование уполномоченных государственных органов или нанимателя;

2) случаи, предусмотренные законодательством.

В ч. 2 ст. 49 ТК перечислены случаи, при наличии которых наниматель самостоятельно обязан отстранить работника от работы. К таким случаям относится поведение, связанное с нарушением трудовых обязанностей как работником, так и должностными лицами нанимателя:

1) появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также в состоянии, связанном с болезнью, препятствующем выполнению работы;

2) не прохождение инструктажа, стажировки и проверки знаний по вопросам охраны труда;

3) не использование средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающие безопасность труда;

4) не прохождение медицинского осмотра, освидетельствования на предмет нахождения в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения в случаях и порядке, предусмотренных законодательством.

Помимо обязанности нанимателя законодательство предусматривает случаи, когда наниматель вправе отстранить работника от работы. Так, при совершении работником хищения имущества нанимателя, он имеет право отстранить от работы до вступления в законную силу приговора суда или постановления органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания (ч. 3 ст. 49 ТК).

Согласно п. 3.4 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» наниматель вправе незамедлительно отстранять работника от работы при выявлении допущенных им нарушений производственно-технологической, исполнительской или трудовой дисциплины, повлекших или способных повлечь причинение организации ущерба [7].

К специально уполномоченным государственным органам, которые вправе отстранять от работы, законодательство, в частности, относит должностных лиц органов Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, которые вправе отстранять от управления транспортными средствами, самоходными машинами лиц, которые не имеют права управления этими транспортными средствами, самоходными машинами, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ. Это предусмотрено в п. 11.12 Положения о Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2002 г. № 1851 в редакции постановления от 4 апреля 2011 г. № 442 [8].

В соответствии со ст. 22 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемическом благополучии населения» если физические лица, имеющие инфекционные заболевания, контактировавшие с физическими лицами, имеющими инфекционные заболевания, а также с подозрением на инфекционные заболевания, могут быть источником инфекционных заболеваний в связи с особенностями выполняемой ими работы или производства, в котором они заняты, эти физические лица подлежат отстранению от работы в порядке, определенном законодательством о труде [9].

На основании ч. 1 и 2 ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь прокурор, его заместитель либо Председатель Следственного комитета, Председатель Комитета государственной безопасности или лица, исполняющие их обязанности, а также следователь с санкции прокурора или его заместителя либо суд вправе отстранить от должности подозреваемого или обвиняемого, если есть достаточные основания полагать, что, оставаясь в должности, они будут препятствовать предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовного дела, возмещению причиненного пре-

ступлением вреда или продолжать заниматься преступной деятельностью, связанной с пребыванием в этой должности. Отстранение от должности заключается в запрещении подозреваемому или обвиняемому исполнять должностные полномочия, выполнять работу, которую они выполняли, или заниматься деятельностью, которой они занимались, о чем выносится соответствующее постановление (определение), подлежащее немедленному исполнению [10].

В вышеперечисленных случаях речь идет об отстранении от работы именно нанимателем, а не самими уполномоченными государственными органами, что указано в ч. 1 ст. 49 ТК. Однако процедура отстранения в вышеназванных нормативных правовых актах не определена, а имеется отсылка к трудовому законодательству.

**Заключение.** Таким образом, в целях надлежащего урегулирования Трудовым кодексом вопросов обеспечения трудовой дисциплины, а также в связи с тем, что имеющееся в ст. 193 ТК понятие трудовой дисциплины касается ее соблюдения работниками в одностороннем порядке и не отражает соблюдение своих обязанностей нанимателями, целесообразно изложить ст. 193 ТК в новой редакции с примерно следующим содержанием:

«Статья 193. Понятие и обеспечение трудовой дисциплины

Трудовая дисциплина – это обязательное для сторон трудового договора надлежащее исполнение своих обязанностей, внутреннего трудового распорядка, установленных настоящим Кодексом, иными законодательными и локальными нормативными правовыми актами.

Основными способами обеспечения трудовой дисциплины являются: 1) соблюдение сторонами трудового договора своих обязанностей; 2) убеждение; 3) возмещение ущерба (гл. 37, ст. ст. 78, 79); 4) привлечение к дисциплинарной ответственности (гл. 14); 5) отстранение от работы (ст. 49); удержание из заработной платы (ст. 107, 108).

Наниматель обязан создавать работникам условия, необходимые для нормальной работы и соблюдения ими своих трудовых обязанностей».

### **Список использованных источников**

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.; одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2015. – 2/2303.

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов // Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/26945.shtml>. – Дата доступа: 17.02.2016.

3. Ковалёва, Е. А. Обязанности субъектов трудовых отношений /

Е. А. Ковалёва // Пром.-торг. ПРАВО. – 2010. – № 8. – С. 90–96.

4. О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины: Директива Президента Респ. Беларусь, 11 марта 2004 г., № 1: в ред. Указа от 12.10.2015 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2015. – 1/16057.

5. Устав о дисциплине работников внутреннего водного транспорта: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 21 апр. 1994 г. № 267: с изм постановления от 18.02.2004 г. / Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 35, 5/13834.

6. Шишко, Г.Б. Правовые проблемы укрепления трудовой дисциплины на предприятии / Г.Б. Шишко // Вестник Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2000. – № 2. – С. 63–77.

7. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций: Декрет Президента Республики Беларусь, 15 дек. 2014 г., № 5 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2014. – 1/15465.

8. Положение о Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2002 г., № 1851: в ред. постановления от 4 апр. 2011 г.: с изм. от 07.05.2015 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2015. – 5/40524.

9. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 340-3: с изм. Закона от 05.01.2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2016. – 2/2353.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2016. – 2/2354.

УДК 37.014.1

*Л. А. Козыревская*

*канд. юрид. наук, доц.*

*УО «БГЭУ»*

## **ПРАВО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ВЫКУПА АКЦИЙ: СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА И ЕС**

В настоящей работе предпринята попытка средствами компаративистики проанализировать один из наиболее действенных институтов защиты прав миноритарных акционеров – институт выкупа акций в России, Беларуси Казахстана, а также провести сопоставление с общеевропейской традицией

в данной сфере.

In the present work an attempt has been made by means of comparative studies to analyze one of the most effective institutions for the protection of the rights of minority shareholders – Institute the redemption of stock in Russia, Belarus, Kazakhstan, as well as a comparison with the European tradition in this field.

**Введение.** Корпоративные отношения, как отношения системно-организационного характера, складывающиеся в рамках организаций коллективного типа, с учетом особенностей исторического развития государственности в XX веке на территории постсоветских государств, к которым, собственно и относятся Беларусь, Казахстан и Россия, являются относительно новыми для нашей правовой науки. Развитие интеграционных процессов актуализирует проблему сопоставимости законодательных решений, как в отношениях отдельных государств, так и в рамках надгосударственных образований. Поэтому анализ отдельных правовых институтов под углом зрения возможности их гармонизации представляет несомненный интерес. С другой стороны, опыт правового регулирования акционерных отношений в ЕС, несомненно, больше, что позволяет проводить отдельные, апробированные заимствования, в том числе дает возможность избежать ошибочных подходов.

**Основная часть.** В последнее время в русскоязычных публикациях по корпоративному праву активно обсуждается проблема защиты прав участников организаций корпоративного типа. При этом существующие подходы к данной проблеме условно можно разделить на две группы: во-первых, рассмотрение данной проблемы исключительно в плоскости гражданского права, а, во-вторых, использование комплексного подхода, выходящего за пределы частноправовой проблематики. Первый подход базируется на тезисе о гражданско-правовой природе корпоративных отношений. Соответственно разрешение отмеченной проблемы, опираясь исключительно на систему способов защиты, закрепленных в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь и соответственно – в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и ч. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Республики, а также в иных статьях Гражданского кодекса служит дополнительным доказательством основного тезиса: корпоративные права, а соответственно, и права акционера суть часть предмета гражданского права [1]. Сторонники второй позиции делают упор на специфике прав участников корпоративных объединений и, поэтому выделяют особые способы защиты, присущие только выделенной сфере общественных отношений [2, с. 588]. В качестве одного из таких способов защиты рассматривается принудительный выкуп акций. Поэтому ис-

следование данного института представляет как теоретический интерес, поскольку позволяет разрешить вопрос о средствах, формах и правовой природе защиты прав акционеров, а в конечном итоге – выявить специфику корпоративных отношений как объекта правового регулирования. С другой стороны – выкуп акций представляет собой способ разрешения корпоративных конфликтов, и в этом смысле имеет большое практическое значение.

Традиционно в научных исследованиях право принудительного выкупа акций анализируется применительно к механизму вытеснения миноритариев владельцами крупных пакетов акций [3, 4]. Суть такого акта заключается в возложении на покупателя обязанности предложить сделку купли-продажи, а в предусмотренных законом случаях – совершить ее при жестком нормировании, результатом чего будет прекращение корпоративных отношений. Сходными характеристиками обладает и сделка по выкупу акций обществом по требованию акционеров, хотя и является, если так можно выразиться, противоположно направленным действием: договор купли-продажи заключается по требованию продавца. Общим для указанных ситуаций является отступление от основополагающих начал гражданского права: принципов равенства участников, свободы договора, неприкосновенности собственности. Соответственно нормативное обеспечение прав субъектов таких отношений должно строиться в рамках единого правового механизма, что позволяет рассматривать данные явления в составе одного правового института.

Хозяйственная стратегия акционерного общества предопределяется соотношением позиций отдельных акционеров и возможностями последних непосредственно влиять на принимаемые решения, что в свою очередь зависит от сложившихся пропорций в распределении акций. Для того чтобы оперативно реагировать на изменения экономической ситуации необходимо эффективное руководство и мобильность администрирования. В условиях большого числа акционеров и сосредоточенности акций среди мелких (миноритарных) держателей добиться высокого уровня управляемости вряд ли возможно, с другой стороны – в такой ситуации происходит ослабление корпоративного контроля и в хозяйственной политике общества начинают превалировать интересы менеджмента, а не акционерных собственников. Таким образом, концентрация капитала есть вполне закономерный, объективно обусловленный процесс. При этом высокая степень концентрации, когда в одних руках сосредотачивается контрольный пакет акций, ставит перед акционерами, не имеющими возможность, в силу незначительности принадлежащего им числа акций, реально участво-

вать в управлении компанией вопрос о целесообразности сохранения в дальнейшем статуса акционера в отношении данной организации. Отсутствие по тем или иным причинам спроса на акции данного общества может сделать их (акционеров) заложниками ситуации. По сути, будет нарушен один из основополагающих частнопрововых принципов – принцип автономии воли: инвестор вынужден (пусть даже весьма незначительно) финансово участвовать в организации, которая действует в разрез с его устремлениями. Институтом, призванным разрешить такую коллизию выступает выкуп акций, не случайно рассматривающийся в европейской традиции в рамках слияний и поглощений компаний [5].

В Российской Федерации законодателем установлено несколько пороговых значений размера пакета акций, принадлежащего одному лицу (либо совместно с аффилированными лицами), определяющих условия выкупа акций, круг управомоченных лиц и порядок определения условий такой сделки. В частности, различается правовой режим предложений о выкупе акций лицом, которое намерено приобрести 30 и более процентов акций; лицом, которое уже приобрело 30 и более процентов; лицом, которое стало владельцем 95 % акций. В первом случае субъект вправе направить добровольное предложение о приобретении акций, в котором определяет вид, количество и цену приобретаемых акций [6, ст. 84.1]. С точки зрения сущности гражданского оборота данная ситуация не выходит за пределы общеправового режима. Акционеры, к которым обращено предложение совершенно свободны в решении о его принятии, точно также свободен и покупатель. Однако выкуп запланированного акционерного пакета приведет к значительному перераспределению возможностей по корпоративному контролю, что учтено законодателем путем возложения на покупателя обязанности в течение 35 дней с момента внесения соответствующей приходной записи по лицевому счету (счету депо) направить владельцам остальных акций соответствующих категорий предложение о покупке. При этом в содержание обязательного предложения могут (но не должны) указываться планы покупателя относительно общества и его работников [6, ст. 84.2]. Таким образом, уже на этом этапе концентрации капитала мелкие инвесторы могут осознанно принять решение о сохранении или отказе от членства в акционерном обществе.

В соответствии с законом Республики Казахстан «Об акционерных обществах» установлен порядок сходный описанному [7, ст. 25]. Введение такого института вполне отвечает требованиям тринадцатой Директивы ЕС 2004/25/ЕС о приобретении контролирующего уча-

стия, в соответствии с которой с целью защиты прав миноритарных акционеров устанавливается, что при приобретении контролирующего участия в компании соответствующее лицо должно внести предложение (соответственно добровольное или обязательное) о покупке акций публичных компаний по справедливой цене. В качестве гарантий прав миноритарных акционеров Директива закрепляет ряд правил, которые могут быть расширены или изменены в национальных законодательствах [5]. Интересно в этой связи провести сопоставление с соответствующими положениями законодательств России и Казахстана. Так, к числу таких гарантий относятся: 1) установление справедливой цены покупки, путем закрепления порядка ее расчета (Россия – средневзвешенная цена или рыночная стоимость определенная оценщиком; Казахстан – рыночная стоимость, определенная оценщиком с учетом закрепленных в законе факторов); 2) информационная открытость (Россия – направление публичной оферты в общество с обязанностью известить Центральный банк; Казахстан – опубликование предложения в СМИ, в том числе на корпоративном веб-сайте); 3) регламентация сроков на принятие заявки (30 дней – в Казахстане; от 70 до 80 дней – в России); 4) организация контроля со стороны уполномоченного государственного органа (согласование условий выкупа с банком России; в Казахстане специальные правила отсутствуют, но компенсируются правом на обращение в суд с заявлением о понуждении приобретения акций на условиях предложения); 5) ограничение права на управление (запрет голосовать акциями, превышающими 30 % до реализации обязательно предложения (за некоторыми законодательно установленными исключениями) – в России; обязанность при несоблюдении установленного порядка выкупа акций – произвести отчуждение части акций, превышающих 29 % – в Казахстане); 6) компенсация убытков (установлено в Казахстане; в России отсутствует, но компенсируется требованием об обязательной банковской гарантии); 7) действия организационно-запретительного характера со стороны самого общества (в России – оценка предложения и разработка рекомендаций акционерам, желающим продать свои акции, установление особого порядка совершения некоторых сделок на период рассмотрения и реализации предложения; в Казахстане отсутствует). Таким образом, содержание рассматриваемого института, по крайней мере, формально в Российской Федерации и Республике Казахстан вполне соответствует нормативной практике Европейского Союза.

В Республике Беларусь комплексное регулирование выкупа акций мажоритарным акционером отсутствует. Имеются отдельные нормы, которые по мысли законодателя, должны выполнить обеспечитель-

ную функцию. В частности, законом «О рынке ценных бумаг» подробно закреплена информационная обязанность лица, приобретающего значимые пакеты акций одного эмитента [8, ст. 58]. При этом раскрывать информацию необходимо о сделках, в результате которых у данного лица окажется 5, 10, 15 и т. д. процентов акций одного эмитента. Сама процедура раскрытия информации предполагает уведомление эмитента этих акций, государственный орган, осуществляющий регулирование на рынке ценных бумаг, организаторов торгов, допустивших эти акции к торгам. А если приобретаемый пакет акций составляет 50 и более процентов раскрытию подлежат персональные данные о покупателе. Обращает на себя внимание, что белорусский законодатель, в отличие от российского и казахского не определяет, какие конкретно данные должны содержаться в уведомлении о покупке значимого пакета акций. Содержание информационного сообщения уточняется соответствующим государственным органом. А перечень адресатов позволяет заключить, что информирование осуществляется, прежде всего, с целью административного контроля, ибо какая-либо обязанность у приобретателя таких пакетов акций по отношению к иным акционерам отсутствует.

Дополнительные обязанности налагаются белорусским законодательством на лицо, желающее приобрести 50 и более процентов акций (при этом, правда, не устанавливается каких, ибо, например, режим привилегированных кумулятивных акций в Российской Федерации, как не дающих права голоса, не предусматривает соблюдения специального порядка их покупки). В частности, в этом случае информацию о покупке следует разместить и на едином информационном ресурсе рынка ценных бумаг, а также опубликовать в СМИ [8, ч. 4 ст. 58]. А цена такой сделки будет определяться как наибольшая исходя из максимальной цены, уплаченной заинтересованным лицом за простые акции этого эмитента в течение 6-ти месяцев, предшествующих раскрытию информации или средневзвешенной цены, определяемой за каждый из 6 предшествующих месяцев, рассчитанной по результатам торгов на фондовой бирже. Такую лаконичность в нормативном подходе можно объяснить закреплением в качестве единственно возможной (за небольшим исключением) формы обращения акций открытого акционерного общества – организованного рынка. В силу указанного требования все сделки с ценными бумагами осуществляются в условиях многоуровневого контроля: государственного, биржевого, общественного в лице самоуправляемых организаций. При этом государством обеспечивается защита прав инвесторов как участников рынка ценных бумаг (т.е. права на ценную бумагу), но игнорируются

права мелких акционеров в корпоративных отношениях. Безусловно, получив информацию о концентрации капитала, такой акционер может выставить на продажу принадлежащие ему акции, но, во-первых, это будет сделано на «общих основаниях» (с обращением к профессиональному участнику рынка ценных бумаг и оплатой его услуг), а во-вторых, в условиях возможного массового предложения акций этого эмитента другими мелкими держателями, что приведет к падению биржевой цены. Кроме того, белорусским законодателем не учтена возможность консолидации акций у аффилированных с данным покупателем лиц, что дает возможность приобрести, предположим 2-мя лицами в совокупности 98 % акций, обойдя установленные императивные требования относительно ценообразования на пакет от 50 % процентов. Причем нужно иметь в виду, во время продажи акций мажоритарным акционером могут быть инициированы и реализованы значимые корпоративные решения: о совершении крупных сделок, реорганизации и т. д. В последнем случае белорусский законодатель в качестве средства разрешения корпоративного конфликта предусматривает выкуп акций обществом по требованию акционера. Иными словами, белорусский законодатель вводит механизм защиты от последствий утраты корпоративного контроля, отказываясь от возможности принятия превентивных акций. Закреплен такой механизм и в России, и в Казахстане.

В законодательстве трех рассматриваемых государств в качестве оснований для предъявления требования акционера о выкупе обществом принадлежащих ему акций закрепляется факт принятия решений общим собранием по вопросу реорганизации, совершения крупной сделки, внесения изменений в устав, ограничивающих права данных акционеров [9, ч.1 ст. 78; 6, п. 1 ст. 75; 7, п. 1 ст. 27]. Однако в Российской Федерации и Казахстане помимо указанных к возможным причинам заявления подобного требования относится решение о листинге (делистинге) акций общества, а в России – дополнительно аналогичное значение имеют и решения об отказе от статуса публичного общества [6, п. 3 ст. 7.2; ]; о делистинге ценных бумаг, конвертируемых в акции этого общества [6, подп. 19.1 п. 1 ст. 48]; а акционеры, владельцы привилегированных акций непубличного акционерного общества, предоставляющих право голоса в соответствии с уставом – в случае внесения изменений в устав [6, п. 1.1 ст. 75]. Таким образом, и в данном случае сравнение явно не в пользу Республики Беларусь. И если относительно решений о листинге (делистинге) можно указать, что акции открытых акционерных обществ подлежат обязательному обращению на биржевом рынке и, следовательно, вопрос о

их допуске к биржевым торгам находится вне пределов компетенции общества, то проблема изменения видовой характеристики общества актуальна и для Беларуси. В действующем белорусском законодательстве отсутствует деление акционерных обществ на публичные и непубличные, но с определенной долей огрубления отечественную классификацию на открытые и закрытые акционерные общества можно признать его аналогом. Квалификация акта смены статуса открытого акционерного общества на закрытое и наоборот вызывает вопрос. В соответствии с ч. 4 ст. 89 закона «О хозяйственных обществах» к реорганизации буквально отнесены преобразования акционерного общества в общество с ограниченной ответственностью, общество с дополнительной ответственностью, хозяйственное товарищество, производственный кооператив или унитарное предприятие [9]. Аналогичная норма содержится и в Гражданском кодексе Беларуси [10, ст. 104]. Однако далее говорится, что при реорганизации акционерного общества в форме преобразования в иной вид акционерного общества его акции аннулируются. Кроме того, ст. 65 Гражданского кодекса допускает преобразование хозяйственных обществ и товариществ не только в другую форму, но и вид. С учетом последних положений можно признать изменение вида акционерного общества формой реорганизации и сделать вывод о возможности требования выкупа акций обществом и в такой ситуации. Хотя, надо признать, этот вывод неочевидным и при требующим применения расширительного толкования. Полагаем, что законодателю следовало бы более однозначно выразить свою позицию.

**Заключение.** Проведенный анализ позволяет заключить, что законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан при наличии некоторых незначительных отличий развиваются параллельно, являются сопоставимыми и соответствуют общеевропейским подходам к регулированию права выкупа акций в условиях консолидации капитала. Республика Беларусь в этом аспекте отличается отсутствием комплексности правового регулирования, распыленностью норм по различным нормативным правовым актам и преобладанием административно-публичных механизмов в защите прав акционеров.

Институт выкупа акций мажоритарным акционером можно рассматривать и как экономический механизм концентрации капитала и решения проблемы повышения эффективности управления акционерным обществом. С другой стороны – наличие специальных гарантий, сопровождающих порядок его реализации, позволяет квалифицировать его как специальный способ обеспечения корпоративных прав миноритарных акционеров, выполняющий функцию превенции нарушения права на корпоративный контроль.

## Список использованных источников

1. Анохин, В. Теория и практика применения гражданско-правовых способов защиты прав акционеров / В. Анохин, Е. Асташкина // *Хозяйство и право*. – 2003. – № 8. – С. 54–70.
2. Долинская, В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции: монография / В. В. Долинская – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 736 с.
3. Гомцян, С. В. Приобретение крупных пакетов акций открытых акционерных обществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. В. Гомцян. – М., 2009. – 29 с.
4. Забитов, К. С. Гражданско-правовое регулирование принудительного выкупа ценных бумаг миноритарных акционеров по требованию контролирующего акционера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К. С. Забитов – М., 2012. – 28 с.
5. Directive/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on takeover // Mode of access: [http://ec.europa.eu/internal\\_market/company/docs/takeoverbids/COM2012\\_347\\_en.pdf](http://ec.europa.eu/internal_market/company/docs/takeoverbids/COM2012_347_en.pdf). – Date of access: 15.03.2016.
6. Об акционерных обществах: Федер. закон Рос. Федерации, 26 дек. 1995 г., № 208-ФЗ: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 29.12.2015 г. // Консультант Плюс: Версия Проф.. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016 г.
7. Об акционерных обществах: Закон Респ. Казахстан, 13 мая 2003 г. № 415 : в ред. Закона от 01.03.2016 г. // ИПС «Әділет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/>. – Дата доступа: 09.03.2016.
8. О рынке ценных бумаг: Закон Респ. Беларусь, 15 янв. 2015 г. № 231-3 // Консультант Плюс: Версия Проф.. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016 г.
9. О хозяйственных обществах: Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г. № 2020-ХІІ: в ред. Закона от 15.07.2015 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: текст по состоянию на 01 марта 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК: 349.222

**И. В. Колодинская**  
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

## КОНТРАКТ КАК ВИД СРОЧНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Рассматривается действующее законодательство о заключении трудового договора нанимателя с работником, а именно срочного трудового договора. Основное внимание уделено нормам, регулирующим процедуру заключения такого вида срочного договора как контракт. Приводится анализ института срочного трудового договора, правового регулирования процедуры его заключения и практических проблем реализации.

Reviews the current legislation on the labour contract of the employer with the employee, namely fixed-term employment contract. Focuses on the norms regulating the procedure of detention of such term of the agreement as a contract. The analysis Institute fixed-term employment contract, legal regulation of the procedure of its conclusion and practical problems of implementation.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее ТК) трудовой договор – это соглашение между работником и нанимателем, в соответствии с которым работник обязуется выполнять работу по определенной одной или нескольким профессиям, специальностям или должностям соответствующей квалификации согласно штатному расписанию и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу, обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, локальными нормативными актами и соглашение сторон, своевременно выплачивать работнику заработную плату [1, ст. 1].

Трудовые договоры по срокам их действия делятся на пять видов (ст. 17 ТК) и могут заключаться на:

- неопределенный срок;
- определенный срок не более пяти лет (срочный трудовой договор);
- время выполнения определенной работы;
- время выполнения обязанностей временно отсутствующего работника, за которым в соответствии с Кодексом сохраняется место работы;
- время выполнения сезонных работ.

Трудовой договор, заключенный на определенный срок, называют срочным трудовым договором. Максимальная продолжительность срочного трудового договора ограничена сроком не более пяти лет (п. 2 ст. 17 ТК) [1].

Наиболее распространенным видом трудового договора является трудовой договор на неопределенный срок. Именно данный вид дого-

вора законодатель поставил на первое место. Его иногда называют бессрочным трудовым договором, поскольку при его заключении не указывается срок, на который он заключен. Такой договор более выгоден работнику, поскольку обеспечивает стабильность трудовых отношений. В законодательстве отсутствует требование об обязательном указании в трудовом договоре о том, что он заключен на неопределенный срок. Если в трудовом договоре не оговорен срок его действия, договор считается заключенным на неопределенный срок. Такой договор может быть по требованию работника расторгнут в любое время с соблюдением предусмотренных трудовым законодательством правил (предупреждение нанимателя письменно за один месяц [2, с. 73]).

Срочный трудовой договор заключается в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, а также в случаях, предусмотренных ТК. Контракт является разновидностью срочного трудового договора, заключаемого в письменной форме на определенный срок и содержащий особенности по сравнению с общими нормами законодательства о труде [3].

Контрактная форма найма в республике применяется на протяжении более 10 лет на основании Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 года № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» (далее – Декрет №29). Контракт предусматривает как дополнительную ответственность сторон за выполнение оговоренных в нем условий, так и стимулирует работника к надлежащему выполнению своих обязанностей. Таким образом, введение контрактной формы найма направлено, прежде всего, на обеспечение дисциплины и порядка на производстве, повышение индивидуальной ответственности сторон и в конечном итоге – на повышение результативности и стабильности производственных процессов [4].

Контракт отличается от обычного трудового договора следующими признаками.

Во-первых, он всегда заключается на определенный срок, тогда как трудовой договор может заключаться и на неопределенный срок.

Во-вторых, трудовой контракт содержит особенности по сравнению с общими нормами законодательства о труде. Эти особенности могут как улучшать, так и ухудшать правовое положение работника по сравнению с общими нормами законодательства о труде.

В-третьих, контракт предусматривает, что работнику выплачивается минимальная компенсация за ухудшение его правового положения при досрочном расторжении контракта из-за невыполнения или ненадлежащего выполнения его условий по вине нанимателя [5, с. 146].

На сегодняшний день существуют различные мнения о соотношении трудового договора и контракта:

– Понятия «трудовой договор» и «контракт» являются синонимами, т. е. тождественны (К.Л. Томашевский). В качестве обоснования указывалось, во-первых, на отсутствие в законодательстве дифференциации их правового регулирования; во-вторых, на возможность их заключения как на срок, так и бессрочно; в-третьих, на то, что в трудовом договоре, и в контракте можно лишь улучшать правовое положение работника [6, с. 23].

– Контракт – это разновидность срочного трудового договора (В. И. Никитинский, Ю. П. Орловский, Н. Чернолуцкая). Представители этого подхода основное отличие контракта от обычного трудового договора усматривают в срочном характере первого, тогда как трудовой договор может быть и бессрочным. В. И. Никитинский видит специфику контрактов также в разграничении последних с договорами (соглашениями) о труде (о переводе, об отзыве из отпуска и т. п.), в исключительно письменной форме контрактов и обязательном содержании в них дополнительных (факультативных) обязательств. Указывая на то, что контракт – это «особый вид срочного трудового договора», автор отмечает в то же время, что срочные трудовые договоры заключаются чаще всего в тех случаях, когда сама работа носит временный характер, тогда как контракты – «для выполнения работы, имеющей постоянный или во всяком случае длительный характер». Ю. П. Орловский подчеркивает наряду с другими отличиями и специфику правовых последствий истечения срока контракта – контракт в отличие от других срочных трудовых договоров не трансформируется в бессрочный трудовой договор, правда, по действующему законодательству как России (ч. 4 ст. 58 ТК РФ), так и Беларуси (ст. 39 ТК) правовые последствия истечения срока контракта такие же, как и в отношении срочного трудового договора – «перерастание» в трудовой договор, заключенный на неопределенный срок [7, с. 167].

– С. Ю. Головина и В. Д. Шахов, относя контракт к соглашениям о труде, подчеркивают, что контракт «в значительной степени отличается от обычного трудового договора». Уже в этом утверждении усматривается некоторая непоследовательность авторов, поскольку они противопоставляют не контракт и трудовой договор, а контракт и

обычный трудовой договор. Следовательно, контракт можно рассматривать как необычный, специфический трудовой договор.

Как мы уже говорили, контракт всегда заключается на определенный срок. В соответствии с п. 1 Декрета № 29 трудовые контракты заключаются на срок не менее 1 года. Верхние границы сроков контрактов не определены. Вместе с тем, в соответствии с п. 2 ст. 17 ТК трудовые договоры могут заключаться на определенный срок, не более пяти лет. Аналогично толкует данные нормы и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 11 Постановления № 2, согласно которому максимальный срок контракта не может превышать пятилетнего срока, установленного ст. 17 ТК для срочного трудового договора, если иное не предусмотрено законодательными актами.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что контракты должны заключаться на срок от 1 до 5 лет. На наш взгляд понятие контракта в Декрете № 29 целесообразно изложить следующим образом:

«Контракт – это срочный трудовой договор, заключаемый на срок от одного до пяти лет в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок, и содержащий особенности, предусмотренные законодательством».

По истечении максимального срока действия контракта заключается новый контракт на срок не менее одного года. Продление контракта в пределах максимального срока его действия осуществляется по соглашению сторон. На срок менее одного года контракт продлевается с письменного согласия работника, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Конкретный срок контракта определяется по соглашению сторон. Указом Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2000 г. № 180 «О порядке применения Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29» предусмотрена обязанность каждой из сторон, заключивших контракт, не позднее чем за один месяц до истечения срока его действия письменно предупредить другую сторону о решении продолжить или прекратить трудовые отношения. Если по истечении срока трудового договора (п. 2 ч. 1 ст. 17 ТК), в том числе контракта, трудовые отношения фактически продолжают и ни одна из сторон не потребовала их прекращения, то действие трудового договора считается продолженным на неопределенный срок (ст. 39 ТК). При этом продолжение трудовых отношений на условиях трудового договора, заключенного на неопределенный срок, необходимо своевременно и надлежащим образом оформить. Необходимо отметить, что увольнение после преобразования контракта в бессрочный трудовой договор

допустимо по общим основаниям, предусмотренным законодательством о труде. Основанием перевода работника на контрактную форму найма может быть наличие производственных, организационных или экономических причин для изменения существенных условий труда работника (рационализация рабочих мест, изменение техники и технологии производства, введение новых форм организации труда, создание условий экономической заинтересованности работников в результатах труда и т. д.). Порядок перевода работника на контрактную форму найма следующий. Работнику вручается письменное предупреждение о переводе на контракт с обоснованием причин и проект контракта со всеми обязательными условиями, предусмотренными Декретом № 29. Через один месяц с даты вручения проекта можно заключать контракт с работником. При отказе работника от заключения контракта, трудовой договор с ним расторгается согласно п. 5 ст. 35 ТК РБ. [4]

Инициатором расторжения контракта в связи с истечением его срока может выступать как работник, так и наниматель. При этом ни одна из сторон контракта не обязана обосновывать свое решение о непродлении трудовых отношений, равно как и другая сторона не вправе требовать такие объяснения. Обосновывается это тем, что срок контракта устанавливается работником и нанимателем по соглашению при его заключении (продлении). При наступлении даты окончания срока контракта каждая из сторон вправе прекратить трудовые отношения. Кроме того, увольнение в связи с истечением срока контракта не является основанием увольнения по инициативе нанимателя [4].

Действующее белорусское законодательство не ограничивает стороны количеством случаев перезаключения контракта. Это приводит к снижению защитной функции трудового права, недостаточной стабильности трудовых отношений. В качестве важнейшей гарантии прав работников, работающих по контракту, в Декрете № 29 целесообразно предусмотреть следующую норму:

«При неоднократном перезаключении контракта он с согласия работника преобразуется в бессрочный трудовой договор».

Трудовой контракт как особая разновидность трудового договора может быть не только заключен и изменен, но и прекращен. Специфика контракта, в отличие от обычного трудового договора, состоит в том, что он может быть прекращен как по основаниям прекращения трудового договора, установленным ТК, так и по дополнительным основаниям, предусмотренным законодательством о контрактах.

#### **Список использованных источников**

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Совет. Респ. Беларусь 30 июня 1999 г. // «ЭТАЛОН». Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2016.

2. Важенкова, Т. Н. Трудовое право Республики Беларусь: практ. пособие / Т. Н. Важенкова. – Мн. : УП «Молодежное», 2003. – С. 73–74.

3. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины: декрет Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г., № 29 // Национальный реестр правовых актов. – 1999. – № 29. – 1/512.

4. БЕЛТА. Всё о контрактах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belta.by/onlineconference/view/vse-o-kontraktah-579>. – Дата доступа : 14.03.2016.

5. Томашевский, К. Л. Трудовые контракты. Заключение, продление и прекращение (с учетом Указа Президента Республики Беларусь от 23 августа 2005 г., № 392) / К. Л. Томашевский, А. А. Войтик. – Мн. : Дикта, 2006. – 146 с.

6. Томашевский, К. Л. Актуальные вопросы изменения трудового договора / К. Л. Томашевский // Вестник БДУ. Сер. 3. – 1999. – № 3. – С. 23–25.

7. Гусов, К. Н. Трудовое право: учеб. пособие / К. Н. Гусов, В. Н. Толкунова. – М. : Юристъ, 2001. – 167 с.

УДК 334.735:347.7

**Ж. Ч. Коновалова**

*канд. юрид. наук, доц.*

*УО «БТЭУ потребительской кооперации»*

## **О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА**

В статье анализируются особенности правовой природы потребительского общества и обосновывается отнесение данного юридического лица к кооперативам смешанного типа.

The article analyzes features of legal nature of cooperative society, as well as grounds attribution of given legal body to cooperative society of a mixed type.

### **Введение**

Научному анализу традиционно подвергаются правовые аспекты функционирования системы потребительской кооперации в целом. Вместе с тем, важным представляется вопрос о правовом статусе потребительского общества, который в отечественной юридической литературе раскрыт недостаточно полно.

Не в полной мере разработаны вопросы правового статуса потре-

бительского общества как самостоятельного субъекта гражданского права, формирования и развития его как организационно-правовой формы юридического лица, организации управления потребительским обществом в современных условиях, роли пайщиков в управлении деятельностью потребительского общества.

В Беларуси пока недостаточно внимания уделяется проблемам реализации прав участников некоммерческих организаций в целом и потребительских обществ в частности.

Потребительское общество в Республике Беларусь представляет собой разновидность юридических лиц и в таком качестве является самостоятельным субъектом гражданского права. Правовая природа потребительских обществ в действующем законодательстве Республики Беларусь определяется отнесением их к группе некоммерческих организаций – потребительских кооперативов (п. 6 ст. 116 Гражданского кодекса Республики Беларусь – (далее по тексту – ГК)). ГК требует обязательного использования в наименовании потребительского кооператива понятий «кооператив», «потребительский союз» либо «потребительское общество» (п. 3 ст. 116), ставя между этими понятиями знак равенства. Вместе с тем, выделение потребительского общества из числа потребительских кооперативов произведено в Законе Республики Беларусь от 25 февр. 2002 г., № 93-3 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Республике Беларусь» (далее по тексту – Закон о потребительской кооперации), где указано, что использование термина «потребительское общество» в наименовании других потребительских кооперативов запрещается.

На наш взгляд, соотношение понятий «потребительский кооператив» и «потребительское общество» требует уточнения, поскольку юридические лица, в названии которых присутствуют эти понятия, могут преследовать различные цели и иметь в корне различающие принципы управления.

Основная часть.

В действующем законодательстве закреплено определение потребительского кооператива: «добровольное объединение граждан и юридических лиц на основе членства с целью удовлетворения материальных (имущественных) и иных потребностей участников, осуществляемое путем объединения его членами имущественных паевых взносов» (п.1 ст. 116).

В свою очередь, потребительское общество – добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц в форме потребительского кооператива с целью удовлетворения их материальных (имущественных) и иных потребностей, осуществляемое путем объединения

его членами имущественных паевых взносов (ст. 1 Закона о потребительской кооперации).

Признаки потребительского общества как разновидности юридических лиц целесообразно рассматривать с учетом общих признаков кооператива.

Основным приемом определения любого понятия в науке является использование ближайшего родового и видового отличия [1, с. 89]. Как род и вид соотносятся, например, понятия юридическое лицо и кооператив, кооператив и потребительский кооператив. Такой подход позволяет выделить черты, свойственные любой кооперативной организации, и на этой основе анализировать признаки потребительского общества, необходимые для того, чтобы сформулировать его определение, отграничить его от других кооперативов (в т. ч. и потребительских).

Надо также отметить, что указанный подход избран законодателем в отношении правового регулирования деятельности хозяйственных товариществ и обществ в § 2 гл. 4 ГК как группы юридических лиц, обладающих сходными чертами, при всем различии их организационно-правовых форм. Организационно-правовые формы конкретных кооперативов могут относиться к коммерческим (производственные кооперативы) или некоммерческим (потребительские кооперативы) юридическим лицам.

Однако исследователи обращают внимание на неопределенность и условность такого деления юридических лиц [2, с. 6], особенно применительно к кооперативам [3, с. 77; 4, с. 6–7]. Получение прибыли в качестве основной цели всегда противопоставляется основной цели кооператива – удовлетворению потребностей своих членов. Именно общность черт всех кооперативов объективно требует отражения в действующем законодательстве.

На наш взгляд, требует отражения в законодательстве характеристика любого кооператива как добровольного объединения физических и (или) юридических лиц на основе специфических принципов, определяющих кооперативный характер деятельности создаваемой организации, которые зафиксированы в Декларации о кооперативной идентичности, принятой на XXXI Конгрессе Международного кооперативного альянса (Манчестер, 1995 г.). С учетом изложенного, можно предложить следующее определение кооператива для включения в ГК Республики Беларусь: это объединение физических и (или) юридических лиц на основе членства, самостоятельности, добровольности, открытости, равноправия с целью осуществления своих экономических и социальных интересов путем объединения имуще-

ственных (паевых) взносов и организации совместной деятельности, предусмотренной уставом.

Представляется, что существование общей формулировки кооператива не исключает необходимости отражения в законодательстве специфики отдельных типов и видов кооператива. Включение в действующее законодательство такого определения соответствует требованиям, предъявляемым к нормативным документам, признанию самостоятельности данной формы юридических лиц, и характеризует системный подход к указанному объединению лиц.

Принято выделять три типа кооперативов в зависимости от сферы их деятельности: производственные (основная сфера их деятельности – производство материальных благ или услуг); потребительские (основная функция – потребление товаров или услуг); смешанные или многоуровневые (в них нет явно преобладающих функций) [5, с. 94–95]. Типы кооператива с точки зрения их отражения в действующем законодательстве – производственные (ст. 107–112 ГК) и потребительские (ст. 116 ГК) – рассматриваются в качестве самостоятельных организационно-правовых форм юридических лиц.

В законодательстве не выделен смешанный тип кооператива, что нельзя признать правильным, так как сведение всего многообразия кооперативных форм хозяйствования к двум типам кооперативов не в полной мере способствует их развитию.

Кооперативы делятся на виды по разным классификационным критериям: местонахождению (городские и сельские), отраслевой принадлежности (сельскохозяйственные, строительные, транспортные, кредитно-банковские и др.). Указанные классификационные критерии принимаются во внимание при правовом регулировании деятельности кооперативов в разных странах.

Видовое деление кооперативов в отечественном законодательстве в целом осуществляется на основе отраслевого подхода, отражающего предметный характер деятельности кооперативов. В настоящее время выделен примерный перечень потребительских кооперативов: жилищные, жилищно-строительные, гаражные кооперативы, потребительские общества, которые отнесены к видам потребительских кооперативов (ч. 6 ст. 116 ГК), а в Законе о потребительской кооперации они названы специализированными кооперативами (ч. 2 ст. 2).

Однако специфика предметного характера деятельности потребительского общества отнюдь не вытекает из его названия, как это происходит с другими видами потребительских кооперативов.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в действующем

в Беларуси законодательстве не в полной мере используется общепринятая классификация кооперативов, что оказывает негативное влияние на развитие указанной формы юридических лиц. Можно констатировать необходимость адекватного отражения в законодательстве Республики Беларусь научных подходов к типологии кооперативов, в частности, допуская возможность существования кооперативов смешанного типа.

Представляется, что потребительское общество по предмету своей деятельности относится к кооперативам смешанного типа. В пользу этого утверждения можно привести следующие аргументы.

Особенности потребительского общества связаны с целью и предметом его деятельности, ее направленностью не только на обеспечение интересов своих членов (как в классическом потребительском кооперативе), но и на удовлетворение потребностей населения страны. Целью любого кооператива является реализация экономических интересов его членов. У потребительского общества объективно сформировалась еще одна цель – получение прибыли, так как без нее невозможно решение стоящих перед потребительской кооперацией задач. Анализ задач потребительской кооперации, приведенных в Законе о потребительской кооперации Республики Беларусь (ст. 2), показывает, что они могут быть реализованы через участие не просто в хозяйственной, а именно в предпринимательской деятельности.

Характеризуя предмет и цели деятельности потребительского общества, следует учитывать, что потребительская кооперация уже давно обслуживает не только своих членов, но и все сельское, а частично и городское население. Это обстоятельство нашло отражение и в Законе о потребительской кооперации (ст. 1). Эта же цель зафиксирована в действующих редакциях уставов потребительских обществ Беларуси.

Следует отметить, что при таких же целях потребительского общества, в Российской Федерации пайщик определяется как социальная основа потребительской кооперации, наличие у него преимуществ по сравнению с населением (т. е. клиентами потребительских обществ) более очевидно, чем в Беларуси. Представляется, что для развития потребительской кооперации в Беларуси включение в законодательство положений о формах участия в хозяйственной деятельности, конкретных преимуществах членов потребительского общества вполне оправдано и целесообразно.

Таким образом, исходя из предмета деятельности потребительского общества в современных условиях, можно говорить о его преобразовании в кооператив смешанного типа. Как уже отмечалось, типы

кооператива по действующему в Беларуси законодательству, представляют собой самостоятельные организационно-правовые формы юридического лица.

По нашему мнению, особенностью потребительских обществ является и то, что в соответствии с действующим в Беларуси законодательством они образуют систему, вне которой в настоящее время их деятельность практически невозможна. Потребительская кооперация определяется как система потребительских обществ (ст. 1 Закона о потребительской кооперации Республики Беларусь), а потребительское общество – как «основное звено» потребительской кооперации (ст. 6). Как уже отмечалось, использование наименования «потребительское общество» в названии другого юридического лица не допускается.

Из сказанного следует вывод о том, что потребительское общество действует только в совокупности с другими организациями потребительской кооперации. Важно также отметить, что может существовать несколько кооперативных систем (если позволяют географические, экономические и другие факторы), не обязательно охватывающих территорию всего государства.

В Республике Беларусь в целом сохранена действовавшая в советское время модель потребительской кооперации, согласно которой, потребительские общества, образованные по территориальному признаку, объединены в областные союзы потребительских обществ. Вместе с тем, в настоящее время при реформировании потребительской кооперации, в Гродненской области создано областное потребительское общество.

Согласно Закону о потребительской кооперации, потребительское общество не может не быть членом союза потребительских обществ; в противном случае оно не может так называться и заниматься той деятельностью, которая предписана для него в законе. Принцип добровольности объединения в союзы можно рассматривать лишь с оговоркой, что у потребительского общества есть право выбирать, в какой союз оно может вступить. Вместе с тем, в настоящее время в силу ряда причин территориальный признак организации потребительских обществ в Беларуси обусловлен административно-территориальным делением государства, что не позволяет в полной мере реализовать отмеченное право. Все организации потребительской кооперации (в том числе и потребительские общества) подотчетны как своему высшему органу управления, так и вышестоящему союзу, что обуславливает устойчивость и единство всей кооперативной системы» [6, с. 5–6].

Системный характер деятельности потребительской кооперации обуславливает также особенности формирования имущественных

фондов потребительского общества и распоряжения ими. Своеобразие правового режима имущества потребительского общества связано с тем, что оно формируется из вступительных и паевых взносов членов общества. Правовое положение этой части имущества определяет правовое положение члена потребительского общества.

Можно отметить, что в отношении производственного кооператива в законодательстве зафиксировано, что его имущество делится на пай членов этого кооператива (ст. 109 ГК). Относительно потребительских кооперативов пай как правовое явление в ГК (ст. 116) не упоминается. Действующее законодательство о потребительской кооперации, к которому отсылает ГК, также не содержит понятия «пай». Применительно к жилищно-строительным кооперативам в законодательстве отмечено, что пай члена такого кооператива должен соответствовать стоимости квартиры.

Член потребительского кооператива вправе выйти из кооператива и получить стоимость своего пая. При выходе же из потребительского общества возврату подлежит не пай, а паевой взнос (ч. 3 ст. 14 Закона о потребительской кооперации). При этом порядок его возврата должен быть определен в уставе потребительского общества.

В Законе о потребительской кооперации не используется термин «пайщик» применительно к членам потребительского общества. Это можно объяснить особым правовым режимом паевого фонда общества, который состоит не из паев, а из паевых взносов (ст. 25 Закона о потребительской кооперации) и отличается от правового режима имущества других потребительских кооперативов.

Особенностью правового режима имущества потребительского общества следует считать и установленное в Законе о потребительской кооперации (ч. 2 ст. 41) правило о том, что при ликвидации потребительского общества имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов, передается другим потребительским обществам либо их союзу, а не распределяется между членами потребительского общества.

С учетом изложенного, можно констатировать, что правовой режим паевых взносов членов потребительского общества отличается от правового режима паевых взносов в других потребительских кооперативах.

Законодательство предусматривает территориальный, производственный или иной принципы создания потребительского общества (ст. 7 Закона о потребительской кооперации). Вместе с тем в наименовании потребительского общества обязательно указание территории (а точнее – района) его нахождения (ст. 5 Закона о потребительской кооперации), что приводит к организации потребительских об-

ществ исключительно по территориальному принципу, поскольку на территории района может быть создано только одно юридическое лицо, именуемое «районное потребительское общество».

Отмеченное обстоятельство также можно считать особенностью потребительского общества.

#### Заключение

Рассмотрев характерные черты потребительского общества, следует отметить, что из числа потребительских кооперативов оно выделяется следующими признаками:

- обеспечение экономических и социальных интересов своих членов, а также обслуживаемого населения посредством осуществления предпринимательской деятельности;
- включение потребительского общества в систему организаций потребительской кооперации;
- территориальный характер деятельности;
- специальный порядок формирования имущественных фондов и распоряжения ими – с учетом полномочий вышестоящих кооперативных структур (союзов потребительских обществ);
- формальные признаки, требуемые законодательством для указанной организации: минимальное число учредителей (не менее 3), специальное наименование.

Потребительское общество по своим отмеченным признакам выделяется из числа потребительских кооперативов и может быть отнесено к кооперативам смешанного типа, что обуславливает необходимость соответствующего уточнения нормативных предписаний, сформулированных в отечественном законодательстве.

#### Список использованных источников

1. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Совет. энцикл., 1983. – 840 с.
2. Слугин А. А. Гражданская правосубъектность юридических лиц: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / Акад. права и упр. Минюста России.– Краснодар, 2003.– 24 с.
3. Абова Т. Е. Производственные кооперативы в России. Правовые проблемы теории и практики // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 71–83.
4. Тычинин С. В. Потребительская кооперация с позиций гражданского права // Юрист. – 2003. – № 8. – С. 6–10.
5. Макаренко А. Н. Теория и история кооперативного движения: учеб. пособие для студентов высш. и средн. кооп. учеб. заведений.– М.: ИВЦ «Маркетинг», 1999. – 328 с.

6. Козыревская Л. А. Гражданско-правовой статус организаций потребительской кооперации в Республике Беларусь: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / Белорус. гос. экон. ун-т.– Минск, 2003. – 19 с.

УДК 341.215.43

***Н. В. Копыткова***

*канд. юрид. наук, доц.*

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

***В. Г. Скуратов***

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННОГО ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

В статье анализируется первичное и вторичное право ЕС, а также программные и иные документы ЕС в области миграции; анализируются вопросы правового регулирования въезда и пребывания в ЕС граждан третьих стран, в том числе, беженцев; определены особенности визовой политики ЕС; выявлены актуальные проблемы, тенденции и перспективы развития миграционного права ЕС.

The article analyzes the primary and secondary EU law, as well as software and other EU instruments in the field of migration; analyzes the issues of legal regulation of entry and residence in the EU of third country nationals, including refugees; the features of the visa policy of the EU; identified current issues, trends and prospects of development of EU immigration law.

Миграция в современном мире – составная часть глобальных процессов и одновременно продукт глобализации. В условиях глобализации происходит стремительное перемещение не только капиталов, но и людей. Невиданные ранее потоки мигрантов из стран со слаборазвитой или кризисной экономикой в поисках лучшей жизни устремляются в благополучные государства.

В отличие от США, где само по себе формирование государства предполагало массовую иммиграцию населения, в Европе миграционный процесс набрал силу сравнительно недавно. Трудовые ресурсы многих европейских стран в течение многих лет пополнялись и пополняются за счет трудовых иммигрантов. Но в настоящее время миграция из области социально-экономического и культурного феномена Европы переходит в разряд политической проблемы [1].

Актуальность исследования миграционного права на уровне Евро-

пейского Союза (далее – ЕС) обусловлена акцентированием внимания международной общественности на проблематике прав человека, к которым, безусловно, относится право свободного передвижения и необходимость анализа миграции с учетом степени ее воздействия на другие сферы общественных отношений.

В исследовании Международного валютного фонда (МВФ), со ссылкой на данные ООН, сообщается, что в 2014 году в мире насчитывалось 60 миллионов человек, переместившихся, снявших со своих мест обитания. Из них 19,5 миллионов стали беженцами. В 2014 году границы стран-членов Евросоюза пересекли около 280 тысяч мигрантов. Более 500 тысяч мигрантов прибыли к границам стран-членов ЕС с начала 2015 года, в августе на территорию европейского блока приехали рекордные 156 тысяч человек [2].

Согласно прогнозам МВФ к концу 2017 года в Европу придут четыре миллиона мигрантов, если начинать считать с 2015 года в среднем по 1,3 миллиона человек в год [3]. Причинами такого количества беженцев и мигрантов в ЕС является продолжающийся конфликт в Сирии, действия ИГИЛ в регионе Ближнего Востока, вооруженные столкновения в Афганистане, насилие в Эритрее, а также бедность в Косово. Указанные регионы являются основными «поставщиками» мигрантов в ЕС [4, с. 10].

К международным документам стран-членов Совета Европы, связанным с миграционными процессами, относятся: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейская социальная хартия 1996 г., Европейское соглашение об отмене виз для беженцев 1959 г., Рекомендация Совета Европы о праве на убежище 1961 г., Резолюция Комитета министров Совета Европы об убежище для лиц, находящихся под угрозой преследования 1967 г., Европейская конвенция об экстрадиции 1957 г., Декларация о территориальном убежище Комитета министров Совета Европы 1977 г., Европейское соглашение о передаче ответственности за беженцев 1980 г. и др.

В рамках Европейского Союза формирование института прав человека началось сравнительно недавно и еще не до конца завершено. Необходимо учитывать, что соответствующие принципы и нормы правового положения человека и гражданина в Европейском Союзе содержатся во множестве источников, а не в едином акте. В соответствии с доминирующей точкой зрения источники права Европейского Союза подразделяются на две основные группы – первичное и вторичное право. В качестве источников первичного права Союза выступают, в первую очередь, его учредительные документы: Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали 1951 г., Договор об

учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) 1957 г., Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии 1957 г. и Договор о Европейском Союзе 1992 г. Кроме этого, в первичное право Европейского Союза входит дополнительное первичное право, положения которого также регулируют вопросы миграции. Оно включает, например, ревизионные договоры, посредством которых могут вноситься поправки в Договор о Европейском Союзе и другие учредительные документы по разным вопросам, включая миграцию; договоры о присоединении, на основании которых в Европейский Союз вступают новые государства-члены. Последним ревизионным договором, в редакции которого действуют ныне учредительные документы Союза, служит Ниццкий договор 2001 г., изменивший Договор о Европейском Союзе. Договоры о присоединении заключаются с согласия Европейского Парламента между действующими государствами-членами, с одной стороны, и государствами-кандидатами на вступление — с другой. Последний договор о присоединении 2003 г., на основании которого в Европейский Союз вступили 10 стран Восточной Европы, также регулирует вопросы внешней миграции. Составной частью каждого договора о присоединении выступает Акт об условиях присоединения, который вносит соответствующие поправки в учредительные документы и устанавливает переходный период для постепенной адаптации новых государств-членов к требованиям Европейского Союза. В соответствии с актом новые государства-члены становятся сторонами всех соглашений, заключенных Союзом с третьими странами и международными организациями, в том числе и Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Беларусью и Евросоюзом 1995 г. [5].

К актам об условиях присоединения, прилагаются многочисленные протоколы. Всего существует более 80 подобных протоколов. В качестве примера протокола, регулирующего миграционные вопросы и тесно связанный с Российской Федерацией, а также с Республикой Беларусь можно назвать Протокол №3 от 16 апреля 2003 г. к Акту об условиях присоединения «О транзите лиц сухопутным путем между Калининградской областью и остальными частями Российской Федерации».

Согласно п. с ст. 3 Римского договора об образовании ЕЭС 1957 г., создание и функционирование общего рынка ЕС, опирается, в том числе, на свободу передвижения лиц. В ст. 8а Единого европейского акта 1986 г. была сформулирована цель прогрессивного установления внутреннего рынка, однако, как справедливо отмечает О. Ю. Потемкина «не было чётко обозначено, кто именно имеет право на свободу передвижения: какими методами обеспечивается эта свобода» [6, с. 7].

Маастрихтский договор 1992 г. положил начало общеевропейскому сотрудничеству по миграции, включив иммиграцию в круг вопросов, представляющих общий интерес для государств-членов ЕС. Вопросы иммиграции были отнесены к сфере межгосударственного сотрудничества, а решения по этим вопросам принимались в Совете ЕС на основе единогласия. Государства-члены Европейских Сообществ не могли прийти к соглашению относительно отмены проверок на внутренних границах между ними, что обусловило параллельное развитие сотрудничества этих государств в рамках Шенгенских соглашений, которые регулировали отношения, возникающие в связи с въездом и передвижением лиц на территории Шенгенского пространства.

Семь западноевропейских стран ЕС еще с 1995 года живут без внутренних границ. Сейчас Шенгенское соглашение охватывает 26 стран, граждане которых не проходят паспортный контроль на границе. В список 26 стран, заключивших шенгенское соглашение, входят все члены ЕС (кроме Великобритании и Ирландии), а также страны, которые не являются частью ЕС, например, Норвегия, Исландия, Швейцария и Лихтенштейн, но входят в шенгенскую зону и соблюдают политику свободного передвижения.

В 1999 г. вступил в силу Амстердамский договор, который внес существенные поправки в Договор о Европейском Союзе, договоры об учреждении Европейских сообществ и некоторые связанные с ними акты. Компетенция Европейского Сообщества существенно расширилась. Вопросам иммиграции, виз, убежища и некоторым другим были посвящены ст.ст. 61-63 раздела IV Амстердамского договора. На основании Протокола № 2 Шенгенские достижения были включены в право ЕС.

Общая политика ЕС в отношении миграции продолжает модифицироваться. Она представлена такими документами, как Регламент 539/2001 от 2001 г. «Об установлении перечня третьих стран, граждане которых должны иметь визу, и стран, граждане которых освобождаются от виз», Директива 2009/50/ЕС от 2009 г. «Об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы» и др., которые создают режим благоприятствования для определенных категорий лиц. Эта политика включает в себя и Общую европейскую систему убежища, которая означает гармонизацию национальных законодательств в этой сфере. В 2010 г. вступил в силу Регламент, учреждающий Европейский офис помощи беженцам, который должен облегчать, координировать и интенсифицировать сотрудничество стран-членов Союза по всем вопросам предоставления убежища. Одним из важнейших документов в свете миграционного

кризиса в ЕС является введенный в действие в 2013 г. регламент «Дублин III». Согласно этому регламенту, мигрант может запросить статус беженца только в одной стране — стране въезда в ЕС. Таким образом, ответственность за предоставление статуса беженца лежит полностью на стране въезда. На практике многие приграничные страны прекратили у себя действие Дублинского регламента и позволили мигрантам выехать во вторые страны на севере или западе Европы.

Шенгенские договоренности были призваны регулировать, в том числе и миграционные процессы в Европе. Но, несмотря на их роль в европейской интеграции, сегодня, в разгар миграционного кризиса, некоторые положения соглашений были отменены отдельными странами, тем более, что шенген дает возможности отступить от правил. В частности, соглашение позволяет странам проводить выборочный контроль на границе и даже — сроком до 30 дней — восстанавливать тотальный пограничный контроль по соображениям национальной безопасности. Так, например, Германия восстановила пограничный контроль на границе с Австрией в сентябре 2015 г. после того, как приняла 40 тысяч мигрантов в течение недели [7]. Вскоре её примеру последовали Австрия, Нидерланды и Словакия. Хотя Шенгенские правила позволяют странам-членам восстанавливать на время пограничный контроль, существует угроза, что остальные страны тоже отменят прозрачные границы и на более длительный срок, что приведет к потере зоны Шенгена как таковой. Таким образом, общие нормы в отношении миграции в ЕС оказались неэффективными в условиях кризиса, возникла тупиковая ситуация, из которой каждая страна ЕС пытается найти выход самостоятельно. Какой-либо реально действующей единой программы действий пока не разработано.

Особое внимание Европейский Союз уделяет проблеме интеграции миграционной политики ЕС в общую внешнюю политику ЕС в отношении третьих стран. Пребывание граждан третьих стран в ЕС регулируется нормами вторичного права ЕС, а также национальным законодательством государств-членов ЕС. Анализ правового регулирования въезда и пребывания в ЕС граждан третьих стран, в том числе, беженцев следует начать с визовой политики ЕС, которая базируется на четырех составляющих: 1) перечни государств, граждане которых обязаны или не обязаны иметь визу для въезда в государство-член ЕС; 2) процедуры и условия выдачи виз; 3) единый формат виз и 4) единая виза.

Стокгольмская программа 2009 г. предусматривает систематический пересмотр списков государств, граждане которых должны (не должны) получать визу для въезда на территорию ЕС, на основании обновлённых критериев. Визовом кодексе ЕС 2009 г. установил единые для государств-членов ЕС правила рассмотрения заявлений,

включая положения об использовании биометрических данных; размер визового взноса в 60 евро с перечнем случаев его снижения или отмены; легализация так называемого сервисного сбора; обязанность консульств мотивировать отказ в предоставлении визы и возможность обжалования этого отказа [8].

Пребывание граждан третьих стран в ЕС рассматривается в зависимости от длительности и оснований пребывания лица в ЕС: обладание краткосрочной или долгосрочной визой, а также видом на жительство. С целью создания благоприятных условий для переезда, проживания и трудоустройства в ЕС высококвалифицированной рабочей силы из стран, не входящих в его состав («третьих стран», включая Беларусь, Россию, Украину) в 2009 г. была принята Директива ЕС «Об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы» [9].

Отталкиваясь от опыта США, где для легальных иммигрантов предусмотрена так называемая «Зеленая карта», Директива вводит специальный вид на жительство Европейского Союза сроком действия до четырех лет с возможностью продления. Он назван, соответственно, «Голубая карта Европейского Союза». Голубая карта (также синяя карта) – удостоверение личности, подтверждающее наличие вида на жительство и права на трудоустройство на территории большинства стран ЕС у граждан других стран. Настоящая Директива, как и другие правовые акты ЕС в аналогичной форме, выступает в качестве основ законодательства Европейского Союза, положения которых подлежат трансформации в национальное право, т.е. включению в законы и подзаконные акты государств-членов. Великобритания, Ирландия и Дания не признают эту директиву, следовательно, в этих странах получить голубую карту невозможно. Обладателями Европейской голубой карты могут стать любые граждане третьих стран, имеющие «высокую профессиональную квалификацию», а именно, дипломированные специалисты с высшим образованием (при условии, что длительность процесса обучения составляла не менее трех лет), а также иные лица, которые имеют пятилетний профессиональный опыт работы по специальности, требующей высшего образования. Во многих трудовых и социальных правах, включая режим оплаты труда, обладатели Европейской голубой карты уравниваются с гражданами Европейского Союза.

По сравнению с другими законными иммигрантами в ЕС для обладателей Европейской голубой карты предусмотрен упрощенный порядок реализации некоторых прав, регулируемых иными источниками законодательства ЕС: право осуществлять «семейное воссоеди-

нение», т. е. обеспечивать переезд и совместное проживание в государствах-членах ЕС членов своей семьи; право по истечении пяти лет законного проживания получить статус «долгосрочного резидента – ЕС», дающий гражданам третьих стран еще более широкие возможности работы и проживания.

В целях получения Европейской голубой карты гражданину третьей страны необходимо выполнить ряд условий. Первостепенное место среди них занимает требование предварительно заключить трудовой договор о высококвалифицированной работе с работодателем одного из государств-членов или, как минимум, получить от него «твердое предложение» подобной работы.

Не смотря на высокую степень правового регулирования в ЕС статуса мигрантов, существует ряд проблем требующих решения. Множественность актов и директив вызывает необходимость их кодификации. Необходим поиск путей оптимизации механизмов регулирования миграционных потоков в период их чрезвычайного роста, а также формирование общей стратегии ЕС в сфере интеграции мигрантов в национальную среду.

Отсутствие политической и правовой координации между ЕС и государствами, не входящими в него, в вопросах управления миграционными потоками в ЕС, выносит на повестку дня вопрос о необходимости разработки единых правовых подходов государств-членов ЕС к регулированию миграции.

Полагаю, что исследование международно-правовых основ миграционной политики ЕС актуально и для Республики Беларусь. Конечно, Беларусь привлекательна для мигрантов в основном только как странакоридор в Европу. Вряд ли наше государство столкнется с такими глобальными проблемами, которые существуют в Западной Европе или России. Однако при отсутствии границ с Россией невозможно полностью обезопасить страну от нелегальных мигрантов. У нас большая протяженность границы с Россией и она фактически открыта. Кроме того, хлынувший поток беженцев из Украины, а также политика белорусского правительства по компенсированию нехватки внутренней рабочей силы посредством привлечения трудовых мигрантов из Центральной Азии: Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Китая может создать условия для серьезных внутренних конфликтов.

Следует более внимательно присмотреться как к положительному, так и к отрицательному опыту ЕС, столкнувшегося с бурным ростом миграционного потока. В этой связи, на наш взгляд, особенно актуален анализ правоприменительного опыта ЕС в сфере противодействия нелегальной иммиграции с целью его возможной адаптации и применения в современных условиях развития экономических отношений

в Республике Беларусь.

### Список использованных источников

1. Шапиев, К. А. Международно-правовые основы миграционной политики Европейского Союза: автореф. дис. ... канд.юрид.наук: 12 .00.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1423877>. – Дата доступа: 14.02.2016.
2. Frontex: более 500 тысяч мигрантов прибыли к границам ЕС с января // РИА Новости [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ria.ru/sprav/20150924/1270471188.html#ixzz42DC1f3Vv> – Дата доступа: 14.02.2016.
3. Сколько миллионов мигрантов хлынут в Европу весной // Альманах «Искусство войны» Выпуск № 3 (79) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://navoine.info/mispri.html> – Дата доступа: 23.02.2016.
4. Бугакова, Е. А. Миграционный кризис в Европе и попытки ЕС найти его разрешение / Е. А. Бугакова // Молодой ученый. – 2016. – № 5 – С. 7–12
5. Протокол относительно Договора и Акта о присоединении Чешской Республики, Эстонской Республики, Республики Кипр, Латвийской Республики, Литовской Республики, Венгерской Республики, Республики Мальта, Республики Польша [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.eulaw.ru/treaties/constit/8> – Дата доступа: 03.02.2016.
6. Потёмкина, О. Ю. Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка, содержание, механизмы / О. Ю. Потемкина: учебное пособие. – М.: Институт Европы РАН, 2002 – 79 с.
7. Германия восстановит контроль на границе с Австрией // Русская служба [Электронный ресурс] – Режим доступа: – Дата доступа: 05.03.2016.
8. Право европейского Союза. Визовый кодекс ЕС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://eulaw.ru/content/visa-code> – Дата доступа: 05.03.2016.
9. Директива 2009/50/ЕС СОВЕТА от 25 мая 2009 г. Об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы ЕС [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/svob\\_peredv/blue\\_card.htm](http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/svob_peredv/blue_card.htm) – Дата доступа: 05.03.2016.

УДК 342.98

***Л. А. Краснобаева***

*канд. юрид. наук, доц.*

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

### МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Изучение материальной ответственности государственных служащих – одно из важнейших направлений научных исследований. Актуальность избранной темы определена реформой государственной службы. Разработчики реформы по совершенствованию положений службы в целях повышения ее эффективности не проявили должного интереса к институту материальной ответственности государственных служащих. Хотя именно материальная ответственность играет важную роль в профилактике правонарушений, совершаемых государственными служащими.

The study of liability of civil servants - one of the most important areas of research. The relevance of the selected theme is picked the reform of the civil service. Developers reforms have not shown any interest in the institution of the liability of public servants. Although it is the Civil responsibility plays an important role in the prevention of offenses committed by public officials.

Закон от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон) предусматривает, что «государственный служащий несет дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность в соответствии с законодательством за неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине государственного служащего возложенных на него служебных обязанностей, превышение должностных полномочий, нарушение трудовой и исполнительской дисциплины, а равно за несоблюдение установленных Законом и иными законодательными актами ограничений, связанных с государственной службой» [1].

Согласно Гражданскому Кодексу Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного управления и самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается соответственно за счет казны Республики Беларусь или казны административно-территориальной единицы [2, Ст. 938].

Как следует из содержания статьи 937 ГК Республики Беларусь юридическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении своих трудовых (*служебных, должностных*) обязанностей. Работниками признаются граждане, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта). Так как служебный контракт, заключаемый с государственным служащим, является специфической разновидностью трудового договора, то на государственно-

го служащего распространяются также нормы трудового законодательства, регулирующие материальную ответственность.

Гражданский Кодекс закрепляет и ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов уголовного преследования и суда [2].

Государственный орган, возместив ущерб физическому либо юридическому лицу, причиненный его работником при исполнении им трудовых обязанностей, имеет право взыскать в порядке регресса сумму причиненного ущерба со своего работника. Увольнение государственного служащего со службы не является основанием для освобождения его от материальной ответственности.

Материальная ответственность в сфере государственной службы - это самостоятельный вид юридической ответственности государственных служащих на основе норм трудового и гражданского законодательства. В отличие от мер других видов ответственности меры материальной ответственности имеют не карательный, а правостановительный характер. С этим связана главная особенность материальной ответственности: она может быть наложена независимо от привлечения государственного служащего к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за это же правонарушение.

Таким образом, различают два вида материальной ответственности государственных служащих:

- 1) материальная ответственность по трудовому законодательству;
- 2) материальная ответственность по гражданскому законодательству.

Материальная ответственность по нормам трудового права наступает в случае причинения ущерба юридическому лицу, в данном случае государственному органу (глава 37 Трудового Кодекса Республики Беларусь – далее ТК Республики Беларусь) [3].

Основными условиями применения материальной ответственности в соответствии с действующим законодательством являются: наличие прямого действительного ущерба; противоправность поведения (действия или бездействия) должностного лица; причинная связь между поведением должностного лица и возникшим ущербом; вина должностного лица (ст.400 ТК Республики Беларусь). Отсутствие хотя бы одного из этих условий исключает возможность возложения на государственных служащих материальной ответственности. При определении размера ущерба учитывается только реальный ущерб, упущенная выгода не принимается во внимание, за исключением случая причинения ущерба не при исполнении трудовых обязанностей.

Ущерб, однако, может быть причинен и в результате правомерного поведения работника. Это нормальный производственно-

хозяйственный риск, при котором в случае причинения ущерба к материальной ответственности работник не привлекается. Легальное определение нормального производственно-хозяйственного риска и его пределы в законодательстве отсутствуют. На практике не всегда удается определить наличие этой категории, ибо законодатель и не может определить содержание этого понятия, так как в каждом конкретном случае «норма» имеет свое конкретное наполнение. Практика правового регулирования показывает, что к нормальному производственно-хозяйственному риску могут быть отнесены действия работника, соответствующие современным знаниям и опыту, когда поставленная цель не могла быть достигнута иначе, работник надлежащим образом выполнил возложенные на него должностные обязанности, проявил определенную степень осмотрительности, принял меры для предотвращения ущерба, и объектом риска являлись материальные ценности, а не жизнь и здоровье людей. Следовательно, даже нормальный производственно-хозяйственный риск не может исключать материальную ответственность. Право на риск признается лишь за работником, обладающим необходимой профессиональной подготовкой (специальное образование, опыт работы). Пределы оправданного нормального производственно-хозяйственного риска должны быть установлены с достаточной точностью в каждом отдельном случае с учетом конкретных обстоятельств дела. Например, ущерб, вызванный уничтожением имущества нанимателя при пожаре, возникшем в ходе использования научного исследования, необходимо отнести к категории нормального производственно-хозяйственного риска, при условии, что определенные общественно полезные результаты не могли быть достигнуты при помощи обычных средств и работником были приняты все доступные меры для предотвращения материального ущерба.

Ст. 402 ТК Республики Беларусь предусматривает два вида материальной ответственности: ограниченную и полную. Применение мер полной материальной ответственности является достаточно серьезной мерой и в некоторых случаях речь идет о возмещении значительных сумм. В связи с этим было бы целесообразным обратиться к зарубежному опыту, в частности к опыту Франции, законодательство которого предусматривает обязательное страхование на случай наступления ответственности, что значительно облегчает взыскание причиненного ущерба [4].

При ограниченной материальной ответственности работник возмещает ущерб в заранее установленных пределах. Наряду с общими нормами материальной ответственности, распространяющимися на всех государственных служащих, независимо от занимаемой ими должно-

сти, трудовое законодательство содержит некоторые специальные нормы, касающиеся непосредственно должностных лиц. Так согласно статье 245 ТК Республики Беларусь «суд возлагает на должностное лицо, виновное в незаконном увольнении, переводе, перемещении, изменении существенных условий труда, отстранении от работы, обязанность возместить ущерб, причиненный в связи с оплатой за время вынужденного прогула или выполнения нижеоплачиваемой работы. На должностных лиц возлагается обязанность возместить ущерб, если увольнение, перевод, перемещение, изменение существенных условий труда или отстранение от работы произведены с нарушением закона, а также при задержке исполнения решения суда о восстановлении работника на работе, прежнем рабочем месте, прежних существенных условий труда», кроме того, законодатель предусматривает и возмещение морального вреда (ст. 246 ТК Республики Беларусь).

Декрет Президента № 5 от 15 декабря 2014 года «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» устанавливает, что на руководителей организаций государственной формы собственности возлагается персональная ответственность за обеспечение производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины. При несоблюдении требований руководитель привлекается к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения. Следует учитывать, что увольнение работника, например, по его заявлению либо по соглашению сторон при наличии возможности уволить его по статье может повлечь увольнение самого руководителя. Данные дополнительные критерии оценки работы руководителя учитываются при его аттестации и при принятии решения о продлении с ним контракта [5]. В п. 8.11 постановления Совета Министров от 15 мая 2007 года № 604 «О заключении контрактов с руководителями государственных организаций» предусмотрена полная материальная ответственность руководителя организации за реальный ущерб, причиненный им ее имуществу, в том числе в результате неправомочных действий либо бездействия [6].

К правомерному причинению ущерба в гражданском праве относят случаи причинения ущерба в состоянии крайней необходимости и необходимой обороны. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости следует отличать от причинения вреда в состоянии необходимой обороны специально для целей гражданско-правовой защиты, поскольку, хотя оба эти действия признаются законом правомерными, в последнем случае причинение вреда порождает обязательство по его возмещению, если были превышены ее пределы (ст. 935 ГК Республики Беларусь). Вред, причиненный в состоянии крайней

необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред (ст. 936 ГК Республики Беларусь). Управомоченность на причинение ущерба проявляется, например, в действиях сотрудников органов по чрезвычайным ситуациям, сотрудников органов внутренних дел.

В западном корпоративном законодательстве разработана система критериев, призванная определить в случае наступления ущерба не выходили ли действия управляющего компанией за пределы «правила делового суждения» (business judgement rule). «Правила делового суждения» – это освобождение от ответственности, касающейся руководителей и руководящих служащих, если их действия были совершены с честными намерениями и в пределах полномочий или доверенности, предоставленных им организацией. Руководители и руководящие служащие обязаны проявлять разумную осторожность в принятии деловых решений и не должны нести ответственность за ошибки, совершенные из честных побуждений при принятии обоснованного, разумного решения, которое повлекло за собой финансовый ущерб. Подразумевается, что их решение связано с принятием на себя ответственности по обычным рискам, характерным для их вида или отрасли деятельности, а не принятием на себя опрометчивого, ненужного или гипотетического риска. Французское законодательство допускает возмещение ущерба гражданам даже в тех случаях, когда ущерб причинен невиновными действиями администрации. К таким случаям относятся: 1) выполнение общественных работ; 2) создание риска причинения ущерба (даже оправданного); 3) принятие закона, причинившего чрезмерный и неоправданный ущерб гражданам; 4) принятие законного управленческого решения, причинившего чрезмерный и неоправданный ущерб [4]. Развитие института материальной ответственности в данном направлении представляется перспективным и для нашей страны.

В Республике Беларусь право граждан на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их государственных служащих закреплено в ст. 53 Конституции Беларусь. Эта норма конкретизируется в ст. 938 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Однако, вред во всех случаях возмещается за счет соответственно казны Республики Беларусь. Субъектом ответственности, таким образом, выступает государство в целом, а не отдельные государственные служащие. Между тем в зарубежном законодательстве о государственной службе (например,

в Республике Казахстан), четко закреплена норма о материальной ответственности государственных служащих. Административное законодательство Республики Беларусь в отдельных случаях допускает возмещение вреда, в том числе и полное [7, Ст. 7.8]. Следует подчеркнуть, что в данном случае идет речь о материальной ответственности на общих основаниях, ответственности как гражданина, а не как государственного служащего.

Таким образом, в Республики Беларусь не разработана правовая база материальной ответственности государственных служащих за вред, причиненный гражданам. Очевидно, что Закон следует дополнить нормой «Материальная ответственность государственных служащих за причинение ущерба» следующего содержания: «Материальная ответственность государственного служащего наступает за ущерб, причиненный государственному органу, в случаях и размерах, предусмотренных законодательством Республики Беларусь. Государственный служащий обязан возместить прямой действительный ущерб, причиненный государственному органу. Материальная ответственность государственного служащего за ущерб, причиненный государственному органу, исключается, если ущерб возник в результате непреодолимой силы либо крайней необходимости, необходимой обороны, а также неисполнения государственным органом обязанности по обеспечению надлежащих условий для сохранности имущества, переданного государственному служащему».

#### **Список использованных источников**

1. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З: в ред. от 30.05.2013 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.; одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. (с изм. и доп. от 8 января 2014 г.) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. – 1999. – № 7–9. – Ст. 101.

3. Трудовой Кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З: Принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.; одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Брэбан Г. Французское административное право: Пер. с фр./Под ред. и со вступ. ст. С. В. Боботова.— М.: Прогресс, 1988.—488 с.

5. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций: Декрет Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. О заключении контрактов с руководителями государственных организаций: Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 мая 2007 г. № 604 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г., № 194-З: принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.; одобрен Советом Республики 2 апреля 2003 г. (с изм. и доп. от 4 января 2016 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 63, 2/946.

УДК 342.731

***Т. В. Лисовская***

*канд. ист. наук, доц.*

*Брестский государственный технический университет*

## **ПОНЯТИЕ «СВОБОДА СОВЕСТИ» И ЕГО ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В СТРАНАХ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В данной статье автор рассматривает правовое закрепление свободы совести и вероисповедания в странах идентификационной модели на примере двух стран: Норвегии (протестантская церковь как государственная религия) и Греции (православная религия как государственная религия). Автором определены основные аспекты понятия «свобода совести», выделены унифицированные принципы реализации свободы совести и религии в международных документах и проанализированы особенности правового закрепления данного права в Греции и Норвегии.

In this article the author examines the legal consolidation of freedom of conscience and religion in the countries of the identification model on the example of two mill: Norway (Protestant Church as the state religion) and Greek (Orthodox religion as the state religion). The author defines the main aspects of the concept of "freedom of conscience", highlighted the unified principles of freedom of conscience and religion in international instruments and analyzed the characteristics of the legal consolidation of the rights of Greece and Norway.

Свобода совести и религии является сферой убеждений (верований) человека, касающихся окружающего мира (включая понятия человек и общество) и сил, которые управляют этим миром. В этих убеждениях отражается отношение человека к сверхъестественным силам, выраженное в религиозной доктрине, религиозном культе и религиозной организации, к которой принадлежит либо не принадлежит человек.

Свобода совести и религии является одним из основных прав человека, требующих особого внимания и регулирования со стороны государства, так как затрагивает вопросы самореализации личности.

Прежде всего, в самом понятии «свобода совести» содержатся элементы, влияющие на правовое закрепление данного права и определение полномочий государства в отношении регулирования свободы человека. Так, в понятии свобода совести следует выделить два основных аспекта, различающихся по направлению деятельности человека в религиозной сфере и возможности вмешательства государства в неё: свобода совести в индивидуальном измерении и в коллективном измерении [1, с. 220].

Свобода совести в индивидуальном измерении охватывает личностную, интимную сферу человека и касается индивидуальных принципов самоопределения личности в области религиозных убеждений, то есть права человека самостоятельно определять своё отношение к *sacrum* и на основании этого формировать своё мировоззрение.

В то же время, свобода совести в коллективной измерении обозначает возможность проявления и реализации религиозных убеждений человека в социуме. Свобода совести в этом значении подразумевает свободу личности выражать и провозглашать свои религиозные принципы индивидуально и коллективно, частным образом и публично, а также охватывает возможность человека жить и действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями. В таком понимании, свобода совести тесно связана с понятием свобода религии, и выражается, прежде всего, в создании и функционировании религиозных организаций разных типов (церквей, общин, религиозных союзов и т. д.), объединяющих людей определённых религиозных взглядов и предоставляющих им возможность удовлетворения своих религиозных потребностей и реализации личностных убеждений на внешнем уровне [2, с. 26].

Процесс унификации понятия свобода совести и религии и моделей государственно-конфессиональных отношений в европейских демократических государствах начался по окончании II Мировой войны прежде всего в конституциях стран Западной Европы – Германии, Италии, Испании и т.д., а затем после 1989 г. – в посткоммунистиче-

ских странах. В процессе разработки единой концепции свободы совести и религии основная роль принадлежит международным договорам, касающимся защиты прав человека – Всеобщей Декларации прав человека, Пакту о гражданских и политических правах человека и Европейской конвенции как региональному европейскому документу. Эти документы основаны на уважении универсальных ценностей, в которых основное место занимает достоинство человеческой личности как источник прав и свобод каждого человека (в том числе свободы мысли, совести и религии в частной и общественной жизни).

Как можно заметить, в международных нормативно-правовых документах заложены основные направления европейского регулирования, связанного со свободой совести: защита свободы совести как права человека свободно придерживаться любой религии, которое включает в себя такие аспекты, как свободное изменение собственных религиозных либо других убеждений; гарантии свободы исповедовать религию, как-то, свобода провозглашать свои убеждения публично либо частным порядком, единолично либо сообща с другими, через обыденные для этого формы – богослужение, учение и отправление обрядов.

При этом в международном законодательстве закреплены два основных аспекта концепции свободы совести и религии: индивидуальный (сферу личностных убеждений человека) и институциональный аспект (свободу деятельности религиозных организаций как обязательный элемент реализации индивидуальной свободы совести) свободы совести [1, с. 220].

Тем самым, если индивидуальная свобода совести является общечеловеческим понятием, закрепляется как неотъемлемое право человека и не зависит от определённого типа взаимоотношений государства и религии в принципе и основные принципы должны быть закреплены в абсолютном плане, то в правовом закреплении реализации свободы совести в институциональном плане находит отражение система государственно-конфессиональных отношений, традиционно сложившаяся и существующая в том либо в ином государстве.

Традиционно, в Европе исторически сложились три системы государственно-конфессиональных отношений, по-разному трактующих вопросы реализации свободы совести в индивидуальном и коллективном измерениях и закрепляющие принцип «свободы совести» в правовой системе: идентификационная модель, модель скоординированной сепарации и модель сепарации государственно-конфессиональных отношений.

В данной статье мы проанализируем конституционно-правовое закрепление принципа «свобода совести» в рамках идентификационной

модели на примере стран Норвегии и Греции.

Основным принципом идентификационной системы является то, что государство при установлении государственной церкви не занимает категорической позиции в вопросе, какая религиозная доктрина является истинной, предоставляя каждому человеку право выбора религии и мировоззрения. Однако при этом государство оценивает вклад религии в культуру и с этой позиции придаёт официальный характер одной религии или церкви. Важным элементом религиозных государств является официальное признание одной религии или церкви в качестве государственной исходя из исторических предпосылок (вклад конфессии в национальную культуру) или социологических (принадлежности к данной конфессии большинства населения страны). В целом, модель религиозного государства модернизированного типа или идентификационная модель характеризуется следующими элементами:

1. Отказ государства от утверждения одной религии или церкви как единственно истинной;

2. Признание одной религии или конфессии в качестве национальной, исходя из исторических предпосылок (вклад конфессии в национальную культуру) или социологических (принадлежности к данной конфессии большинства населения страны);

3. Субсидирование избранной конфессии из государственных фондов;

4. Гарантия свободы вероисповедания всем верующим, независимо от принадлежности к официальной церкви, принцип равенства [2, С. 26–29].

К европейским религиозным государствам данного типа относятся: связанные с протестантскими деноминациями государства (Дания, Норвегия, Исландия, в которых официальной церковью является лютеранство; Великобритания – англиканская церковь) или с православной церковью (Греция – Греческая православная церковь).

Конституция Греции содержит ряд статей, определяющих, во-первых особый статус греческой православной церкви и, соответственно принадлежность государства к идентификационной модели государственно-конфессиональных отношений:

Статья 3.1. Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой. Православная Церковь Греции, признающая своим главой Господа нашего Иисуса Христа, неразрывно связана в своих догматах с Великой константинопольской Церковью и со всякой другой единой Церковью Христовой.

Во-вторых, конституция Греции закрепляет свободу совести как основополагающее право личности:

Статья 5.1. Каждый может свободно развивать свою личность и участвовать в социальной, экономической и политической жизни страны, если только он не препятствует правам других, не нарушает Конституцию или нравственные нормы.

2. Все лица, находящиеся на территории греческого государства, пользуются полной защитой своей жизни, чести и свободы, независимо от национальной, расовой или языковой принадлежности, религиозных или политических убеждений. Исключения допускаются в случаях, предусмотренных международным правом.

Статья 13.1. Свобода религиозного сознания неприкосновенна. Пользование личными и политическими правами не зависит от религиозных убеждений каждого [3].

Как мы видим, статья 13 Конституции Греции наделяет граждан Греции фундаментальным правом свободы совести и вероисповедания, провозглашая их неприкосновенности и равенство граждан, независимо от религиозных убеждений. Религиозное равенство декларируется в обществе, члены которого пользуются различными индивидуальными, политическими, гражданскими, налоговыми или другими правами в рамках соответствующих Законов. Однако, в соответствии с Конституцией Греции, эффективное религиозное равенство означает осуществление любых прав личности, вне зависимости от их религиозной принадлежности и не допускает различия граждан по критерию религиозной принадлежности, что может привести к неравному обращению со стороны государства и органов и учреждений государства.

Наличие в стране доминирующей религии, закрепленное в статье 3 Конституции Греции, не должно привести к незаконной ограничению религиозной свободы других вероисповеданий и их последователей. Конституционное согласование статей 3 и 13 обозначает не иерархичность религий или наделение одной религии большими полномочиями в отношении других, а модель взаимоотношений государства и религии, при которой государство провозглашает культурную доминанту восточно-православной церкви Греции в государстве при сохранении и обеспечении индивидуальной религиозной свободы личности.

В-третьих, Конституция Греции определяет правовой статус религиозных организаций не имеющих статус «господствующей» религии и определяет коллективные права и свободы в рамках реализации свободы совести:

Статья 13.2. Всякая известная религия свободна, и отправление ее культовых обрядов осуществляется беспрепятственно под охраной закона. Отправление культовых обрядов, оскорбляющих общественный порядок или нравственные нормы, не допускается. Прозелитизм

запрещается.

3. Служители всех известных религий находятся под таким же надзором государства и несут перед ним такие же обязательства, что и служители господствующей религии[3].

Таким образом, Конституция вводит классификацию религиозных организаций и религий на «известные/признанные» государством (Православная церковь, Старообрядческая Церковь, Римско-Католический костел, Иудаизм, Ислам, Протестантская церковь, Свидетели Иеговы, Адвентисты Седьмого дня) и, соответственно, «непризнанные» государством.

Таким образом, введение в Конституции Греции статуса «господствующей» религии (Восточно-православной церкви Греции), статуса «признанной», а, соответственно, непризнанной религии делает различия в правовом статусе общин православных и «признанных / непризнанных» религий. Соответственно, реализация коллективных прав в рамках свободы совести (право на проведение богослужений, культовых обрядов, создание религиозных организаций и т.д.), находится в зависимости от статуса религии, определенном Конституцией [4].

При этом, что касается соотношения идентификационной системы и свободой совести личности, следует отметить, что положение о государственной религии находится в институциональном разделе конституции Греции (ст. 3), а положение о религиозной свободе и равенстве граждан – в разделе о правах и свободах личности (ст. 13). Таким образом, Конституция выделяет индивидуальную свободу личности как абсолютное право, отделяя ее от положения о признанной либо непризнанной религии. Соответственно, различие в правовом статусе религии применяется к области основных прав, тем самым исключается зависимость религиозной свободы от правового статуса религии. Другими словами, различие между «господствующей религией» и «признанными / непризнанными» религиями оправдывает религиозное неравенство только в отношении религиозных организаций, а не их членов.

Правовое закрепление свободы совести в Норвегии при отнесении государства к идентификационной модели государственно-конфессиональных отношений имеет значительные отличия.

В статье 2 Конституции Норвегии оговариваются вопросы исключительно индивидуальной свободы совести, равенства граждан и положения государственной церкви в Норвегии и ее взаимоотношений с государством.

Ст.2. Все жители государства обладают свободой религиозной совести. Евангелическо-лютеранская религия является официальной

государственной религией. Исповедующие ее жители обязаны воспитывать в ней своих детей (в ред. Закона от 4 мая 1964 г.) [3].

В сфере индивидуальных религиозных прав Закон о религиозных общинах (*Act relating to religious communities, etc.*) дополняет основополагающее право свободы выбора религии, задекларированное в ст. 2 Конституции:

Статья 1.2. Закона о религиозных общинах: Никто не может связать себя юридически обязанностью принадлежать или не принадлежать к религиозной общине, организации или ордену. Также никто не может юридически обязать другого человека принадлежать к определенной религиозной организации.

Статья 1.3. Любой человек в возрасте старше 15 лет может присоединиться или выйти из религиозной общины [5].

Так, в рамках правового закрепления индивидуальной свободы совести Конституция Норвегии в совокупности с Законом о религиозных общинах декларируют свободу совести, равенство граждан независимо от религиозных убеждений, защиту от вмешательства, давления и принуждения к исповеданию каких-либо религиозных верований. Наряду с введением обязательного религиозного обучения детей, религиозных клятв и присяг для государственных служащих, Конституция гарантирует альтернативу (светская клятва, отказ от изучения христианства etc), что предоставляет возможности для реализации индивидуальной свободы совести [6, с. 250; 7, с. 1001].

Вопросы коллективных прав в сфере свободы совести находятся вне конституционных статей в Норвегии. Выходя за рамки конституционного регулирования, эти вопросы регулируются дополнительным религиозным законодательством – Законом о религиозных общинах (*Act relating to religious communities, etc.*), принятым в 1970 г. Прежде всего, Закон закрепляет коллективное право публичного выражения веры путем организации религиозных общин, проведения и участия в богослужениях, отправления религиозных культов:

Ст. 1.1.: Каждый человек имеет право участвовать в религиозной деятельности в одиночку или вместе с другими и создать религиозную общину, если это не нарушает закон или обычные стандарты приличия [5].

Правовой статус религиозных меньшинств в Норвегии определен как равный с государственной церковью Норвегии. Конституция Норвегии не выделяет специфический статус религиозных организаций не лютеранской церкви. Более того, анализируя права и полномочия религиозных организаций, можно выделить равные правовые возможности осуществления коллективных прав свободы совести, за-

крепленные в Законе о религиозных общинах: равный доступ к местам богослужения, равный доступ к финансированию, свобода религиозной печати и т.д., Это конституционные рамки остаются практически неизменными с момента основания Конституции в 1814 г. Конституция Норвегии сочетает наличие государственной церкви и тесные государственно-церковные взаимоотношения с закреплением и реализацией свободы совести граждан, независимо от их религиозных убеждений [8].

Как мы видим, общие элементы концепции свободы совести и религии, сформулированные и закреплённые в основных международных документах, имплементированы в законодательство представленных европейских государств идентификационной модели государственно-конфессиональных отношений, а именно:

– Закреплен принцип религиозного и мировоззренческого плюрализма, а также признание религии как элемента духовного и культурного самоопределения народа.

– Утверждены гарантии реализации свободы мысли, совести и религии в национальном законодательстве Греции и Норвегии.

Соответственно, конституционное закрепление государственно-идентификационной модели в Греции и Норвегии осуществляется в соответствии с принципом закрепления индивидуальной свободы совести и отсутствием дискриминации по религиозному признаку.

Таким образом, правовая система Греции и Норвегии с установленной государственной церковью сохраняет конституционную дуалистичность, обеспечивая сохранение культурной идентичности и традиционных духовных ценностей страны, и в то же время, широкую индивидуальную свободу личности в сфере религиозных и нерелигиозных верований.

### **Список использованных источников**

1. Safian, M. Wolność religijna w konstytucjach państw europejskich / M. Safian // Materiały III Międzynarodowej konferencji „Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej”: Warszawa: 2–4 września 2002 r. – Warszawa, 2000. – S. 43–75.

2. Krukowski, J. Religia i wolność religijna w prawie Unii Europejskiej. Doświadczenia i perspektywy / J. Krukowski // Materiały III Międzynarodowej konferencji „Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej”: Warszawa: 2–4 września 2002 r. – Warszawa, 2000. – S. 217–231.

3. Конституции государств Европы: В 3 т. – М., 2001.

4. Welfare and Values in Europe. Transitions related to Religion, Minorities and Gender. National Overviews and Case Study Reports / Nikos Kokosalas

kis and Effie Fokas. – 2011, Uppsala : Uppsala Religion and Society Research Centre. – Volume 1. Continental Europe: Greece – 323 s.

5. Act relating to religious communities, etc. – <http://www.ub.uio.no/ujur/ulovdata/lov-19690613-025-eng.pdf>. - Date of access : 05.01.2015.

6. Bäckström, Anders. Welfare and Values in Europe. Transitions related to Religion, Minorities and Gender. Northern Europe: Sweden, Norway, Finland, England /Anders Bäckström, Olav Helge Angell. // Welfare and Values in Europe. – 2011, Uppsala : Uppsala Religion and Society Research Centre. – Volume 1. – 323 s.

7. Hostmaelingen, Njal. The Permissible Scope of Legal Limitations on the Freedom of Religion or Belief in Norway / Njal Hostmaelingen / *Emory International Law Review*. – 2005. – Vol. 19. – P. 989–1032.

8. Rasmussen, B. The Impact of Church and State Relations on Cultural Attitudes in the United States and Norway / B. Rasmussen. – Mode of access : [http://citation.allacademic.com/meta/p212495\\_index.html](http://citation.allacademic.com/meta/p212495_index.html). – Date of access : 15.10.2014.

УДК 342.531.15

***И. Н. Лубко***

*канд. ист. наук, доц.*

*Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого*

## **ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В АКТАХ ПЕРВИЧНОГО И ВТОРИЧНОГО ПРАВА ЕС**

Статья посвящена анализу вопроса о юридическом закреплении принципа гендерного равенства в праве Европейского Союза. Указывается, что одним из главных принципов функционирования Европейского Союза является принцип недискриминации, поэтому предотвращение и противодействие всем ее формам и проявлениям является приоритетным направлением общих политик ЕС в целом и гендерной политики в частности. Особое внимание акцентируется на основательности подходов по формированию правовых основ гендерной политики и закреплению принципа гендерного равенства в различных по юридической силе источниках права ЕС. Утверждается, что принцип гендерного равенства непосредственно влияет на процесс формирования среды равных возможностей для мужчин и женщин во многих сферах человеческой жизнедеятельности.

The article is devoted the analysis of problem of the legal fixing of principle of gendernogo equality in a right for European Union. Specified, that one of main principles of functioning of European Union is principle of undiscrimination,

therefore prevention and counteraction to all her forms and displays are priority direction general politician of EC on the whole and gender politics in particular. The special attention is accented on the soundness of approaches on forming of legal frameworks of gendernoy policy and fixing of principle of gendernogo equality in the different on legal force sources of right for ES. It becomes firmly established that principle of gendernogo equality directly influences on the process of forming of environment of equal possibilities for men and women in many spheres of human vital functions.

Евроинтеграционные устремления Украины, реальные шаги государственной власти и гражданского общества, сделанные в направлении приближения перспектив более тесного двустороннего сотрудничества, обуславливают необходимость учета опыта ЕС, приобретенного в результате разработки антидискриминационных мероприятий в целом и положений соответствующих нормативно-правовых актов в сфере предотвращения и противодействия дискриминации в частности.

Европейские стандарты гендерного равенства прежде всего отражаются в содержании учредительных договоров (источниках первичного права) ЕС. Все эти положения нашли также свое отражение в законодательстве государств-членов. Начало нормотворческой деятельности органов Европейских Сообществ и его логическое продолжение институтами Европейского Союза обозначены тенденцией увеличением удельного веса источников вторичного и производного права.

В первую очередь, следует проанализировать источники первичного права, содержащие основополагающие нормы, которые закрепляют принцип равенства мужчин и женщин. В соответствии с п. 2 ст. 2 Договора об учреждении Европейского Сообщества 1957 г., вся деятельность Сообщества направлена в том числе на устранение неравенства и содействие достижению равенства между мужчиной и женщиной. Действуя на основании ст. 13 Договора, Сообщество может принимать соответствующие меры для борьбы с дискриминацией по признаку пола. Договор позволяет ЕС поддерживать и влиять на действия государств-членов по обеспечению равенства мужчин и женщин относительно возможностей на рынке труда и обращения с ними на работе (п. 1 ст. 137). Сообщество наделялась полномочиями принимать меры, обеспечивающие применение принципа равных возможностей и равного отношения к мужчинам и женщинам в вопросах занятости и профессиональной деятельности, включая принцип равной оплаты за равный труд (п. 3 ст. 141). Договором устанавливался принцип равной оплаты для мужчин и женщин за равный или равноценный труд. Государства-члены в соответствии с п. 1 ст. 141 обязывались обеспечивать его соблюдение. Договором также опреялось понятие «оплата» и «равная оплата без дискриминации по при-

знаку пола» [1]. Закрепленный принцип подтверждается в ст. 2 Договора о ЕС (ДЕС) 1992 г., где в контексте ценностей речь идет о «недискриминации, терпимости, справедливости, солидарности и равенстве женщин и мужчин». В статье 3 ДЕС отмечается, что ЕС борется с социальной маргинализацией и с дискриминацией, способствует социальной справедливости и социальной защите, равенстве женщин и мужчин, солидарности поколений и охране прав детей [2].

Принцип недискриминации также закрепляется несколькими статьями Амстердамского соглашения 1997 г., в которых прописываются идеи равенства между мужчинами и женщинами относительно возможностей на рынке труда и об отношении на работе (ст. 118), равного отношения к мужчинам и женщинам у вопросах трудоустройства и занятости, включая принцип равной оплаты труда, обеспечение полного равенства между мужчинами и женщинами в рабочей жизни (ст. 119). В соглашении также содержится статья 13, которая уполномочивает Совет Министров (Совет ЕС) принимать «соответствующие меры» по борьбе с дискриминацией по признаку пола, расового или этнического происхождения, религии или верований, ограниченных возможностей, возраста или сексуальной ориентации [3].

В статье 21 Хартии основных прав ЕС 2000 г. также упоминается о запрете дискриминации на основе ряда признаков, и в частности по признаку пола. Положения 23 статьи Хартии расширяют содержание понятия «равноправие полов», указывая на равенство во всех сферах жизни. «Принцип равноправия не является препятствием для сохранения или принятия мер, предусматривающих особые преимущества для недостаточно представленного пола», – указывается в статье [4]. Фактически в статье говорится о возможности применения так называемых положительных действий (affirmative actions), к которым в частности могут принадлежать гендерные квоты.

Статья 137 Ниццкого договора 2001 г. предусматривает равенство между мужчиной и женщиной относительно возможностей на рынке труда и поведения на работе [5]. В Лиссабонском договоре (Договор о реформе ЕС) 2007 г. к тематике гендерного равенства на рынке труда (статьи 1 и 2) и борьбы с дискриминацией по признаку пола (статья 5) добавляются такие, как преодоление торговли людьми и, в частности, женщинами и детьми (статьи 63, 69), преодоление насилия в семье [6].

В последнее время принцип гендерного равенства в современных правоположениях ЕС приобрел новый смысл и еще более детальной формализации. Правовое регулирование этой сферы существенно расширилось и теперь охватывает такие сферы, как пенсии, беременность, социальное обеспечение, ведь до этого применения антидис-

криминационного права ЕС по половой принадлежности сводилось к занятости и социальному обеспечению [7, с.14].

В консолидированных версиях Договора о Европейском Союзе и Договора о функционировании Европейского Союза 2010 г. утверждается, что Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства права и уважения к правам человека, в частности лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для всех государств-членов в обществе, где царит плюрализм, недискриминация, толерантность, правосудие, солидарность и равенство женщин и мужчин (ст. 2 ДФЕС). В п. 2 ст. 3 ДФЕС говорится, что Союз борется против социального исключения и дискриминации, поддерживает социальную справедливость и защиту, равенство женщин и мужчин, связь между поколениями, защиту прав ребенка. Статья 41 предусматривается обеспечение каждым государством-членом соблюдения принципа равной оплаты для мужчин и женщин за равный или равноценный труд [8].

Правоположения о запрете дискриминации по признаку пола, кроме учредительных договоров, содержатся также и в ряде источников вторичного права ЕС – директивах, принятых на основе и во исполнение учредительных договоров.

В перечень директив институтов ЕС мы внесли прежде всего те, которые, по нашему мнению, имеют первостепенное значение. К ним сразу относим Директиву 75/117, принятую Советом ЕС в феврале 1975 г., которая обязывала государства-члены приблизить правовые положения национальных законодательных актов на их соответствие по применению принципа равноправного оплаты труда мужчин и женщин [9, с.19]. В феврале 1976 г. Совет утвердил Директиву 76/207, предусматривавшую необходимость устранения всех форм прямой или косвенной дискриминации по признаку пола в трудовых отношениях, и в частности по вопросам приема на работу, профессионального обучения, продвижения по службе [10, с.40]. Директива Совета 79/7 ЕЭС от 19 декабря 1978 г. способствовала постепенному внедрению принципа равного отношения к мужчинам и женщинам у вопросе социального обеспечения [11, с.24].

Принцип равенства мужчин и женщин Директивой Совета 86/378 / ЕЭС от 24 июля 1986 г. «Об имплементации принципа равенства мужчин и женщин в системах трудовой и социальной защиты» распространялся и на пенсионное обеспечение [12, с. 40]. Директива Совета 86/613 / ЕЭС от 11 декабря 1986 г. о применении принципа равного отношения к мужчинам и женщинам, которые занимаются самостоятельной деятельностью, включая сельскохозяйственный сектор, и о

защите женщин, которые занимаются самостоятельной деятельностью во время беременности и материнства обеспечивает применение в государствах членах принципа равного отношения к мужчинам и женщинам, которые занимаются такой деятельностью или делают вклад в проведение такой деятельности. Что касается самозанятых работников и мужчин/жен самозанятых работников, Директива 86/613 / ЕЕС была не очень эффективной, поэтому сфера ее действия должна быть пересмотрена, поскольку дискриминация и преследования по признаку пола имели место и за пределами наемных работ [13, с. 56 ].

Европейским сообществом также принимались меры по обеспечению прав и охраны здоровья работающих беременных женщин, женщин – матерей малолетних детей, в частности Директивой 92/85 / ЕЭС от 19 октября 1992 г. о введении мер по повышению безопасности труда и охраны здоровья беременных работниц, а также работниц, недавно перенесших роды и кормящих грудью. Запрещалось увольнение по основаниям, связанным с беременностью, рождением ребенка или материнством, а также изменение по инициативе работодателя условий трудового контракта по тем же причинам. Устанавливался минимальный размер пособий и компенсаций данной категории работников (не менее пособия по временной нетрудоспособности); продолжительность отпуска по беременности и родам должна составлять минимум 14 недель [14 с. 1].

Директива Совета № 96/34 / ЕС от 3.06.1996 г. «О рамочном соглашении о родительском отпуске», заключенная СКПрА (Союз конфедераций предпринимателей и работодателей Европы), ЕЦРП (Европейский центр работодателей и предприятий) и ЕКПС (Европейская конфедерация профсоюзов) представляет собой договоренность UNICE, СЕЕР и ETUC по установлению минимальных требований по родительском отпуске и отсутствия на работе из-за чрезвычайных обстоятельств, как важное средство для уравнивания профессиональной и семейной жизни, поддержания равных возможностей и равноправного отношения к мужчинами и женщинами [15, с. 4].

О непосредственной или косвенной дискриминации говорится в Директиве Совета 97/80 / ЕС от 15 декабря 1997 г. Согласно ней, бремя доказательства по делам о дискриминации по половому признаку, где также содержится положение, имеют целью реализацию принципа равноправного отношения к мужчинам и женщинам [16, с.6]. Директивой Совета 2004/113 / ЕС от 13 декабря 2004 г. о внедрении принципа равного отношения к мужчинам и женщинам в доступе к товарам и услугам и в снабжении товарами и услугами. Принцип равенства в доступе к товарам и услугам не требует, чтобы мужчины и женщины пользова-

лись условиями предоставления этих услуг на постоянной взаимной и равной основе, пока это не переходит в создание более благоприятных условий для представителей только одного пола [17, с. 37].

В 2006 г. было принято Директиву 2006/54 / ЕС Европарламента и Совета ЕС по осуществлению принципа равных возможностей и равноправия женщин и мужчин в сфере занятости и труда. Эта Директива стала новым нормативным актом, инкорпорировавшим в одном тексте все изменения, которые были внесены соответствующими предварительными документами, и те положения, которые остались без изменений. Целью Директивы было обеспечение имплементации принципа равных возможностей и равного отношения для женщин и мужчин для: доступа к труду, включая трудоустройство, продвижение по службе и профессиональное обучение; условий труда, включая заработную плату; профессиональных систем социального обеспечения [18, с. 23]. Согласно ст. 34 данной Директивы по 15 августа 2009 г. Директивы 75/117 / ЕЭС, 76/207 / ЕЭС, 86/378 / ЕЭС, 97/80 / ЕЭС потеряли свою силу, а их положения вошли в содержание нового нормативного акта [18, с. 33].

Подготовка и принятие директив ЕС, касающихся гендерного равенства, содействовали разработке обязательных направлений политики и единых стандартов для всех государств-членов ЕС. Гендерная политика на национальном уровне испытывает все большее законодательное воздействие на уровне ЕС, в котором политика согласования набирает вес. Кроме того, новые директивы по стратегии занятости в ЕС признают необходимость распространения идей гендерного равенства на неоплачиваемую работу по уходу за детьми, акцентируя внимание на равном распределении обязанностей по уходу за ребенком и ведения хозяйства, а также поощрению мужчин брать отпуск по уходу за ребенком. Таким образом Европейский Союз в содержании актов вторичного права подтвердил принцип равенства между мужчинами и женщинами в соответствии с учредительными договорами.

Следует подчеркнуть, что в ЕС, кроме правовых, действуют институциональные механизмы реализации учредительных правоположений. В частности, Европейский Парламент (ЕП) и Совет ЕС, действуя в соответствии с обычной законодательной процедурой и после консультации с Экономическим и социальным комитетом, принимают меры с целью обеспечения применения принципа равных возможностей и равного отношения к женщинам и мужчин в вопросах трудоустройства и занятости, включая принцип оплаты за одинаковую работу или работу, имеющую одинаковую стоимость (ст. 141) [8].

Итак, гендерное равенство в демократических сообществах провозглашается одним из базовых принципов при решении социальных

противоречий и гармонизации общественных отношений. Права человека, демократия и верховенство права считаются базовыми ценностями Европейского Союза, достигнувшего заметных результатов в сфере защиты прав и свобод человека, не прекращающего заниматься ежедневной правотворческой и правореализационной деятельностью.

Украина, в результате подписания международно-правовых соглашений и других документов, принятых на международном уровне, проявляя политическую волю по вопросу решения проблем гендерной дискриминации, поддерживает позицию и разделяет видение демократического сообщества. Ведь конструктивное решение проблемных вопросов в сфере равенства прав и возможностей женщин и мужчин совместными усилиями власти и общества сыграет в процессах европейской интеграции стратегическое значение.

### **Список использованных источников**

1. Договір про заснування Європейської Спільноти 1957 р. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: // <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/>
2. Договір о Європейському Союзі 1992 г. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: // [http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994\\_029](http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_029).
3. Treaty of Amsterdam, signed in Amsterdam on 2 October 1997. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: // <http://www.europarl.europa.eu/topics/>.
4. Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/C 364/01) // Official Journal of the European Communities. – 18.12.2000. – 22 р. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: // <http://www.europarl.europa.eu/charter/>.
5. Ніццький договір про внесення змін та доповнень до Договору про Європейський Союз, Договорів про заснування Європейських Співтовариств та деяких пов'язаних з ними актів(2001/C80/01). – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: // [http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/994\\_261](http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/994_261).
6. Лиссабонський договір, змінюючий Договір о Європейському Союзі і Договір об утворенні Європейського Сообщества 2007 г. (2007/C 306/01). – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: // <http://eulaw.ru/treaties/lisbon>.
7. Посібник з європейського антидискримінаційного права. – Люксембург: Видавничий дім Європейського Союзу, 2011 р. – 196 с.
8. Консолідовані версії Договору про Європейський Союз та Договору про функціонування Європейського Союзу. – Офіційний вісник Європейського Союзу. – 30.3.2010 – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://eeas.europa.eu/delegations/ukraine/documents/virtual\\_library/06\\_consult\\_uk.pdf](http://eeas.europa.eu/delegations/ukraine/documents/virtual_library/06_consult_uk.pdf).
9. ОВ L 45, 19.2.1975, С. 19.
10. ОВ L 39, 14.2.1976, С. 40.
11. ОВ L 6, 10.1.1979, С. 24.

12. ОВ L 225, 12.8.1986, С. 40.
13. ОВ L 359, 19.12.1986, С. 56.
14. ОВ L 348, 28.11.1992, С. 1
15. ОВ L 145, 19.6.1996, С. 4
16. ОВ L 14, 20.1.1998, С. 6.
17. ОВ L 373, 21.12.2004, С. 37.
18. ОВ L 204, 26.7.2006, С. 160.

УДК 347.1

*Д. Н. Лычковский*

*Академия МВД Республики Беларусь*

## **СООТНОШЕНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ С ИНЫМИ КОНСТИТУЦИОННЫМИ ПРАВАМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассматриваются вопросы о соотношении права на неприкосновенность личности с иными конституционными правами. Проводится анализ различных точек зрения ученых, посвященных вопросам неприкосновенности личности, выявляются проблемы связанные с определением содержания право на жизнь, неприкосновенности личной жизни, предложено определение понятия охраняемая информация.

The article deals with the relationship between the right to security of the person with other constitutional rights. The analysis of the various points of view of scientists dedicated to the issues of integrity of the person, identified problems associated with the definition of the content of the right to life, privacy, suggested a definition of secure information.

**Введение.** Правовой институт неприкосновенности личности – проявление принципов гуманизма и справедливости, характерных для демократического общества, занимает одно из ведущих мест в системе личных прав и свобод человека. Личные права и свободы составляют первооснову правового статуса человека и гражданина, являются важнейшим элементом всей системы прав и свобод и во многом характеризуют степень цивилизованности общества и государства.

**Основная часть.** Личные права являются базисом для других групп прав и свобод и составляют основу конституционного статуса личности. Неслучайно в разделе II «Личность, общество, государство» Конституции свобода, неприкосновенность и достоинство личности установлено первым, после права на жизнь.

Содержание права на жизнь в Конституции не раскрывается, по-

этому в правовой литературе в него вкладывается различный смысл. Так, по мнению М. Н. Малеиной, «Право на жизнь в аспекте сохранения жизни (индивидуальности) трактовалось в нашей стране, прежде всего, как отказ от войны и участия в ней, отказ от смертной казни, установление порядка применения оружия и его нахождения в гражданском обществе. ... Право на жизнь в аспекте распоряжения своей жизнью проявляется как возможность подвергать себя значительному риску и решать вопрос о прекращении жизни» [1, с. 50, 53, 57]. По мнению М. В. Баглая, право на жизнь представляет собой неотъемлемое право человека, означающее, что никто не может быть произвольно лишен жизни. «Право на жизнь, прежде всего, предполагает проведение государством миролюбивой внешней политики, исключаяющей войны и конфликты» [2, с. 178]. Человек может отказаться от своего права на жизнь, а также от использования его компонента – права на неприкосновенность жизни и закончить свою жизнь самоубийством. Однако он не может отказаться от охраны государством его жизни, являющейся важнейшей обязанностью последнего, которой корреспондирует право человека на неприкосновенность его жизни, обеспеченное целым рядом правовых гарантий. Так, часть 4 ст. 11 (Неприкосновенность личности) Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь устанавливает, что содержание лица, в отношении которого применена мера пресечения в виде заключения под стражу, домашний арест, а также лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, должно осуществляться в условиях, исключающих угрозу их жизни и здоровью [3, с. 12]. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях охраняет жизнь человека, вводя ответственность за нарушение правил по охране труда (ст. 9.17.), нарушение законодательства о труде (ст. 9.19.) и др. [4]. Кроме того, лицо имеет право на необходимую оборону. Согласно ст. 34 (Необходимая оборона) Уголовного кодекса Республики Беларусь каждый гражданин имеет право на защиту от общественно опасного посягательства.

Право на неприкосновенность личности тесно связано с правом на неприкосновенность личной жизни. Согласно ст. 28 Конституции каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Некоторые авторы исходят из необходимости детализации элементов личной (частной) жизни, с помощью которых они делают попытку очертить все стороны этого понятия. Так, по мнению И.Л. Петрухина, частная жизнь представляет собой жизнедеятельность человека в осо-

бой сфере семейных, бытовых, личных, интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, общественных организаций, граждан; этим понятием охватывается свобода уединения, размышления, вступления в контакты с другими людьми или воздержания от таких контактов; свобода высказываний и тайна жилища, дневников, других личных записей, переписки, других почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, содержания телефонных и иных переговоров; тайна усыновления; гарантированная возможность доверить свои личные и семейные тайны священнику, врачу, адвокату, нотариусу без опасения на разглашение. Он полагает, что домашний уклад, интимные привязанности, личные симпатии и антипатии также охватываются понятием частной жизни, подчеркивая при этом, что все происходящее в жилище не может прослушиваться и предаваться гласности. Семейный бюджет, распоряжение личной собственностью и денежными вкладами, само их наличие – все это также сфера частной жизни. Г.А. Василевич, пишет, что ст. 28 Конституции «закрепляет неприкосновенность личной (частной) жизни, под которой в юридической литературе понимают физическую и духовную область, контролируемую самим человеком. Оно включает право на личную и семейную тайну, свободу общения, располагать собой, включает недопустимость прослушивания и записи его переговоров, просмотр корреспонденции, право на тайну голосования, право на защиту личности и др. К сфере частной жизни относят брак (развод), деторождение (усыновление), распоряжение собственностью, семейным бюджетом, тайну вкладов, информацию о состоянии здоровья, свободу вероисповеданий» [5, с. 295]. Данные высказывания ученых-юристов свидетельствуют о многогранности понятия «личная (частная) жизнь», которой и определяется возможность его различного определения. Несколько упрощая решение этого вопроса, можно сказать, что под личной (частной) жизнью следует понимать такую сферу, которой распоряжается сам индивидум, которая традиционно или сознательно скрывается от посторонних лиц. Право на неприкосновенность личной жизни не даруется государством, оно принадлежит человеку от рождения. Вместе с тем, с учетом требований ст. 23 Конституции, возможно вторжение в личную жизнь в целях борьбы с преступлениями (правонарушениями); в связи с эпидемией или стихийным бедствием и ликвидацией их последствий; в условиях военного или чрезвычайного положения.

Таким образом, право на неприкосновенность личной жизни означает неприкосновенность личных и семейных тайн, чести и доброго имени человека, а также тайны переписки, телефонных переговоров,

почтовых, телеграфных и иных сообщений. Однако в качестве основного условия работы с информацией, содержащей сведения персонального характера о личной жизни лица, предусматривается его согласие на осуществление всех видов действий с такой информацией. Это относится к любому физическому лицу, находящемуся на законных основаниях на территории Республики Беларусь.

Необходимо различать личную и семейную тайну потому как к личной тайне относится такая тайна, которая не доверяется никому: ни членам своей семьи, ни врачам, ни адвокатам, ни представителям иных профессий без особой необходимости. Гражданин, располагая личной тайной, вправе ею распорядиться: раскрыть ее кому-либо в силу приятельских отношений или не посвящать в нее никого.

Конституция, обозначила родовую характеристику анализируемого права, что позволяет определить его соотношение со смежными конституционными положениями гражданина, выделяет в статье 28 также самостоятельное право на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений. Это право неразрывно связано с категорией неприкосновенности. Оно означает недопустимость разглашения информации, которой обмениваются между собой люди, т.е. иначе говоря, неприкосновенность этой информации [6, с. 179]. Право тайны корреспонденции было исследовано в работах Ф.М. Рудинского, писавшем, что «право тайны переписки – это конституционное право советских граждан на государственную охрану их корреспонденции или иной письменной информации личного характера». Таким образом, под охраняемой информацией следует понимать не только корреспонденцию, но и телефонные и иные сообщения (переговоры, почтовые и телеграфные сообщения, иные сведения, включая сообщения, переданные по факсу, телексу, радио, через спутниковую связь, с использованием других технических каналов связи).

В Республике Беларусь категория «неприкосновенность» неразрывно связана с правом на неприкосновенность жилища. Согласно ст. 29 Конституции «Неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан гарантируется. Никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли». Для правильного понимания и применения содержания ст. 29 Конституции важно уяснение понятия жилище. Жилищный кодекс Республики Беларусь не определяет понятие «жилище», а указывает лишь на то, что признается жилым помещением (ст. 1 п. 14). В целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданами своих прав на свободу передвижения и выбор места жительства, предусмотренных ст. 30 Конституции, а также совершен-

ствования системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания издан Указ Президента Республики Беларусь от 7.09.2007 г. № 413 «О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания», утвердивший положение о регистрации граждан по месту жительства и месту пребывания [7]. Данным Указом по существу сняты многие ранее существовавшие барьеры на пути реализации гражданами права на свободу передвижения. В Указе под местом жительства понимается местонахождение (адрес) жилого помещения, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, и в котором он постоянно либо преимущественно проживает. Место пребывания – это местонахождение (адрес) жилого помещения или помещения для временного проживания, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, и в котором он временно пребывает. Помещение для временного проживания – садовый домик, дача.

Однако и приведенный перечень не в полной мере соответствует конституционному требованию неприкосновенности жилища, так как лицо может иногда вынужденно использовать в качестве жилища и другие приспособленные для этого помещения, например домик на колесах, чердачные помещения, подвалы, хозяйственные постройки [с. 56]. Тем не менее, каково бы не было содержание понятия «жилища», ясно одно – данное право распространяется не только на полезную жилую площадь, постоянную или временную, но и на вспомогательные, подсобные ее помещения, т.е. на весь комплекс помещений, расположенных на определенной территории, граница которой определяет сферу известной обособленности личной жизни человека от окружающих.

**Заключение.** Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

В качестве правового института неприкосновенность личности представляет собой конституционные нормы о праве граждан на неприкосновенность личности, нормы отдельных отраслей права, конкретизирующих его.

Право на неприкосновенность личности закрепляется нормативными документами в комплексе с другими личными правами и свободами человека и гражданина (право на свободу, неприкосновенность и достоинство личности; право на личную жизнь; право на неприкосновенность жилища; право на свободу передвижения и выбор места жительства и др.), что еще раз подтверждает значимость данного права в системе основных прав и свобод человека и гражданина.

Право на неприкосновенность личной жизни означает неприкосновенность личных и семейных тайн, чести и доброго имени человека, а также тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

В качестве основного условия работы с информацией, содержащей сведения персонального характера о личной жизни лица, предусматривается его согласие на осуществление всех видов действий с такой информацией. Это относится к любому физическому лицу, находящемуся на законных основаниях на территории Республики Беларусь.

Под охраняемой информацией следует понимать не только корреспонденцию, но и телефонные и иные сообщения (переговоры, почтовые и телеграфные сообщения, иные сведения, включая сообщения, переданные по факсу, телексу, радио, через спутниковую связь, с использованием других технических каналов связи).

#### **Список использованных источников**

1. Малеина, М. Н. О праве на жизнь / М. Н. Малеина // Советское государство и право. – 1992. – С. 50, 53, 57.

2. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов / М. В. Баглай. – М., 2004. – С. 177, 178, 181.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 320 с.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2007. – 448 с.

5. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: Учебник / Г. А. Василевич. – Минск: Книжный Дом, 2010. – 768 с.

6. Кутафин, О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О. Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2004. – 407 с. – (Res cottidiana).

7. О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания: Указ Президента Республики Беларусь от 7.09.2007 г. № 413 (в ред. Указов Президента Республики Беларусь от 31.12.2007 N 704, от 26.08.2008 N 445, от 26.08.2008 N 446, от 09.03.2009 N 125, от 11.06.2009 N 305, от 08.06.2010 N 296, от 27.06.2011 N 276, от 30.09.2011 N 439, от 17.04.2013 N 197, от 17.11.2014 N 535) / Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 10.09.2007 г. N 1/8873.

8. Овадюк, Г. Т. Конституционное право на личную неприкосновенность человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.02. – Москва, 2006. – 191 с.

**О. Н. Людвигевич**

*УО «Барановичский государственный университет»*

## **ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ УВОЛЬНЕНИЯ**

Статья посвящена анализу оснований, увольнение по которым является мерой дисциплинарного взыскания. Сделан вывод о необходимости расширения таких оснований, что позволит урегулировать вопрос о необходимости соблюдения порядка применения мер дисциплинарного взыскания при увольнении по дискредитирующим основаниям.

Article is devoted the analysis of the bases dismissal on which is a summary punishment measure. The conclusion is drawn on necessity of expansion of such bases that will allow to settle a question on necessity of observance of an order of application of measures of summary punishment at dismissal on the discrediting bases.

Введение. Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь) содержит исчерпывающий перечень оснований дисциплинарного увольнения. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 198 увольнение является дисциплинарным, если производится по следующим основаниям: систематическое неисполнение работником без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если к работнику ранее применялись меры дисциплинарного взыскания; прогул (в том числе отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня) без уважительных причин; появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также распитие спиртных напитков, употребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических веществ в рабочее время или по месту работы; совершение по месту работы хищения имущества нанимателя, установленного вступившим в законную силу приговором суда или постановлением органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания; однократное грубое нарушение требований по охране труда, повлекшее увечье или смерть других работников; однократное грубое нарушение трудовых обязанностей руководителем организации (обособленного подразделения) и его заместителями, главным бухгалтером и его заместителями (п.п. 4, 5, 7, 8, 9. ст. 42, п. 1 ст. 47) [1].

Вместе с тем, ТК Республики Беларусь и иными нормативными

правовыми актами, в частности Декретом Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 года № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» (далее – Декрет № 29) [2], Декретом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 года № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (далее - Декрет № 5) [3] предусмотрены другие основания увольнения, которые также связаны с совершением работниками виновных действий. Такая ситуация порождает сложности при реализации нанимателями процедуры увольнения и рассмотрении судами трудовых споров, поскольку законодатель не дает четкого ответа на вопрос о необходимости соблюдения сроков и порядка увольнения, установленных ст.ст. 199-201 ТК Республики Беларусь.

Основная часть. П. 2.10. Декрета № 29 устанавливает дополнительные основания досрочного расторжения контракта по инициативе нанимателя за следующие нарушения работником возложенных на него трудовых обязанностей: причинение в связи с исполнением трудовых обязанностей государству, юридическим и (или) физическим лицам имущественного ущерба, установленного вступившим в законную силу решением суда или решением о привлечении к административной ответственности, принятым иным уполномоченным государственным органом (должностным лицом); неоднократное нарушение установленного законодательством порядка рассмотрения обращений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц, а также неправомерный отказ в рассмотрении относящихся к компетенции соответствующего государственного органа обращений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц; незаконное привлечение к ответственности граждан и юридических лиц; неоднократное представление в уполномоченные органы неполных либо недостоверных сведений и другие [2].

Перечень оснований, содержащихся в Декрете № 29, был дополнен Декретом № 5. В соответствии с п. 6 Декрета № 5 «Трудовые договоры (контракты) до истечения срока их действия могут быть расторгнуты нанимателем по основаниям, признаваемым дискредитирующими обстоятельствами увольнения». К дискредитирующим обстоятельствам отнесены дисциплинарные основания увольнения и основания, которые согласно ст. 198 ТК Республики Беларусь таковыми не являются, в частности, совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные и материальные ценности, если эти действия являются основанием для утраты доверия к нему со стороны нанимателя; совершение работником, выполняющим

воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы; разглашение коммерческой тайны работником, имеющим к ней доступ, и другие [3].

В комментарии Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь к Декрету № 5 указывается, что увольнение по дискредитирующим обстоятельствам является мерой дисциплинарного взыскания [4, с. 13]. Такая позиция, по нашему мнению, преждевременна и противоречит действующей редакции ст. 198 ТК Республики Беларусь. Однако мнение Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь имеет рациональное зерно по следующим причинам.

Согласно справочной литературе дискредитировать – значит подорвать доверие, умалить авторитет [5, с. 143]. Анализ дискредитирующих обстоятельств увольнения, изложенных в п. 6 Декрета № 5, позволяет утверждать, что практически все они связаны с совершением работником виновных действий и с непосредственным исполнением трудовых обязанностей (за исключением оснований, предусмотренных п.п. 6.3. и 6.6. Декрета № 5).

О том, что рассматриваемые основания увольнения могут быть отнесены к дисциплинарным, свидетельствует и п. 4.2. Декрета № 5, который устанавливает безусловное привлечение к дисциплинарной ответственности руководителя организации вплоть до увольнения с занимаемой должности за необеспечение производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины работников, ненадлежащие условия труда работников, сокрытие или подмену основания увольнения работника при наличии основания его увольнения за совершение виновных действий [3].

Как обоснованно отмечает И. В. Гуцин, «Увольнение работника по дискредитирующим обстоятельствам производится по особой процедуре, схожей с привлечением к дисциплинарной ответственности». До увольнения работника по таким обстоятельствам наниматель обязан провести проверку допущенных работником нарушений, оформить ее результаты актом, затребовать письменные объяснения работника [6, с. 5].

Кроме того, увольнение по дискредитирующим обстоятельствам предполагает пребывание работника в «состоянии наказанности», поскольку п. 8 и п. 9 Декрета № 5 устанавливают ограничения на занятие руководящих должностей лицами, уволенными по таким основаниям, в течение пяти лет после увольнения [3]. В этой связи следует отметить, что «состояние наказанности» связано с реализацией дисциплинарной ответственности и непосредственно выражается в определенных ограничениях.

Для законодательной практики других стран, как правило, характерен более широкий подход к определению перечня оснований, увольнение по которым является дисциплинарным взысканием. Так, ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации относит к таким основаниям разглашение охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей известной работнику в связи с исполнением трудовых обязанностей, в том числе разглашение персональных данных другого работника; совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны работодателя, совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы, когда виновные действия, дающие основание для утраты доверия, либо аморальный проступок совершены работником по месту работы в связи с исполнением трудовых обязанностей [7]. В Трудовой кодексе Российской Федерации также предусмотрены основания увольнения отдельных категорий работников, увольнение по которым связано с реализацией дисциплинарной ответственности работников: повторное в течение одного года грубое нарушение устава образовательного учреждения; спортивная дисквалификация на срок шесть и более месяцев; нарушение спортсменом, в том числе однократное, антидопинговых правил [7]. Аналогичный, достаточно широкий перечень оснований, увольнение по которым признается дисциплинарным взысканием, характерен и для законодательной практики Казахстана [8].

Кроме того, как обоснованно подчеркивает О.С.Курылева, основу модели прекращения трудового договора составляет принцип свободы труда и запрещение всех форм принудительного и обязательного труда, которое сочетается с ограничением права нанимателя на увольнение работников как более слабой стороны трудового договора. Однако в развитии законодательства Республики Беларусь наблюдается тенденция отказа от данной модели не только в отношении права работника на прекращение трудового договора по его инициативе, но и права нанимателя на прекращение трудового договора по его инициативе. Ограничение возможности нанимателя увольнять работников по своей инициативе закрепляется путем достижения гарантийных норм, в том числе предусматривающих основания увольнения по инициативе нанимателя в виде исчерпывающего перечня, и предоставления нанимателю права (не обязанности) на увольнение [9, с. 139].

Заключение. Таким образом, с целью устранения возможных коллизий, проблем в реализации процедуры увольнения, обеспечения пра-

вовою определенности, недопущения возникновения споров, связанных с увольнением, полагаем, что отдельные дискредитирующие обстоятельства увольнения могут быть отнесены к дисциплинарным основаниям и соответственно указаны в ст. 198 ТК Республики Беларусь.

Такие основания увольнения, предусмотренные ст. 47 ТК Республики Беларусь, как совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные и материальные ценности, если эти действия являются основанием для утраты доверия к нему со стороны нанимателя; совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы; неподписание, либо нарушение работником, являющимся государственным должностным лицом, письменного обязательства по соблюдению ограничений, предусмотренных законодательством о борьбе с коррупцией; неподписание работником, которому для исполнения своих трудовых обязанностей необходим доступ к коммерческой тайне, обязательства о неразглашении коммерческой тайны либо разглашение коммерческой тайны работником, имеющим к ней доступ (п.п. 2, 3, 5, 6 ст. 47) [1] связаны с исполнением трудовых обязанностей и виной работника, в связи с чем могут быть отнесены к дисциплинарным основаниям увольнения.

Указанное решение проблемы потребует от нанимателя соблюдения процедуры и сроков увольнения, предусмотренных ТК Республики Беларусь, и внесет определенность в отношения, связанные с привлечением и реализацией дисциплинарной ответственности.

### **Список цитированных источников**

1. Трудовой кодекс Респ. Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 25.07.2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины : Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 13.02.2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций : Декрет Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2014 г., № 5 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Комментарий к Декрету Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и ра-

ботникам организаций». По материалам сайта Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь // Труд и заработная плата. – 2015. – Январь. – С. 9–14.

5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд. – М. : Рус. яз., 1984. – 797 с.

6. Гущин, И. В. вопросы расторжения нанимателем трудового договора (контракта) с работниками по дискредитирующим обстоятельствам / Д. И. Гущин // Проблемы правотворческой и правоприменительной практики в условиях развития информационного общества : сб. науч. ст. в 2-х ч. Ч. 2 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. : С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГМУ, 2015. – 364 с. – С. 3–6.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации : Закон Российской Федерации, 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : в ред. федер. Закона Российской Федерации от 30.12.2015 // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.

8. Трудовой кодекс Респ. Казахстан : Закон Респ. Казахстан, 23 нояб. 2015 г., № 414-V ЗРК // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.base.spinform.ru>. – Дата доступа : 03.03.2016.

9. Курылева, О. С. Отрицательные последствия изменения модели прекращения трудовых отношений по инициативе нанимателя / О. С. Курылева // Парадигма трудового и социального права в эпоху построения постиндустриального общества : сб. науч. трудов по итогам III междунар. Науч.-практ. Конф., 23–24 окт. 2015 г. / редкол. : К. Л. Томашевский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар ун-т «МИТСО», 2015. – 270 с. – С. 83–85.

УДК 349.225

*Т. А. Мазурова*

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **СОЧЕТАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПО ПОВОДУ ВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ**

В статье анализируется состояние правового регулирования трудовых отношений с позиций государственного и договорного уровней. На примере общественных отношений, возникающих по поводу выплаты заработной платы, обосновывается разумность приоритета государственного регулирования социально значимых сфер трудовых отношений, приводятся пути разрешения сложившихся на практике случаев злоупотребления правом.

The article analyzes the state of the legal regulation of labor relations from the standpoint of public and local levels. On the example of public relations arising concerning payment of wages it justifies that's exists the reasonableness of the priority of state regulation of socially important spheres of labor relations, also are shown the ways to solve the cases of abuse of rights existing on practice.

**Введение.** В рамках проблемы регулирования трудовых отношений по-прежнему остается актуальным вопрос изучения направлений реализации принципа сочетания государственного и договорного регулирования трудовых отношений. Заслуживающей отдельного рассмотрения представляется реализация такого принципа при регулировании общественных отношений, возникающих по поводу выплаты заработной платы, в том числе в целях предотвращения злоупотребления работником своим безусловным правом получать заработную плату регулярно в дни, определенные в коллективном договоре, соглашении или трудовом договоре, но не реже двух раз в месяц, закрепленным ч. 1 ст. 73 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) [1], или правом получать заработную плату регулярно в дни, определенные коллективным договором (соглашением), трудовым договором (контрактом), но не реже одного раза в месяц, закрепленным ч. 1 п. 4 Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 “О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины” (далее – Декрет № 29) [2]. Следует отметить, что проблема злоупотребления правом в ракурсе трудовых правоотношений сама по себе недостаточно разработана в национальной науке трудового права и требует отдельного изучения, однако в данной работе представляется возможным коснуться указанной проблемы лишь в целях приведения примеров при определении необходимой пропорции государственного и договорного регулирования общественных отношений, возникающих по поводу выплаты заработной платы.

**Основная часть.** По мнению К. Л. Томашевского, в 2014 г. в Беларуси вопросы локального нормотворчества в сфере труда не были предметом монографических исследований со стороны ученых, публиковались лишь отдельные разделы в книгах И. В. Гущина, статьи А. А. Костузик, О. В. Чесалиной и др. [3, с. 28]. Автором проведен анализ направления развития правового института коллективного договорного регулирования трудовых отношений на примере Генерального соглашения между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2016 – 2018 годы [4], а также анализа отдельных коллективных договоров организаций г. Гомеля, локальных нормативных правовых актов ряда

организаций. Исходя из сформированной эмпирической базы, видится необходимым отметить, что ряд норм ТК (например, ч. 7 ст. 43, ч. 5 ст. 71, ч. 1 ст. 168, ст. 190, ст. 259, и др.) и неcodифицированных законодательных и подзаконных актов (например, подп. 3.1 п. 3 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 “Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций” [5], ч. 2 п. 8 Общих положений Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, утвержденного постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 30 марта 2004 г. №34 [6], п. 8 Инструкции о порядке, условиях и размерах выплаты компенсаций за подвижной и разъездной характер работы, производство работы вахтовым методом, постоянную работу в пути, работу вне места жительства (полевое довольствие), утвержденной постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 25 июля 2014 г. № 70 [7], и др.) воспринимаются как устанавливающие компетенцию правоприменителя – профессиональных союзов, нанимателей – по допустимости включения в коллективные договоры или локальные нормативные правовые акты тех или иных норм, регулирующих трудовые отношения.

При заключении трудовых договоров (в том числе контрактов) наниматели вообще крайне редко предлагают работникам ознакомиться с проектами предполагаемых к подписанию трудовых договоров (контрактов), отличные от примерных форм, утвержденных во исполнение требования ч. 2 ст. 18 ТК. Отклонениями от примерных форм, устанавливаемыми в ходе проверок, проводимых контролирующими (надзорными) органами, является лишь невключение тех или иных пунктов в трудовые договоры работников, обязательность включения которых предписана законодательством. Очевидно, что такое несоблюдение норм законодательства является недопустимым нарушением. На практике установленной компетенцией нанимателя по включению в трудовые договоры дополнительных условий принимается норма ч. 3 ст. 19 ТК, а именно: в трудовом договоре могут предусматриваться дополнительные по сравнению с требованиями ч. 2 ст. 19 ТК условия об установлении испытательного срока, срока обязательной работы после получения образования не менее установленного договором, если обучение производилось за счет средств нанимателя, и иные условия, не ухудшающие положения работника по сравнению с законодательством и коллективным договором [1]. При этом крайне редко встречаются иные условия, которые не названы в ч. 3 ст. 19 ТК. Таким образом, на данном этапе развития отрасли трудового права законодателем в Республике Беларусь устанавлива-

ется, а правоприменителем принимается предложенная компетенция в договорном регулировании трудовых и связанных с ними отношений.

Дискуссионным является вопрос о готовности общества к переходу на иной уровень подхода к договорному регулированию трудовых отношений, когда государством будет лишь ограничиваться в определенных целях, например, недопущения злоупотребления правом, компетенция нанимателя по созданию тех или иных норм, отражающих его видение трудовых отношений с работниками на конкретном этапе хозяйственной деятельности. Между тем, заместителем Министра труда и социальной защиты Республики Беларусь И. Г. Старовойтовым в рамках научно-практической конференции “Актуальные вопросы правового регулирования труда: тенденции и перспективы” отмечено, что задачей министерства является нахождение гармонии между защитной функцией трудового законодательства и функцией развития. Докладчиком отмечено, что Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь считает, что трудовое законодательство ни в коем случае не должно отставать от процессов, происходящих в экономике, иначе оно станет тормозом на пути экономического развития страны [8, с. 7]. Вместе с тем, в отдельных сферах трудовых отношений, как видится, в настоящее время поспешным будет увеличивать пропорцию между государственным и договорным уровнями регулирования в сторону последнего. Одной из таких сфер являются общественные отношения по поводу выплаты заработной платы.

В настоящее время законодательством достаточно жестко определен порядок и сроки выплаты заработной платы (в рамках настоящего исследования не будем рассматривать порядок и сроки выплаты окончательного расчета при увольнении работника, среднего заработка, перечисляемого работникам в случаях, предусмотренных законодательством). Кроме того, ч. 1 ст. 9.19 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях установлена ответственности нанимателя и его должностных лиц за нарушение порядка и сроков выплаты заработной платы [9]. На откуп договорного уровня регулирования оставлено лишь определение конкретных дат месяца для выплаты заработной платы, однако с соблюдением установленного законодательством условия регулярности и критерия периодичности (определенное количество раз в месяц), а также определение места выплаты заработной платы (ст. 75 ТК). Данная тенденция видится автору не только допустимой, но и необходимой в условиях сложившейся непростой экономической ситуации в нашей стране. Приведенная точка зрения, несомненно, дискуссионна, в связи с чем ниже приведем свои доводы.

Получение заработной платы – это основной мотив для работника в установлении индивидуальной правовой связи с нанимателем. Заработная плата позволяет человеку удовлетворить базовые потребности, которыми, согласно общепотребительной иерархической модели потребностей человека А. Маслоу являются физиологические потребности в питании, жилье, одежде. Таким образом, заработная плата является необходимым социальным гарантом свободы и безопасности человека.

Как указывалось выше, заработная плата подлежит выплате регулярно в дни, определенные в коллективном договоре, соглашении или трудовом договоре, но не реже двух раз в месяц (ст. 73 ТК), а в трудовых отношениях, возникающих на основании трудовых контрактов, либо в дни, определенные коллективным договором (соглашением), трудовым договором (контрактом), но не реже одного раза в месяц (ч. 1 п. 4 Декрета № 29). Указанные нормы сдерживают тенденции к появлению локальных норм, отличных от их содержания. Ниже приведем примеры из практики работы автора в качестве главного государственного инспектора труда отдела надзора за соблюдением законодательства о труде Гомельского областного управления Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (далее – Гомельское областное управление).

Известно, что не допускается выплата заработной платы работникам, работающим на основании трудовых договоров (кроме контрактов), один раз. Нарушение данного правила достаточно часто встречается в трудовых договорах, заключенных с работниками организаций частной формы собственности. При участии автора в проведении в 2016 году Гомельским областным управлением плановой проверки соблюдения законодательства о труде и об охране труда руководителем одной организации, осуществляющей хозяйственную деятельность в форме общества с ограниченной ответственностью, причиной нарушения указанного правила при установлении сроков выплаты заработной платы в трудовых договорах всех работников организации (более 100 человек) указано такое обстоятельство: большинство работников склонны к злоупотреблению алкоголем при появлении у них значительных сумм денежных средств, в связи с чем выплата заработной платы два раза в месяц, а особенно в будние дни, дезорганизует работу в организации на неделю после выплаты заработной платы. Заключение контрактов, позволяющих производить выплату заработной платы 1 раз, руководитель считает неприемлемым, поскольку контракты увеличивают документооборот в организации, связанный с их продлением и перезаключением, что влечет дополнительную нагрузку на работника, занимающегося кадровым делопроизвод-

ством, и соответственно финансовые затраты на оплату его труда, также упоминаются финансовые затраты на обеспечение мер стимулирующего характера, предусмотренных законодательством о контрактной форме найма, а множественность требований законодательства к действиям нанимателя, заключившего с работниками контракты, отвлекает нанимателя от хозяйственной деятельности.

Не допускается выплата заработной платы как позднее, так и ранее установленных сроков выплаты. Спорным видится утверждение о возможности выплаты заработной платы по усмотрению нанимателя ранее сроков, установленных в трудовом договоре, заключенном с работником. В ходе внеплановой проверки, проведенной автором по обращению работника З. в 2014 году, установлено, что частным унитарным предприятием заработная плата работнику выплачивалась регулярно ранее сроков ее выплаты, установленных в трудовом договоре, заключенном с З., и более двух раз, в нарушение нормы договора. Факт наличия жалобы работника подтверждает, что оценка, данная нанимателем самостоятельно своим действиям относительно порядка и сроков выплаты З. заработной платы как улучшающим положение работника, не учитывает его интересы. Таким образом, одна из целей положения ст. 73 ТК – предотвращение нарушения интересов работников – реализована.

Также не допускается установление сроков выплаты заработной платы периодами. Это, пожалуй, самая сложная для исполнения норма о порядке выплаты заработной платы. Имеется в виду не сложность технического включения конкретных дней выплаты заработной платы, а сложность последующего соблюдения таких сроков с учетом имеющихся особенностей финансовых потоков в хозяйственной деятельности тех или иных организаций. По-прежнему часто встречаются коллективные и трудовые договоры, сроки выплаты заработной платы в которых определены периодами.

При исполнении императивных норм ст. 73 ТК встречаются случаи, когда самим работником путем подачи письменного заявления указывается нанимателю на выплату заработной платы один раз в месяц (когда, например, работник является совместителем с невысоким уровнем дохода) при наличии права на получение заработной платы два раза в месяц. Как известно, контролирующие (надзорные) органы при проведении проверок соблюдения законодательства о труде данные заявления во внимание не принимают и устанавливают нарушение законодательства о труде при выявлении случаев следования нанимателями таким заявлениям работников. А учитывая, что диспозиция ч. 1 ст. 9.19 КоАП не связывает действия нани-

мателя с необходимостью установления вреда работнику, формально описанные выше действия нанимателя могут быть квалифицированы как административное правонарушение. В данной связи видится возможным установление в главе 32 ТК исключения из общего правила ст. 73 ТК, допускающего выплату заработной платы совместителям один раз при условии установления такого условия в трудовом договоре. Сформулированное предложение соответствует ч. 2 ст. 73 ТК, согласно которой для отдельных категорий работников законодательством могут быть определены другие сроки выплаты заработной платы [1].

Открытым остается также вопрос о предотвращении злоупотребления работником своим безусловным правом на получение заработной платы в определенные дни. Случаи, когда работники отказываются от получения заработной платы, присутствуя при этом в месте ее выдачи, ставят нанимателя в затруднительную ситуацию выбора надлежащей формы исполнения требования императивных норм о порядке и сроках выплаты заработной платы. В этой связи считаем возможным допустить выплату нанимателем заработной платы путем ее перевода за свой счет по адресу места жительства, указанному работником при приеме на работу (при отказе работника от получения заработной платы, удостоверенном актом в присутствии двух свидетелей), дополнив ст. 75 ТК соответствующим положением. Отметим, что доводы, приводимые представителями субъектов хозяйствования в обоснование допущенных нарушений законодательства о труде при выплате заработной платы, часто видятся разумными и при допущении договорного регулирования общественных отношений, станут определяющими при выборе содержания локальных норм права, устанавливающих порядок и сроки выплаты заработной платы у конкретного нанимателя. В то же время не видится допустимым учитывать частные обстоятельства и разовые потребности нанимателя либо работника при определении содержания отдельных норм законодательства о труде, определяющих порядок и сроки выплаты заработной платы.

**Заключение.** В целях исключения фактов злоупотребления субъектами трудовых правоотношений своими правами представляется целесообразным урегулирование данного вопроса на уровне законодательных актов, тем более что этот вопрос уже озвучивается на конференциях, проводимых с участием представителей государственных органов [8, с.11].

В результате исследования представляется целесообразным внести предложения по совершенствованию законодательства:

Статью 346 ТК дополнить ч. 3 следующего содержания: “Выплата заработной платы работающему по совместительству может производиться один раз в месяц в день, определенный в трудовом договоре как при приеме на работу, так и впоследствии.”

Статью 75 ТК дополнить ч. 4 следующего содержания: “В случае отказа работника от получения заработной платы, оформленного актом с указанием присутствующих при этом свидетелей, заработная плата высылается работнику за счет нанимателя по известному нанимателю адресу места жительства работника.”

### Список использованных источников

1 Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.; одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь 15.07.2015 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2015. – 2/2303.

2 О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины: Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3 Томашевский, К. Л. Система источников трудового права в условиях глобализации и интеграции: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.05 / К. Л. Томашевский; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2014. – 52 с.

4 Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2016 – 2018 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://fpb.by/ru/menu\\_left/social\\_part/gen\\_agreement](http://fpb.by/ru/menu_left/social_part/gen_agreement). – Дата доступа 06.03.2016.

5 Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций: Декрет Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2014 г., № 5 // Нац. Правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2014. – 1/15465.

6 Общие положения Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, утв. постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, 30 марта 2002 г., №1851 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7 Инструкция о порядке, условиях и размерах выплаты компенсаций за подвижной и разъездной характер работы, производство работы вахтовым методом, постоянную работу в пути, работу вне места жительства (полевое довольствие), утв. постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, 25 июля 2014 г., № 70 // ЭТАЛОН. Законода-

тельство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

8 Актуальные вопросы правового регулирования труда: тенденции и перспективы / Главная книга.by. – 2015. - №11. – С. 7-22.

9 Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 21 апр. 2003 г., №194-З: принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г.// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 346: 347. 133: 347. 41

***Д. И. Михайлов***

*канд. юрид. наук, доц.*

*УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

## **СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕЕ СДЕЛКОСПОСОБНОСТИ**

В статье проводится сравнительный анализ правовых последствий совершения руководителем сделки с неопределенным финансовым результатом с целью предотвращения неплатежеспособности возглавляемой им коммерческой организации и бездействия руководителя в преддверии экономической несостоятельности. Значительное внимание уделяется системному толкованию ряда гражданско-правовых норм, регулирующих деликтные отношения с участием руководителя экономически несостоятельной организации.

The article presents a comparative analysis of the legal consequences of the commission of the head of a deal with uncertain financial results in order to prevent the insolvency of a commercial organization led by him and the head of inactivity in anticipation of economic insolvency. Considerable attention is paid to the systematic interpretation of a number of civil law governing tort relationship with the head of economically insolvent organizations.

Сделка, условия которой предполагают значительный риск возникновения (усиления) неплатежеспособности, может являться и одним из инструментов предотвращения экономической несостоятельности. Следствием материализации такого риска может стать не избежание, а увеличение количественной (стоимостной) составляющей неплатежеспособности, а также ускорение наступления устойчивой неплатежеспособности по времени.

В соответствии с ч. 3 ст. 52 Гражданского кодекса Республики Бе-

ларусь (далее – ГК) субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника наступает вследствие действий или бездействия лиц, правомочных давать обязательные указания для организации-должника.

При этом правило ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК в действующей редакции не позволяет определить допустимую для исключения субсидиарной ответственности руководителя организации степень риска по сделке с неопределенным финансовым результатом, направленной на предотвращение устойчивой неплатежеспособности. Вследствие этого снижается мотивация руководителя на поиск и реализацию всех возможных путей предотвращения экономической несостоятельности.

Целью данной работы является анализ содержания правила ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК с точки зрения квалификации сделки, направленной на предотвращение экономической несостоятельности и повлекшей противоположный результат.

Действующие постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27 октября 2006 г. № 11 «О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности» (далее – постановление № 11) и Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 18 ноября 2011 г. № 56 «Об ответственности субсидиарных должников» (далее – постановление № 56), содержащие официальное толкование правила ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК, констатируют возможность возложения субсидиарной ответственности как за действия, так и за бездействие, вызвавшие экономическую несостоятельность [1; 2]. Вместе с тем в данных актах делается акцент на возникновении экономической несостоятельности вследствие реализации руководителем организации его прав в отношении данной организации [1]. При этом бездействие руководителя юридического лица значительно сложнее квалифицировать как реализацию (использование) руководителем организации его прав.

Исходя из одного из требований гражданского законодательства к исполнению обязательств – заботливости и осмотрительности (ч. 2 п. 1 ст. 372 ГК) возникновение значительной угрозы устойчивой неплатежеспособности вследствие сделки, совершенной ради устранения минимального риска наступления соответствующей неплатежеспособности, сложно рассматривать как результат разумного и осмотрительного действия. При этом отсутствие у руководителя организации иных способов предотвращения наступления экономической несостоятельности существенного значения иметь не будет. Справедливость этого утверждения основывается не только на различной степени вероятности материализации рисков, связан-

ных с совершением сделки и имеющих место в отсутствие таковой. С формальной точки зрения, до совершения данной сделки устойчивая неплатежеспособность еще не наступила, а причиной ее возникновения стала именно конкретная сделка. При этом другие причины, в результате которых неплатежеспособность могла бы наступить и в отсутствие указанной сделки, не имеют значения, так как в данной ситуации неплатежеспособность возникла не в силу этих причин (рисков), а в результате сделки, направленной на устранение рисков.

Например, в постановлении апелляционной инстанции хозяйственного суда города Минска от 16 августа 2012 г. в качестве причин возникновения экономической несостоятельности ООО «Б» обозначено заключение:

- договора аренды здания, которое требовало дорогостоящей реконструкции. Заключение такого обременительного договора значительно повышало риск возникновения неплатежеспособности;

- договора займа с правом залогодателя на досрочное востребование суммы долга и процентов. Эта сделка существенно увеличивала риск устойчивой неплатежеспособности, так как при досрочном востребовании суммы долга и процентов ООО «Б» не могло их выплатить ввиду неосуществления предпринимательской деятельности (оказание медицинских услуг) до завершения реконструкции арендованного здания, а также отсутствия достаточных оборотных средств. Тем же постановлением было оставлено в силе решение суда первой инстанции о возложении субсидиарной ответственности на директора ООО «Б» на основании ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК [3]. Вместе с тем из текста указанного постановления не усматривается, имелись ли иные способы продолжения предпринимательской деятельности ООО «Б», помимо заключения обременительного договора аренды здания. Напротив, прослеживается вынужденный характер заключения этого договора в связи с расторжением прежнего договора аренды по требованию арендодателя.

Таким образом, можно констатировать существенное влияние отрицательного результата сделки, совершенной в целях предотвращения экономической несостоятельности, на применение правила ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК Беларуси. В связи с этим следует заключить, что данное правило стимулирует как руководителей коммерческих организаций, так и их участников (инвесторов) прекращать предпринимательскую деятельность при наличии значительного риска возникновения устойчивой неплатежеспособности, а не пытаться устранять такие риски посредством не менее рискованных действий, в том числе сделок, ко-

торые могут усилить неплатежеспособность. Однако практическая возможность прекращения предпринимательской деятельности без возникновения устойчивой неплатежеспособности присутствует далеко не всегда. Поэтому руководитель коммерческой организации может оказаться перед выбором между совершением рискованной сделки и бездействием, имеющим цель отсрочить наступление устойчивой неплатежеспособности, исходя из предположения о возникновении в будущем иных возможностей предотвратить неплатежеспособность. При осуществлении такого выбора норма ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК стимулирует руководителя организации к бездействию как альтернативе рискованной сделке, что обусловлено рядом причин.

Одна из них – отраслевая принадлежность субинститутутов уставного представительства и субсидиарной ответственности. Нормы о субсидиарной ответственности, в том числе о ее возникновении у лиц, вызвавших экономическую несостоятельность коммерческой организации, входят в состав обязательственного права (подотрасли гражданского права). Неслучайно суды квалифицируют отношения уставного представительства, складывающиеся между коммерческой организацией и ее руководителем, как обязательственные правоотношения, выводя их за рамки трудовых отношений, в которых руководитель организации выступает в качестве работника [4].

Правило ст. 290 ГК обязывает исполнять обязательства в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями при отсутствии конкретных, установленных законом или договором. Такие обычные требования к исполнению обязательства во многом основаны на презумпции добросовестности и разумности. Разумность представляет собой оценочную категорию. Одним из распространенных вариантов ее толкования применительно к сделке, которая с равной степенью вероятности может как предотвратить неплатежеспособность, так и ускорить ее возникновение (увеличить ее), является отрицание проявления разумности при совершении данной сделки. С точки зрения разумности, любая отсрочка всегда воспринимается как позитивная мера, а любое чрезмерно рискованное действие, напротив, как мера негативная.

В ряде случаев суды справедливо стремятся избежать толкования категории разумности ввиду сложности ее оценки, во многом основанной на неоднозначных философских категориях. В таких случаях суды обосновывают возложение субсидиарной ответственности на руководителей экономически несостоятельных организаций ссылками на норму ч. 2 п. 1 ст. 372 ГК, в силу которой лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям гражданского оборота,

оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства [3].

Доводом в пользу наличия вины в качестве обязательного условия возложения субсидиарной ответственности, может служить отсутствие в рассматриваемых нормах прямых оговорок о безвиновной ответственности руководителя организации, вызвавшего ее несостоятельность. Доводами же в пользу безвиновной субсидиарной ответственности руководителя могут являться: а) отсутствие в ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК упоминания вины в качестве условия наступления такой ответственности; б) то обстоятельство, что возникновение неплатежеспособности, как правило, имеет место по денежным обязательствам в сфере предпринимательства.

Вместе с тем оценка действий (бездействия) руководителя с позиции категорий заботливости и осмотрительности возможна независимо от необходимости установления вины руководителя в наступлении экономической несостоятельности возглавляемой им организации. «Добросовестность» и «разумность» являются оценочными категориями, критерии оценки которых не установлены нормами гражданского законодательства, представляется обоснованным уточнение данных категорий. Такое уточнение можно реализовать, используя более конкретные понятия, содержащиеся в соответствующих нормах, опираясь на общепризнанную рекомендацию определять смысл добросовестности и разумности с учетом конкретной ситуации [4, с. 52]. При этом в обязательственном праве разумность предполагает осмотрительность.

Другой причиной стимулирования бездействия как альтернативы сделке с повышенным риском является обязанность руководителя организации действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, чьи интересы он представляет. Данная обязанность вытекает не только из принципов исполнения обязательств (ст. 290 ГК), но также из нормы п. 3 ст. 49 ГК, касающейся реализации дееспособности организации. С учетом наличия в гражданском законодательстве Республики Беларусь такой нормы руководителем организации, с позиции избежания субсидиарной ответственности, приоритет будет отдан с большей вероятностью бездействию, нежели совершению сделки с повышенным риском. Само существование такой нормы обеспечивает возможность оценки действий руководителя организации не как должника в абстрактном обязательстве, а как субъекта, обязанного действовать добросовестно и разумно именно при реализации полномочий уставного представителя. Учитывая специфику правоотношений представительства в целом и уставного представительства в частности, можно констатировать более высокую значимость категории добросовестности по сравнению с категорией разум-

ности. Разумность действий представителя во многом ограничивается границами его полномочий, а добросовестность представителя не ограничивается ничем. При этом многие ученые, в том числе Г. А. Гаджиев, А. А. Чукреев, Н. Л. Бондаренко, рассматривают добросовестность как разумное ограничение действия в своем интересе ради соблюдения интересов других граждан, организаций, общества и государства [5, с. 58; 6, с. 103; 7, с. 148–149].

Сделка с повышенным риском возникновения (усиления) неплатежеспособности в ряде аспектов противоречит общепризнанному смыслу категории добросовестности в большей степени, чем осмотрительное бездействие. Во-первых, такая сделка создает риск ущемления интересов не только самой организации-должника, но и контрагента данной организации по этой сделке, особенно в случае, если обязательство должника по сделке является денежным. Во-вторых, рассматриваемая сделка создает риск ущемления интересов участников организации-должника, которые, возможно, смогли бы предотвратить экономическую несостоятельность посредством предоставления финансовой помощи или введения в действие плана досудебного оздоровления. В-третьих, рискованная нерезультативная сделка может поставить под угрозу интересы уже имеющихся кредиторов организации-должника в случае, если возникшее денежное обязательство должника создает риск увеличения его неплатежеспособности.

Буквальное толкование правила ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК не позволяет констатировать причинно-следственную связь между бездействием руководителя организации и возникновением ее неплатежеспособности, если единственной возможностью избежать неплатежеспособности являлось совершение сделки с чрезмерным риском ускорения и (или) увеличения неплатежеспособности. Например, при рассмотрении дела дело № 89-5/2007/964К несколькими судебными инстанциями справедливо не была усмотрена причинно-следственная связь между экономической несостоятельностью СООО «А» и бездействием его директора, выразившемся в отказе от исполнения вновь заключенных договоров аренды производственных площадей по причине временного возобновления энергоснабжения со стороны прежнего арендодателя и абонента [8]. При этом причиной возникновения несостоятельности СООО «А», исходя из материалов указанного дела, явилось неоднократное приостановление энергоснабжения СООО «А» со стороны прежнего арендодателя производственных площадей [8].

Таким образом, причинно-следственная связь между бездействием и экономической несостоятельностью может иметь место в том слу-

чае, если такую несостоятельность можно было бы предотвратить с помощью менее рискованных действий. Исходя из буквального прочтения нормы ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК можно заключить, что экономическая несостоятельность (банкротство) должника может быть вызвана бездействием его руководителя лишь в двух случаях:

– в случае угрозы экономической несостоятельности, возникшей по причине, не зависящей от воли руководителя, и при наличии возможности совершения таких действий (сделок), которые могут рассматриваться в качестве своеобразной гарантии если не предотвращения неплатежеспособности, то во всяком случае избежания ее ускорения или увеличения;

– в случае угрозы экономической несостоятельности, возникшей по причине, которая зависела от воли руководителя и находилась под его контролем.

Рассмотренная регламентация субсидиарной ответственности руководителя экономически несостоятельного должника, по мнению автора, не может считаться позитивной, ибо обусловленная ею мотивация руководителя юридического лица на бездействие с целью избежать излишнего риска не способствует преодолению кризисных ситуаций при осуществлении предпринимательской деятельности.

### **Заключение**

Эффективное разрешение данной правовой проблемы возможно только посредством реализации системного и дифференцированного подхода к совершенствованию рассмотренных правовых норм. Такой подход может быть основан на реализации нескольких взаимодополняющих направлений:

– конкретизация категорий добросовестности и разумности применительно к правоотношениям уставного представительства, которую можно осуществить посредством закрепления в п. 3 ст. 49 ГК одного или нескольких критериев установления добросовестного и разумного поведения исходя из целей деятельности юридических лиц;

– разработка правовых норм, определяющих специальную компетенцию руководителя организации в период возникновения неплатежеспособности в отсутствие решения о проведении досудебного оздоровления;

– разработка и закрепление на нормативном уровне критериев допустимости предотвращения экономической несостоятельности посредством совершения сделок, которые могут повлечь противоположный результат (в основу таких критериев должно быть положено правило приемлемого соотношения рисков) и критериев допустимости непринятия мер по предотвращению экономической несостоя-

тельности в случае неприемлемого соотношения вероятности ее предотвращения и риска усиления неплатежеспособности.

### Список использованных источников

1. О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27 октября 2006 г. № 11 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об ответственности субсидиарных должников: постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 18 ноября 2011 г. № 56 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Постановление апелляционной инстанции хозяйственного суда города Минска от 16 августа 2012 г. (дело № 110-13/2012/539а) / Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Гражданское право: учеб.: в 2 ч./ Н. Д. Егоров [и др.]; под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: Проспект, 1998. – Ч. 1. – 632 с.

5. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления гражданскими правами / Г. А. Гаджиев // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 54–62.

6. Чукреев, А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права / А. А. Чукреев // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 100–104.

7. Бондаренко, Н. Л. Принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 145–149.

8. Постановление кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 8 октября 2007 г. (дело N 89-5/2007/964К)// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

## Содержание

<i>Антонов А. Н.</i> Некоторые особенности организации работы международных следственных подразделений на постконфликтных территориях .....	3
<i>Абраменко Е. Г.</i> Особенности функционирования институтов гражданского общества (на примере Могилевской области) .....	14
<i>Белоножко Я. Р.</i> Запрос ценовых предложений как один из видов процедур государственных закупок товаров (работ, услуг) в Республике Беларусь .....	20
<i>Георгизова И. Л.</i> Гендерное равенство в Украине в условиях европейской интеграции .....	27
<i>Грахоцкий А. П.</i> Память о холокосте и современные представления о правах человека .....	34
<i>Дробот Ж. А.</i> Отмена специального пенсионного обеспечения в Украине .....	43
<i>Иванова Ю. И.</i> Международное трудовое право как отрасль права .....	47
<i>Караваева Е. М.</i> Формы завещания в республике Беларусь и зарубежных государствах .....	56
<i>Касьянчик С. С.</i> О понятии и системе правовых ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел Республики Беларусь .....	64
<i>Кацубо С. П.</i> О правовом регулировании государственной поддержки сельского хозяйства в рамках современных интеграционных процессов .....	71
<i>Кирякова И. Н.</i> Теория разделения властей: теория и практика ....	80
<i>Ковалёва Н. П.</i> Значение страхового стажа при назначении трудовой пенсии по возрасту .....	87
<i>Ковалёва Т. В.</i> Участие адвоката на стадии исполнительного производства: защита должника .....	94
<i>Ковалёва Е. А.</i> Обеспечение трудовой дисциплины .....	102
<i>Козыревская Л. А.</i> Право принудительного выкупа акций: соотношение законодательных решений в государствах таможенного союза и ЕС .....	110
<i>Колодинская И. В.</i> Контракт как вид срочного трудового договора .....	118
<i>Коновалова Ж. Ч.</i> О правовой природе потребительского общества .....	124
<i>Копыткова Н. В., Скуратов В. Г.</i> Некоторые аспекты миграционного права Европейского Союза .....	132
<i>Краснобаева Л. А.</i> Материальная ответственность государственных служащих .....	139
<i>Лисовская Т. В.</i> Понятие «свобода совести» и его правовое закрепление в странах идентификационной модели государственно-конфессиональных отношений .....	146

<i>Лубко И. Н.</i> Закрепление принципа гендерного равенства в актах первичного и вторичного права ЕС .....	154
<i>Лычковский Д. Н.</i> Соотношение права на неприкосновенность лич- ности с иными конституционными правами в Республике Беларусь	161
<i>Людвигевич О. Н.</i> Дисциплинарные основания увольнения	166
<i>Мазурова Т. А.</i> Сочетание государственного и договорного регули- рования общественных отношений, возникающих по поводу вы- платы заработной платы .....	172
<i>Михайлов Д. И.</i> Субсидиарная ответственность руководителя ком- мерческой организации в аспекте реализации ее сделкоспособности	180

Научное издание

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ  
РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

Сборник научных статей

В трех частях

Часть 2

*В авторской редакции*

Подписано в печать 20.04.2016. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 11,2.

Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 30 экз. Заказ 255.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,  
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

